

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

3 (37)

2023

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2023 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

- Жильцов С.С.* – главный редактор, д-р полит. наук
- Егоров В.Н.* – заместитель главного редактора, канд. ист. наук
- Фаустова Н.А.* – заместитель главного редактора, канд. филол. наук
- Варфоломеев А.А.* – канд. полит. наук
- Закаурцева Т.А.* – д-р ист. наук
- Зверева Т.В.* – д-р полит. наук
- Иванов О.П.* – д-р полит. наук
- Ишин А.В.* – д-р ист. наук
- Карпович О.Г.* – д-р полит. наук, д-р юрид. наук
- Конопляник А.А.* – д-р экон. наук
- Косов Г.В.* – д-р полит. наук
- Липкин М.А.* – д-р ист. наук
- Мастепанов А.М.* – д-р экон. наук
- Неймарк М.А.* – д-р ист. наук
- Ногмова А.Ш.* – канд. полит. наук
- Пашенцев Е.Н.* – д-р ист. наук
- Сидорова Л.Н.* – канд. полит. наук
- Ткаченко М.Ф.* – д-р экон. наук
- Усманов Р.Х.* – д-р полит. наук
- Цвык В.А.* – д-р филос. наук
- Юнглод В.Т.* – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru
Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Жильцов С.С.</i> Арктика в Концепции внешней политики России 2023 года: основные направления и вызовы	6
<i>Золотухин В.В.</i> Дифференцированная интеграция в Европе: дифференциации, модели, классификации	20
<i>Абдрахимов Л.Г.</i> «Концепция инициативы глобальной безопасности» Си Цзиньпина	32

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Серегина А.А.</i> Энергетическое партнерство Российской Федерации с Республикой Индия	45
<i>Мацель В.М.</i> Тайваньский вопрос в контексте белорусско-китайских отношений	58
<i>Высоцкий П.А.</i> Политика Турции в Черноморском регионе	80
<i>Гарбузарова Е.Г.</i> Страны Центральной Азии в условиях антироссийских санкций	92
<i>Саттарова М.С.</i> Особенности политики «мягкой силы» США в Республике Казахстан	105
<i>Романов Р.Р.</i> Процесс принятия внешнеполитических решений в Израиле при Биньямине Нетаньяху	117
<i>Рябинина О.К.</i> Вступление Финляндии в НАТО: новые вызовы для России	133

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Шишков В.В., Хорошев С.В.</i> Украинский вопрос в контексте эволюции внешнеполитической стратегии США	145
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Гаврилова С.М.</i> Проблемы безопасности в современном мире и их постановка в научном дискурсе	169
--	-----

К сведению авторов.	182
--------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021).

- 5.2.5. World economy;
- 5.5.2. Political institutions, Processes, Technologies;
- 5.5.4. International relations;
- 5.6.7. The history of international relations and foreign policy.

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 2nd half of 2023 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation.

The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief, PhD (History)

Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)

Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Tatiana Zvereva, DSc (Political Science)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Andrey Ishin, DSc (History)

Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)

Andrey Konoplyanik, DSc (Economics)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Evgeny Pashentcev, DSc (History)

Lidiya Sidorova, PhD (Political Science)

Marina Tkachenko, DSc (Economics)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsyvk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg. No. ПИ № ФЦ77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2023

© Page make-up. «Kvant Media», 2023

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Sergey Zhiltsov</i> . The Arctic in Russia's Foreign Policy Concept 2023: The Main Directions and Challenges	6
<i>Vasily Zolotukhin</i> . Differentiated Integration in Europe: Differentiations, Models, Classifications	20
<i>Leonid Abdrakhimov</i> . Xi Jinping's "Global Security Initiative Concept Paper"	32

REGIONAL PROBLEMS

<i>Antonina Seregina</i> . Privileged Energy Partnership of the Russian Federation with the Republic of India	45
<i>Valery Matsel</i> . The Taiwan Issue in the Context of Belarusian-Chinese Relations	58
<i>Pavel Vysotsky</i> . Turkey's Policy in the Black Sea Region	80
<i>Elena Garbuzarova</i> . Central Asian Countries in the Context of Anti-Russian Sanctions.	92
<i>Mekhrangez Sattarova</i> . Features of the "Soft Power" Policy of the United States in the Republic of Kazakhstan	105
<i>Roman Romanov</i> . Israel Foreign Policy Decision-Making Process Under Benjamin Netanyahu	117
<i>Olga Ryabinina</i> . Finland's Accession To NATO: New Challenges for Russia.	133

HISTORY AND RELIGION

<i>Vasily Shishkov, Sergej Horoshev</i> . The Ukrainian Issue in the Context of the Evolution of the US Foreign Policy Strategy	145
--	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Svetlana Gavrilova</i> . Security Problems in the Contemporary World and Their Formulation in Scientific Discourse.	169
---	-----

Notice to the authors	182
--	-----

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences,
Head of the Department of Political Science and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

АРКТИКА В КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ 2023 ГОДА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

THE ARCTIC IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY CONCEPT 2023: THE MAIN DIRECTIONS AND CHALLENGES

Аннотация: в новой редакции Концепции внешней политики России, которая утверждена Президентом России в марте 2023 года, Арктика стоит на одном из первых мест. Внимание к данному региону обусловлено его огромным значением для экономического развития страны и обеспечения безопасности. В Концепции определены основные направления политики России в Арктике. Их реализация позволит сохранить позиции в этом ключевом регионе мира. Документ определяет круг приоритетных задач, которые предстоит реализовывать российской стороне, чтобы отстаивать свои интересы. Делается вывод, что усилия России по отстаиванию своих интересов и дальше будут сталкиваться с противодействием со стороны Запада.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, Концепция, Арктика, США.

Abstract: in the Russia's new Foreign Policy Concept, approved by the Russian President in March 2023, the Arctic is one of the first places. The attention to this region is due to its great importance for the national economic development and security. The Concept defines the main directions of the policy of Russia in the Arctic. Their implementation will allow to maintain its position in this key region of the world. The document sets the range of priority tasks to be realized by the Russia to protect its interests. The conclusion is made that Russia's efforts to assert its concerns will continue in order to face opposition from the West.

Key words: Arctic, Concept, foreign policy, Russia, United States.

Введение

До утверждения новой редакции Концепции внешней политики РФ российская политика опиралась на ряд документов, в которых были отражены долгосрочные цели в Арктике. Российская политика исходила из стратегического значения региона, прежде всего его военно-политического значения. Кроме того, большое внимание уделялось вопросам экономического развития Арктики, прежде всего добыче и транспортировке углеводородных ресурсов, созданию инфраструктуры Северного морского пути.

В марте 2020 года Президент РФ утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». Документ определил основные направления российской политики. Позже, в октябре 2020 года, был принят документ «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». Эти документы наряду с другими законодательными актами, которые принимались ранее, внесли существенный вклад в развитие российской Арктики.

Ситуация стала меняться после февраля 2022 года. Начало Россией специальной военной операции (СВО) привело к новому витку противостояния с Западом. США и ЕС фактически вступили в открытую борьбу с Россией, направленную на подрыв ее экономики и ограничение деятельности на международной арене.

Новая геополитическая ситуация в мире, изменение расстановки сил между государствами, кардинальные изменения в мировой экономике — эти и другие вопросы потребовали новых оценок и переосмысления задач российской политики. Это в полной мере касалось и ситуации в Арктике, которой в последние десятилетия уделяется повышенное внимание. В результате 31 марта 2023 года Президент РФ утвердил новую редакцию Концепции внешней политики.

Мирное решение проблем Арктики

Российская политика уже не первый раз акцентирует внимание на приверженности к мирному разрешению противоречий в мировой политике, в том числе в Арктике. Это не раз подчеркивалось в разных документах, в которых определяются приоритеты российской политики. Данный принцип нашел отра-

жение в Концепции внешней политики 2023 года. В документе отмечается, что Россия выступает за «мирное решение международных вопросов, касающихся Арктики, исходя из особой ответственности арктических государств за устойчивое развитие региона и достаточности Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г. для регулирования межгосударственных отношений в Северном Ледовитом океане (включая защиту морской среды и разграничение морских пространств)» [4].

Данный принцип является определяющим для российской политики и исходит из долгосрочных интересов страны. Следует отметить, что еще в программе, которую представила Россия в мае 2021 года, перед началом председательства в Арктическом совете, подчеркивалось, что «сквозным приоритетом российского председательства в Арктическом совете является обеспечение ответственного управления в интересах устойчивого развития Арктики» [8].

Таким образом, приверженность многостороннему сотрудничеству с другими арктическими странами, мирное решение противоречий являются базовыми принципами российской политики в Арктике.

Новая расстановка сил в Арктике и политика России

Кардинальное изменение расстановки сил в Арктике произошло после февраля 2022 года, когда Россия приступила к проведению специальной военной операции. Это привело к пересмотру другими арктическими странами своих подходов к работе в рамках Арктического совета и в целом к взаимодействию с Россией. Так, после февраля 2022 года другие члены Арктического совета выступили за продолжение его работы без России. В обнародованном заявлении отмечалось, что «основные принципы суверенитета и территориальной целостности, основанные на международном праве, уже давно лежат в основе работы Арктического совета, форума, председателем которого в настоящее время является Россия. Ввиду грубого нарушения Россией этих принципов наши представители не будут выезжать в Россию на заседания Арктического совета. Кроме того, наши государства временно приостанавливают участие во всех заседаниях Совета и его вспо-

могательных органов до рассмотрения необходимых условий, которые могут позволить нам продолжить важную работу Совета с учетом нынешних обстоятельств» [21].

Подобная позиция была критически воспринята в России. Данный подход Запада получил оценки со стороны российских представителей. В частности, официальный представитель МИД России М. В. Захарова отмечала, что «политизированное и явно нерациональное заявление затрудняет совместную работу в рамках Совета по развитию регионального сотрудничества в интересах всех жителей Арктики, включая коренные народы, обеспечению устойчивого социально-экономического развития региона, адаптации жизнедеятельности к изменению климата, реализации программ по изучению и защите окружающей среды, а также совместные действия в области сохранения биоразнообразия. Это направление международного сотрудничества никогда не являлось заложником геополитической конъюнктуры. Получается, что стремление ряда стран “наказать” Россию обернется серьезными издержками для совместного поиска оптимальных решений актуальных арктических проблем. Российское председательство в Арктическом совете надеется, что наши партнеры проявят здравый смысл и вернуться к конструктивному взаимодействию в рамках Совета. Со своей стороны продолжим последовательную работу по реализации комплексной программы российского председательства в Арктическом совете на период 2021—2023 гг. с целью обеспечения устойчивого развития Арктики при сбалансированном сочетании социального, экономического и экологического измерений, что объективно отвечает интересам всего региона» [3].

Как показала ситуация с Арктическим советом, деятельность которого фактически была заблокирована после февраля 2022 года из-за позиций других государств, вопросы политики преобладают над конструктивным сотрудничеством.

В мае 2023 года Россия завершила двухлетнее председательство в Арктическом совете. Председательство перешло к Норвегии. По словам министра иностранных дел России С. В. Лаврова, «дальнейшая эффективная работа, да и судьба Арктического совета в целом будут зависеть от того, удастся ли нам совместно найти возможности для продолжения цивилизованного диалога

в интересах сохранения Арктики как территории мира, стабильности и конструктивного сотрудничества» [5]. При этом российский министр отметил, что «полноформатная работа Совета была нарушена из-за позиции Запада, под надуманным предлогом ситуации на Украине “заморожившего” деятельность Совета» [5], подчеркнув, что российская сторона считает «такой шаг наших западных коллег политизированным и контрпродуктивным, ведущим к размыванию коллективных подходов к ответственному управлению Арктикой».

Соответственно, в Концепции внешней политики России нашли отражение оценки деятельности арктических государств, а также была сформулирована задача «противодействовать курсу недружественных государств на милитаризацию региона и ограничение возможностей России для реализации ее суверенных прав в Арктической зоне Российской Федерации» [4].

Давление со стороны Запада привело к изменению подходов российской политики в Арктике. Россия стала выступать за расширение сотрудничества с неарктическими государствами, которые готовы сотрудничать по широкому спектру вопросов [25]. Как отмечено в Концепции, Россия стремится «налаживать взаимовыгодное сотрудничество с неарктическими государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России и заинтересованными в осуществлении международной деятельности в Арктике, включая инфраструктурное развитие Северного морского пути» [4].

В последнее время Россия стремится активно взаимодействовать в Арктике с Китаем. Подобное сотрудничество рассматривается в качестве стратегической задачи, решение которой будет отвечать долгосрочным интересам России. Для Пекина подобное сотрудничество также имеет большое значение в контексте политики, которая направлена на расширение сотрудничества с ЕС. Товарооборот Китая с ЕС в 2022 году составил 856 млрд евро [16]. Китайская сторона рассчитывает, что использование Северного морского пути позволит получить дополнительные возможности для доставки товаров на европейский рынок. В марте 2023 года Россия и Китай достигли договоренности, что Пекин будет участвовать в совместном использовании российской транспортной артерии. Так, в ходе рабочего визита

Председателя КНР в Москву в начале марта 2023 года «стороны договорились, что Россия и Китай создадут рабочий орган по проекту “Северный морской путь”» [12].

Северный морской путь — в фокусе российской политики

Развитие Северного морского пути (СМП), его использование для развития экономики находятся в фокусе внимания российской политики. В отношении СМП Россия проводит политику, направленную на увеличение грузопотока. «В 2011 году объем перевозок по СМП составлял 258 тыс. т, в 2019 году — 31,5 млн т, в 2020 году — 32,9 млн т. В 2022 году объем перевозок по СМП увеличился до 34 млн т, несмотря на то что международные операторы уклонялись от маршрута» [19].

В апреле 2022 года российский Президент провел совещание, посвященное развитию Арктической зоны. Помимо этого обсуждались проблемы, от решения которых зависит дальнейшее развитие Северного морского пути. В частности, В. В. Путин отметил, что развитие СМП требует «создания современной портовой и аварийно-спасательной инфраструктуры, спутниковых систем мониторинга, связи, а также реализации наших амбициозных, в хорошем смысле этого слова, планов по расширению ледокольного и грузового флота, строительству судов-газовозов арктического класса» [13].

В августе того же года правительство России утвердило план развития СМП на период до 2035 года [9]. «Документ охватывает широкий круг вопросов, связанных с реализацией планов по дальнейшему созданию ледокольного флота, освоению месторождений и проведению работ, связанных с формированием инфраструктуры, организацией каботажных рейсов по акватории Северного морского пути, которые позволят связать между собой порты северо-запада России и Дальний Восток» [9].

Еще в марте 2018 года в Послании Федеральному Собранию Президент РФ В. В. Путин поставил задачу увеличить грузоперевозки по СМП до 80 млн т к 2025 году и сделать СМП «глобальной конкурентной транзитной артерией». В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года» (утверждена 26 октября 2020 года Президентом РФ) были заложены новые прогнозы

объема перевозок по СМП — до 130 млн т в год. Выйти на этот объем предполагалось за счет экспорта природных ресурсов.

В Концепции внешней политики подчеркивается, что усилия России будут направлены на «обеспечение благоприятных международных условий для социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации (включая защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни проживающих в этой зоне коренных малочисленных народов), а также для развития Северного морского пути в качестве конкурентоспособной национальной транспортной артерии с возможностью его международного использования для осуществления перевозок между Европой и Азией» [4].

Для развития СМП в мае 2023 года в России был принят ряд решений. В частности, правительство России открыло для захода иностранных судов порт Тикси, расположенный на побережье моря Лаптевых на севере Якутии [10]. Таким образом, порт Тикси станет международным. По словам премьер-министра Михаила Мишустина, «важно иметь еще одно место вдоль СМП в качестве грузового узла» [20]. Тикси расположен примерно на полпути между Европой и Азией, что делает его идеальной остановкой и перегрузочным пунктом на маршруте. «Принятое решение позволит создать условия для запуска инвестиционного проекта по строительству глубоководного порта-хаба в районе села Найба. Грузооборот может составить порядка 30 млн тонн в год» [2].

Открытие порта реализовано в рамках «мер по обходу последствий западных экономических санкций и поддержке развития Северного морского пути. По этой причине Россия открыла один из своих стратегических портов в Арктике для иностранных грузовых судов». Решение об открытии порта Тикси было принято под влиянием «новых торговых реалий, которые складываются из-за “условий внешнего санкционного давления” со стороны Запада. Санкции подтолкнули страну к налаживанию новых торговых партнерств именно со странами Азии и Африки, которые открыто отказались осудить агрессию Кремля в Украине» [24].

В последние годы СМП играет всё более значимую роль в поставках сжиженного природного газа (СПГ) на внешний рынок [1]. В 2022 году «Ямал СПГ» произвел 21 млн т сжиженного природного газа. Из них 16 млн т было направлено в Европу [15].

В целом поставки СПГ и газового конденсата составили 20,5 млн т [19]. В мае 2023 года руководитель компании «Росатом» Алексей Лихачев заявил, что «компания, совместно с “Новатэк”, намерена осуществлять круглогодичную навигацию по СМП, начиная с 2024 года» [11].

В середине 2023 года танкер «Федор Литке», который перевозил сжиженный природный газ с Ямала, осуществил первый проход по СМП в Азию. Газовоз, проход которому обеспечивали два ледокола, покинул порт Сабетта в начале июня и за две недели преодолел 2,4 тыс. миль. СПГ предназначен потребителям в Китае. В частности, китайская компания CNPC и «Фонд Шелкового пути» являются акционерами «Ямал СПГ» (29,9%). У CNPC есть 20-летний контракт на закупку 3 млн т СПГ (4,1 млрд м³) [7]. В Зебрюгге (Бельгия) СПГ перегружают с танкеров ледового класса и доставляют в Азию газовозами через Суэцкий канал.

Российская сторона рассчитывает поставлять через СМП уголь. Его поставки могут начаться уже в 2023 году. Так, «использование крупных сибирских рек рассматривается как один из вариантов решения логистических проблем Восточного полигона, а также как возможность увеличить грузопоток по Северному морскому пути» [6].

Развитие судоходства в Арктике связано с решением значительного количества проблем. С одной стороны, это строительство новых судов для перевозки углеводородных ресурсов и другой продукции, развитие инфраструктуры, социально-экономические проблемы. С другой стороны, возникают новые факторы, которые могут внести коррективы в развитие судоходства в Арктике. Например, согласно новым исследованиям исчезновение льда вследствие изменения климата делает обширные районы подверженными туману. Прежде всего, это касается тех районов, которые относительно недавно стали свободными ото льда. В итоге безледные участки океана становятся чрезвычайно опасными, поскольку судам приходится снижать скорость, чтобы избежать скрытых глыб подводного льда» [23].

Внешняя граница континентального шельфа

Долгосрочной задачей, которая стоит перед Россией, является оформление внешней границы континентального шельфа. Эта

задача рассматривается в контексте отстаивания позиций России в Мировом океане, особенно в условиях конфронтационной политики со стороны Запада.

Еще 31 марта 2021 года Россия подала две заявки в Комиссию по границам континентального шельфа. Основные усилия направлены на расширение внешней границы континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. Данная задача нашла отражение в Концепции внешней политики 2023 года. В документе отмечается, что необходима «активизация процесса международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации и границ морских пространств, в пределах которых Россия осуществляет суверенные права и юрисдикцию, исходя из необходимости безусловного обеспечения ее национальных интересов, важности укрепления отношений добрососедства, доверия и сотрудничества с сопредельными государствами» [4]. В документе подчеркивается также курс, направленный на «закрепление в соответствии с международным правом внешних границ континентального шельфа Российской Федерации, защиту ее суверенных прав на континентальном шельфе» [4].

Таким образом, Россия еще раз подчеркнула в Концепции 2023 года приоритет задачи по расширению внешней границы континентального шельфа и отстаиванию своих интересов в Арктике.

В целом в документе подчеркивается, что «в целях изучения, освоения и использования Мирового океана в интересах обеспечения безопасности и развития России, противодействия односторонним ограничительным мерам недружественных государств и их объединений в отношении российской морской деятельности Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

1) обеспечению гарантированного свободного, безопасного и полного доступа России к жизненно важным, важным и другим пространствам, транспортным коммуникациям и ресурсам Мирового океана;

2) ответственному и рациональному освоению биологических, минеральных, энергетических и других ресурсов Мирового океана, развитию морских трубопроводных систем, проведению научных исследований, защите и сохранению морской среды» [4].

Климатическая повестка

Вопросы изменения климата и принятие необходимых решений, направленных на минимизацию последствий от его изменений, постоянно находятся в центре внимания России. Данные задачи многократно находили свое отражение в разных российских документах и выступлениях российского Президента. Концепция внешней политики России также акцентировала внимание на необходимости сохранения климата. В документе подчеркивается, что «в целях сохранения благоприятной окружающей среды, улучшения ее качества, рациональной адаптации России к изменениям климата в интересах современного и будущих поколений Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

1) содействию научно обоснованным неполитизированным международным усилиям по ограничению негативного воздействия на окружающую среду (включая сокращение выбросов парниковых газов), сохранению и повышению поглощающей способности экосистем;

2) расширению сотрудничества с союзниками и партнерами в интересах противодействия политизации международной природоохранной и климатической деятельности, прежде всего ее осуществлению в целях недобросовестной конкуренции, вмешательства во внутренние дела государств и ограничения суверенитета государств в отношении их природных ресурсов;

3) поддержке права каждого государства самостоятельно выбирать оптимальные для себя механизмы и способы охраны окружающей среды и адаптации к изменениям климата;

4) содействию выработке единых для всех, понятных и справедливых глобальных правил природоохранного и климатического регулирования с учетом Парижского соглашения от 12 декабря 2015 г., принятого на основе Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 9 мая 1992 г.;

5) повышению эффективности международного сотрудничества в сфере разработки и внедрения передовых технологий, способствующих сохранению благоприятной окружающей среды и улучшению ее качества, адаптации государств к изменениям климата;

б) предотвращению нанесения трансграничного ущерба окружающей среде Российской Федерации, прежде всего занесения на ее территорию загрязняющих веществ (в том числе радиоактивных), карантинных, особо опасных и опасных вредителей растений, возбудителей болезней растений, растений-сорняков и микроорганизмов» [4].

Заключение

Политика России в Арктике реализуется в условиях давления Запада. США и их союзники стремятся ослабить экономический потенциал России, ограничить ее присутствие в разных регионах мира. Тем более, что США уделяют большое внимание региону. Например, в мае 2023 года заместитель министра обороны США Кэтлин Хикс посетила Аляску, где уделяла большое внимание вопросу влияния климата на арктическую инфраструктуру военных объектов и в целом вопросам безопасности в регионе [17]. В этот же период министр обороны Дании Троэльс Лунд Поульсен представил планы правительства по новому оборонному урегулированию. В частности, «Дания намерена потратить 143 миллиарда крон (28 миллиардов канадских долларов) на оборону в течение следующих 10 лет» [18]. Наконец, в мае 2023 года в регион совершил визит госсекретарь США Э. Блинкен, уделяя большое внимание деятельности НАТО в Арктике. Подобная активность Запада в Арктике показывает, что внимание к его развитию, решению долгосрочных задач по-прежнему является приоритетной целью США, ЕС и НАТО.

Активность Запада в Арктике вынуждает Россию также усилить внимание к этому региону. Неслучайно Арктика заняла в Концепции второе место среди региональных направлений. В документе подчеркивается, что «фокус арктической политики России смещается на освоение российской Арктики» [22]. Этому посвящен большой раздел, который «стал более подробным и структурированным» [22].

Еще до принятия новой редакции Концепции, в феврале 2023 года, были внесены изменения в «Основы государственной политики в Арктике на период до 2035 года» (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164). Президент России подписал соответствующий Указ 21 февраля

ля. В соответствии с документом должно быть усилено внимание к социально-экономическому развитию Арктики, мониторингу деградации многолетней мерзлоты, а также развитию инфраструктуры. Кроме того, речь шла о полезном использовании попутного нефтяного газа. Документ дополнен пунктом о повышении безопасности судоходства, «управлении транспортными потоками в районах интенсивного движения судов в Арктической зоне Российской Федерации, в том числе реализации комплекса мер по геологическому, геодезическому, картографическому, гидрометеорологическому, навигационному и гидрографическому обеспечению с использованием отечественных технологий, средств и государственных систем» [14]. Важным пунктом Указа является положение, в соответствии с которым ставятся задачи «обеспечения импортонезависимости судостроительного комплекса, развития и модернизации судостроительных и судоремонтных мощностей для строительства и обслуживания судов, осуществляющих судоходство в акватории Северного морского пути» [14]. Очевидно, что в этом контексте для России одной из ключевых задач является «снижение уровня угроз национальной безопасности в Арктике» [4].

Как отмечается в Концепции, российская политика направлена на «нейтрализацию курса недружественных государств на милитаризацию региона и ограничение возможностей России для реализации ее суверенных прав в Арктической зоне Российской Федерации; обеспечение неизменности исторически сложившегося международно-правового режима внутренних морских вод Российской Федерации; налаживание взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России и заинтересованными в осуществлении международной деятельности в Арктике, включая инфраструктурное развитие Северного морского пути» [4].

В ближайшие годы Арктика останется регионом, где по-прежнему будут сталкиваться интересы России и Запада. В связи с этим укрепление военного потенциала, развитие инфраструктуры и использование сырьевой базы являются одними из ключевых задач российской политики в Арктике. От решения этих задач зависит, насколько успешно Россия сможет отстаивать свои национальные интересы в Арктическом регионе.

Литература

1. Жильцов С. С., Зонн И. С. Арктика. Регион будущего развития. — М.: Аспект Пресс, 2022. — 320 с.
2. Кабмин разрешил заход иностранных судов в порт Тикси в Якутии. — 03.06.2023. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/17919397?ysclid=ijvh4n8sxx705530334> (дата обращения: 23.06.2023).
3. Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой в связи с заявлением западных стран — членов Арктического совета. — 04.03.2022. — URL: [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1802852/\(дата обращения: 27.05.2023\)](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1802852/(дата обращения: 27.05.2023)).
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). — 31.03.2023. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.05.2023).
5. Лавров: судьба Арктического совета будет зависеть от возможности продолжить диалог сторон. — 11.05.2023. — URL: <https://tass.ru/politika/17722825?ysclid=ijwhgaefth560303037> (дата обращения: 27.05.2023).
6. Минтранс предложил использовать порты Красноярска, Лесосибирска для пилотных отправок угля. — 10.02.2023. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/17024629> (дата обращения: 19.05.2023).
7. Первый прошел: началась навигация российского СПГ по Северному морскому пути. — 19.06.2023. — URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/06/19/pervyy-proshel-nachalas-navigaciya-rossiyskogo-spg-po-severnomu-morskomu-puti> (дата обращения: 21.06.2023).
8. Председательство России в Арктическом совете в 2021—2023 годах. — URL: <https://arcticcouncil.org/ru/about/previous-chairmanships/russian-chairmanship-2/> (дата обращения: 17.06.2023).
9. Распоряжение Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 2115-п. — URL: <http://static.government.ru/media/files/StA6ySKbVceANLRA6V2sF6wbOKSyxNzw.pdf> (дата обращения: 23.05.2023).
10. Распоряжение Правительства РФ от 27 мая 2023 г. № 1373-п. — URL: <http://static.government.ru/media/files/rxGAfKAIYpNNfxlZCgGJmsBbkHJlb7P.pdf> (дата обращения: 23.05.2023).
11. Росатом совместно с «Новатэком» в начале 2024 г. начнет круглогодичную навигацию по СМП. — 17.05.2023. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/17772487?ysclid=ijvkcggxpr233998225> (дата обращения: 19.05.2023).
12. Россия и Китай создадут рабочий орган по проекту «Северный морской путь». — 21.03.2023. — URL: <https://ria.ru/20230321/sevmorput-1859552205.html?ysclid=ijwfq3qf9m335802517> (дата обращения: 14.05.2023).
13. Сопровождение по вопросам развития Арктической зоны. — 13.04.2022. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68188> (дата обращения: 14.05.2023).
14. Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» [утв. Указом Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164]. — 21.02.2023. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/3orBqURfyt6AAPZo7B3ES2A3Tq3O2WfN.pdf> (дата обращения: 14.05.2023).
15. «Ямал СПГ» в 2022 г. произвел почти 21 млн тонн, в 2023 г. ожидается на 5 % ниже. — 07.02.2023. — URL: <https://chem.ru/neftgaz/44342-jamal-spg-v-2022-g-proizvel-pochti-21-mln-tonn-v-2023-g-ozhidaetsja-na-5-nizhe-mihelson.html?ysclid=ijvkij629p331676782> (дата обращения: 14.05.2023).
16. China-EU — international trade in goods statistics. — February 2023. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#China_largest_partner_for_EU_imports_of_goods_in_2022 (accessed: 14.05.2023).
17. *Cusick D. U. S. Military Sees Growing Threat in Thawing Permafrost.* — May 24, 2023. — URL: <https://www.scientificamerican.com/article/u-s-military-sees-growing-threat-in-thawing-permafrost/#:~:text=Warming%20temperatures%20are%20thawing%20out,faclities%20across%20the%20Arctic%20region> (accessed: 14.06.2023).

18. Denmark proposes defence spend boost, reaffirms importance of low-conflict Arctic. — May 30, 2023. — URL: <https://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2023/05/30/denmark-proposes-defence-spend-boost-reaffirms-importance-of-low-conflict-arctic/> (accessed: 14.06.2023).
19. *Humbert M.* Russia's Northern Sea Route Sees More Traffic Despite War and Sanctions. — Jan. 18, 2023. — URL: <https://www.highnorthnews.com/en/russias-northern-sea-route-sees-more-traffic-despite-war-and-sanctions> (accessed: 14.04.2023).
20. *Humpert M.* Arctic Port of Tiksi Open to Foreign Vessels To Spur Investments along NSR. — June 05, 2023. — URL: <https://www.highnorthnews.com/en/arctic-port-tiksi-opens-foreign-vessels-spur-investments-along-nsr> (accessed: 23.06.2023).
21. Joint statement on Arctic Council cooperation following Russia's invasion of Ukraine. — March 3, 2022. — URL: <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2022/03/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine.html> (accessed: 27.05.2023).
22. *Lipunov N., Devyatkin P.* The Arctic in the 2023 Russian Foreign Policy Concept. — May 30, 2023. — URL: <https://www.thearcticinstitute.org/arctic-2023-russian-foreign-policy-concept/> (accessed: 27.06.2023).
23. *Plester J.* Shipping in the Arctic faces foggy future as sea ice melts. — 25 May, 2023. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/may/25/shipping-arctic-fog-sea-ice-melts-climate-change> (accessed: 29.05.2023).
24. Russia Opens Remote Arctic Port to Foreign Ships to Support NSR Growth. — June 6, 2023. — URL: <https://maritime-executive.com/article/russia-opens-remote-arctic-port-to-foreign-ships-to-support-nsr-growth> (accessed: 23.06.2023).
25. *Zhiltsov S. S., Zonn I. S.* The Arctic: A Drifting Future. — N.Y.: Nova Science Publishers, 2021. — 364 p.

Золотухин Василий Васильевич,

Второй секретарь,
Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Vasily V. Zolotukhin,

Second Secretary,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: vzolotukhin@mid.ru

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ, МОДЕЛИ, КЛАССИФИКАЦИИ

DIFFERENTIATED INTEGRATION IN EUROPE: DIFFERENTIATIONS, MODELS, CLASSIFICATIONS

Аннотация: интеграционные процессы в Европе, направленные на устранение торговых барьеров и унификацию экономических и правовых норм сотрудничества, позволяли поэтапно выстраивать взаимовыгодные отношения между государствами. Вместе с тем дальнейшее всестороннее развитие требовало решительных шагов в сторону изменений. Так, нашла широкое применение концепция дифференцированной интеграции, призванная разрешить противоречия, возникающие в ходе взаимодействия.

Первоначально такой подход встречал скептическую реакцию, в том числе из-за соответствующего потенциального усложнения механизмов управления. Однако с течением времени методы дифференцированной интеграции стали охватывать практически все области европейского сотрудничества.

В рамках разнообразных теоретических наработок были выделены понятия горизонтальной и вертикальной дифференциации, характеризующие схемы вовлеченности стран в интеграционные процессы. С учетом накопленной практики разработаны также классификации моделей дифференцированной интеграции, основанные на различных отличительных признаках.

Ключевые слова: европейская интеграция, дифференциации, дифференцированная интеграция, экономическая политика.

Abstract: integration processes in Europe aimed at lifting the trade barriers as well as unifying the economic and legal rules of co-operation supported the progressive mutually beneficial relations between the countries. Yet further overall development required some bold steps towards changes. Therefore, the differentiated integration concept designed for settling the differences arising from co-operation has found its wide application.

Initially the approach received some sceptical response, inter alia due to the corresponding looming complication of management mechanisms. However, the methods of differentiated integration have over time covered almost every policy of European relations.

A wide range of theoretical advancements have identified such concepts as horizontal and vertical differentiations distinguishing the involvement patterns of the countries in integration processes. With further accumulated practice the experts have also elaborated some classification models based on a variety of distinct features.

Key words: European integration, differentiations, differentiated integration, economic policy.

Введение

Первоначальная этимология слова «интеграция» означает сочленение разрозненных частей воедино, а в международном контексте предполагается целевое объединение государств, направленное на повышение совокупной, прежде всего экономической, выгоды всех соответствующих участников в определенных ими сферах деятельности.

Тематика интеграционных процессов неоднократно становилась объектом прикладного изучения целого ряда исследователей, при этом подходы к анализу и оценке данного явления претерпевали изменения. Достаточно популярной и наиболее интуитивно понятной схемой стало «линейное» восприятие развития интеграции — от незначительной по охвату и интенсивности до полномасштабной и всеобъемлющей. Так, венгерский экономист Бела Балаша выделял пять форм интеграции: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз, полная экономическая интеграция [7, р. 5]. В идеальном мире логично ожидать, что при организации подобного сотрудничества будет поддерживаться единый уровень интеграции участников, претворяться в жизнь совместное поступательное развитие и сохраняться окончательная цель — максимальное сближение и сплочение стран. Действительно, благодаря эффекту масштаба, снятию торговых ограничений и упрощению модальностей торговли выгоды в совокупности при прочих равных условиях для всех растут.

Однако, как показала практика, интеграционное «строительство» — неоднородный многофакторный процесс, призванный учитывать весь комплекс существенных обстоятельств и порой разновекторных интересов. Так, например, подключаются новые участники, которым трудно в одночасье приступить к исполнению требований наравне со всеми, конкретные государства могут заявлять о своих принципиальных потребностях или стремиться инкорпорироваться в систему частично. Различные стратегии по выстраиванию политики с отдельными временными или постоянными исключениями, изъятиями и оговорками получили название «дифференцированная интеграция» (далее — DI).

Зарождение DI в Европе

До 1990-х годов круг зарубежных научных публикаций непосредственно по DI был несколько узким, хотя дискуссии по этой проблематике шли между политиками и учеными с 1970-х годов.

Так, тезис о том, что интеграция в Европе «может протекать с разными скоростями для разных членов», одним из первых выдвинул федеральный канцлер ФРГ и лауреат Нобелевской премии мира 1971 года Вилли Брандт. В ноябре 1974 года в своем выступлении на заседании Европейского движения в Париже он фактически представил модель двухскоростной или многоскоростной Европы, не употребляя данных терминов или слов «дифференцированная» или «гибкая» относительно интеграции. В Брюсселе речь была принята весьма прохладно. Более того, Комиссия Европейских сообществ сочла озвученный подход опасным для будущего [20]. Критическая реакция на его инициативу была достаточно активной, и впоследствии известный политический деятель не признавал, что поддерживал эту идею [19, p. 5].

Нефтяной кризис 1973 года и закономерно проявившиеся проблемы испытывали тогда на прочность концепцию европейской интеграции. В 1975 году премьер-министр Бельгии Лео Тиндеманс в своем докладе Европейскому совету констатировал, что в период экономических неурядиц «раскачивается незавершенная европейская структура» [11, p. 3]. Он отметил, что в сложившихся обстоятельствах невозможно требовать при осуществлении интеграционного строительства, чтобы «этапы были достигнуты странами одновременно» [11, p. 16]. Так, Л. Тиндеманс, не вводя в оборот соответствующего термина, фактически, как и В. Брандт, продвигает двухскоростную модель интеграции, но только относительно валютного союза. По его словам, государства, способные к прогрессу, обязаны двигаться вперед, но те, у кого есть причины, которые Европейский совет по предложению Комиссии Европейских сообществ признает обоснованными, могут не делать этого [11, p. 16].

В феврале 1976 года Конгресс Европы, Комиссия Европейских сообществ и ряд стран выразили несогласие с концепцией двухскоростной или многоскоростной Европы. Критика Л. Тиндеманса была столь острой, что он, как и В. Брандт, стал позднее отрицать, что выдвигал эту инициативу [19, p. 5].

Позже другие политические деятели выступали с различными предложениями по использованию DI для построения Сообщества. Например, в 1980 году Жак Делор, председатель Комитета Европейского парламента по экономическим и валютным вопросам, поддержал идею Европы изменяемой геометрии (*variable geometry Europe*), а бывший премьер-министр Франции Раймон Барр — многоскоростной (*multi-speed*) Европы. В мае 1984 года Президент Франции Франсуа Миттеран одобрительно высказался об этих двух вариантах [19, р. 6].

Непосредственно отношение к концепции интеграции у Европейского совета поменялось после 1980 года, когда странам не удалось прийти к согласию по ряду фундаментальных вопросов Сообщества [19, р. 5]. В сентябре 1985 года Европейский парламент обнародовал документ «Двухскоростная Европа», где впервые подробно анализируются подходы на основе:

- двухскоростной (*two-speed*) Европы;
- двухъярусной (*two-tier*) Европы;
- Европы *à la carte*;
- Европы изменяемой геометрии [19, р. 3—4].

Их обсуждение в 1970-х — начале 1980-х годов совпало с этапом адаптационной подстройки после вступления в ЕЭС Великобритании, Дании и Ирландии в 1973 году и с дебатами о будущем Экономического и валютного союза (далее — EMU).

В 1980-х годах был опубликован ряд исследований, посвященных DI, например Эберхарда Грабитца (*Eberhard Grabitz*), Бернда Лангехайна (*Bernd Langeheine*), Клауса-Дитера Элерманна (*Claus-Dieter Ehlermann*). Последний писал, что не существует общепринятого толкования Европы изменяемой геометрии, *à la carte*, двухскоростной или двухъярусной концепции, используемой для обозначения соответствующего явления [10, р. 1275].

В зарубежной научной литературе хрестоматийное определение понятия «дифференцированная интеграция», под которым понимается «основной вид интеграционных стратегий, пытающихся примирить неоднородность в рамках Европейского союза», впервые дал Александр Стубб (*Alexander Stubb*) в 1996 году. Он отмечает, что общее понимание затрудняется существующей путаницей и неоднозначными трактовками, что осложняет проведение дебатов по этой проблематике. Дискуссии о DI характеризуются

«избытком терминологии, которая может вызвать даже у самого опытного специалиста по европейской интеграции тяжелую форму семантического несварения» [17, р. 283—284, 291].

После определения, данного А. Стуббом, в иностранной научной литературе вместо «гибкая» (flexible) укоренился термин «дифференцированная» интеграция. Вместе с тем до настоящего времени как синонимы зачастую употребляются конкретные понятия (двухскоростная, многоскоростная Европа, *à la carte* и др.), указывающие лишь на отдельные варианты DI, что осуждают некоторые зарубежные специалисты, например Франк Шиммельфенниг (Frank Schimmelfennig) и Томас Винцен (Thomas Winzen) [14, р. 17].

Таким образом, довольно долго DI рассматривали как угрозу для осуществления всего интеграционного проекта. Утверждалось, что такое неполноформатное участие государств пагубно скажется на развитии взаимодействия и непременно приведет к отклонениям от магистрального направления единой Европы. Использование DI, как ожидали скептики, вынудило бы также заниматься скрупулезным анализом запутанных массивов частично пересекающихся политик и положило бы начало значительному усложнению механизмов управления в целом. Имелись опасения, что совокупные выгоды в конечном счете не материализуются, поскольку DI может привести к исчезновению желания прикладывать усилия у «догоняющих» стран, которые имеют более низкую скорость в ходе интеграции [13, р. 8]. Порой раздавались озабоченные голоса о том, что DI послужит тормозом для всего процесса. Так, Ян-Эммануэль Де Нев (Jan-Emmanuel De Neve), характеризуя трансформации, возникающие в результате DI, пишет, что Европа стала похожа на «многослойный лук» [9, р. 503—504].

На сегодняшний день DI считается ключевой особенностью европейской интеграции. В современной научной литературе отмечается, что в ЕС сложилась сложная система разноуровневого разноформатного и многоскоростного сотрудничества [18, р. 4].

Можно подчеркнуть также, что поскольку отношение к DI в Европе постепенно претерпевало мировоззренческие изменения, то здесь рельефно просматриваются несколько эволюционных этапов:

— 1970-е годы — начальный период с фактически осуждением и критикой DI и неприятием возможностей использования даже ее отдельных элементов;

— 1980-е годы — осторожные дискуссии на тему потенциала DI, в том числе иницилируемые официальными уполномоченными органами;

— 1990-е годы — на пути к постепенному принятию концепции DI систематизация наработок и старт более обстоятельных научных изысканий по вопросу;

— с 2000-х годов по настоящее время — фактически широкое признание DI как инструмента по углублению интеграции в Европе и дальнейшее совершенствование подходов.

Дифференциации и их типы

По мнению зарубежных авторов, под дифференциацией следует понимать освобождение отдельной страны от единого правила в течение определенного периода [14, р. 17]. Вместе с тем в отечественной литературе термины «дифференциация» и «дифференцированная интеграция» иногда трактуются одинаково: «...понятие... подразумевает, что в политике регионального интеграционного объединения появляются сферы, в которых участвуют не все государства-члены» [3, с. 158].

Одна из первых значительных дифференциаций произошла в 1979 году в связи с созданием Европейской валютной системы (далее — EMS) и определением пределов колебания валютных курсов. Так, например, Великобритания не присоединилась к EMS [8, р. 12].

Позднее, в 1986 году, согласно внесенным Единым европейским актом поправкам в статье 8С Римского договора впервые закрепляется концепция DI на основе дифференциаций. Однако там указывается, что, «если эти положения принимают форму отступлений, они должны носить временный характер и вызывать как можно меньше нарушений в функционировании общего рынка» [16, р. 10]. В целом до середины 1990-х годов считалось, что дифференциации, то есть отказы от участия в сотрудничестве в той или иной области, переходный период для новых стран-членов и т. п., являются временными или второстепенными побочными эффектами расширения интеграции [15, р. 765].

С годами дифференциации появились в разных сферах — денежно-кредитной, режиме защиты прав человека, общей внешней политике и др. [4, с. 248—252] — и стали неотъемлемой составляющей многосторонних отношений.

Рассмотрим существующие типы дифференциаций и их сущность.

Так, при наличии вертикальной дифференциации области политики интегрируются несинхронно и достигают с течением времени разного уровня централизации. Речь идет об углублении и институционализации сотрудничества, о совместном принятии решений, взаимной координации усилий.

Горизонтальная дифференциация относится к территориальному измерению и касается неединообразного и неисключительного действия соответствующих правил и политик на страны. При этом можно говорить о внутренней горизонтальной дифференциации, когда присутствуют отказы или отступления у полноправных участников (например, Венгрия, Дания или Швеция вне EMU), или о внешней горизонтальной дифференциации, если, наоборот, нечлены присоединяются к интеграционным процессам (например, Исландия, Лихтенштейн и Норвегия в Едином экономическом пространстве (ЕЭП) или двусторонние отношения ЕС со Швейцарией, Андоррой, Монако и Сан-Марино).

Некоторые области DI содержат одновременно и внутренние, и внешние горизонтальные дифференциации. Например, в Шенгенской зоне нет находящейся в составе ЕС Ирландии, но есть страны — члены Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), не входящие в сам ЕС.

Важно отметить, что на практике разное сочетание вертикальной и горизонтальной дифференциаций образует так называемую систему DI [15, р. 765—768].

Модели DI и некоторые системы их классификации

Рассмотрим одни из наиболее признанных систем классификации моделей DI.

В целом данное направление разрабатывается зарубежными учеными примерно с 1980-х годов и до настоящего момента. Так, А. Стубб в 1996 году предложил классификацию, ставшую одной

из первых достаточно авторитетных, существовавших тогда концепций DI — в современной литературе именуются моделями DI.

Они были проанализированы и сгруппированы по трем переменным:

- время (time);
- пространство (space, территориальный признак);
- предмет (matter, по факту секторальное деление) [17, p. 284—291].

Известны изыскания отечественных ученых, основанные на работах А. Стубба, которые содержат фактически обзоры существующих моделей DI. Это, например, публикации Л. О. Бабыниной [1, с. 26—47; 2, с. 31—37] или Н. Ю. Кавешникова. Последний предлагает также распределение по двум критериям:

- сферы деятельности ЕС;
- уровень принятия решений о реализации элементов гибкости [5, с. 63].

На текущий момент одну из наиболее полных классификаций представили Катарина Хольцингер (Katharina Holzinger) и Франк Шиммельфенниг. В своем исследовании авторы критикуют А. Стубба и вводят шесть измерений для характеристики моделей DI:

- дифференциация постоянная или временная;
- дифференциация территориальная или чисто функциональная;
- дифференциация между национальными государствами или также внутри одного государства;
- дифференциация имеет место в рамках или также вне договоров ЕС;
- принятие решений на уровне ЕС или в «клубе» (межправительственное);
- распространение правил исключительно на страны-члены или также вне ЕС (нечлены ЕС, имплементированные в установленные нормативные правовые акты или же находящиеся вне юрисдикции ЕС) [12, p. 296—297].

Согласно перечисленным измерениям авторы распределяют по образовавшимся «ячейкам» модели: многоскоростная, многостандартная, авангард Европы, ядро Европы/концентрические окружности, гибкая интеграция, с изменяемой геометрией,

Европа à la carte (по меню), оптимальный уровень юрисдикции, гибкая кооперация, функциональные перекрывающиеся конкурирующие юрисдикции (FOCJ, ФКПЮ) (табл. 1). Важно отметить, что у части перечисленных терминов нет устоявшегося перевода на русский язык.

Каждая из моделей DI может служить предметом отдельного подробного изучения, и по всем из них существует целый ряд, в основном зарубежных, исследований. Учитывая развитие как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов в Европе, а также прикладные наработки в данной области, научная мысль продолжает развиваться в установленном направлении.

Следует обратить внимание на то, что эмпирический опыт по данной проблематике с преломлением на интенсификацию использования методов DI для расширения географии сотрудничества однозначно может представлять для России стратегический интерес, особенно учитывая важность приумножения достижений и упрочения позиций в сфере международных отношений. В частности, например, согласно мнению таких ученых, как М. Ф. Ткаченко и А. А. Мигранян, в Евразийском пространстве уже используется разноскоростная интеграция при выстраивании политики [6].

События последних лет (COVID-19, экономические и отраслевые изменения в Европе и др.), безусловно, накладывают отпечаток на систему DI. Однако в связи с отсутствием достаточной информации детальный анализ влияния упомянутых пертурбаций в дальнейшем подлежит комплексному рассмотрению.

Заключение

Середина прошлого века ознаменовалась двумя масштабными параллельными процессами — тенденции глобальные по либерализации торговли («для всех»), во многом на площадке ГАТТ/ВТО, и локальные («для более узкого круга») в рамках интеграций.

Последние служили для стран-участниц способом иного выстраивания сотрудничества по собственным единым для себя правилам. Вначале было возможно двигаться всем поступательно, углубляя степень интеграции. Однако по мере достижения промежуточных целей внутри группировок возникали задачи по адаптационной подстройке эндогенных институциональных

Таблица 1

Основные модели DI в Европе¹

Измерения /Dimensions/												
1	Временная дифференциация /Temporary/	Постоянная дифференциация /Permanent/									Функциональная дифференциация /Functional/	
2	Территориальная дифференциация /Territorial/											
3	Дифференциация между национальными государствами /Differentiation at national-state level/											
4	Дифференциация только внутри соглашений ЕС /Only inside EU treaties/					В том числе вне соглашений ЕС /Also outside EU treaties/						
5	Принятие решений на уровне ЕС /EU decision-making/											
6	Только страны-члены /Only member states/		В том числе страны-не члены /Also non-members/		Только страны-члены /Only members/		В том числе страны-не члены /Also non-member states/		Только страны-члены /Only members/		В том числе вне юрисдикции ЕС /Also jurisdictions outside EU/	
Модели /Models/	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		
Области использования моделей DI при осуществлении сотрудничества	Многоскоростная /Multiple Speed/	Многостандартная /Multiple Standards/	Авангард Европы /Avantgarde Europe/	Ядро Европы, концентрические окружности /Core Europe, Concentric Circles/	Гибкая интеграция /Flexible Integration/	Изменяемая геометрия /Variable Geometry/	Европа à la carte (по меню) /Europe à la carte/	Оптимальный уровень юрисдикции /Optimal Level of Jurisdiction/	Гибкая координация /Flexible Coordination/	Функциональные перекрывающиеся конкурирующие юрисдикции (ФПКЮ) /FOCJ/	Чисто теоретическая модель DI. Используется как основа для разработки других моделей	
Области использования моделей DI при осуществлении сотрудничества	Во многих областях сотрудничества	Экология, окружающая среда	ЕВС, Хартия по правам человека	В отдельных областях ЕЭП, ассоциированные государства	Продвинутое сотрудничество, Болонский процесс (в начале)	Шенген	Болонский процесс	Распределение компетенций в Лиссабонском соглашении	Использование в приграничном сотрудничестве			

¹ Составлено по: [12, p. 298].

процедур к объективным изменениям условий и обстоятельств. Требовалось совершенствовать внутреннее взаимодействие, охватывать большее число сфер деятельности, облегчать подключение новых государств, разрешать противоречия. Так, стали изобретаться уникальные нормативные правовые конструкции, оговариваться изъятия и исключения из установленных правил. Дифференциации, несмотря на первичный скепсис экспертов и политиков, в том числе по причине потенциального усложнения механизмов управления, начали встречаться всё чаще и способствовать продолжению интеграционного строительства. Подход с задействованием преимуществ такого явления получил собирательное название «дифференцированная интеграция» (DI).

Сегодня DI можно считать хорошо зарекомендовавшим себя инструментом гибкого выстраивания интеграционной архитектуры. Предметное изучение указанной проблематики позволило несколько лучше понять практические модальности DI, сформулировать теоретические основы и классифицировать модели DI по определенным критериям. Поскольку в итоге выигрыш затрагивает все страны, участвующие в DI, практические изыскания и развитие прикладной научной базы в этой области, как представляется, будут идти в ногу с современными тенденциями.

Литература

1. *Бабынина Л. О.* Гибкая интеграция в Европейском союзе: Теория и практика применения. — М.: Изд-во ЛКИ, 2012. — 304 с.
2. *Бабынина Л. О.* Гибкая интеграция в ЕС: классификация и проблемы институционализации // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2010. — № 6. — С. 31—37.
3. *Европейская интеграция: учебник / под ред. Буториной О. В.* — М.: ИД «Деловая литература», 2011. — 720 с.
4. *Кавешников Н. Ю.* Европейский союз: история, институты, деятельность: учебник. — М.: Аспект Пресс, 2021. — 368 с.
5. *Кавешников Н. Ю.* «Гибкая интеграция» в Европейском союзе // *Международные процессы.* — Т. 9. — Май–август 2011. — № 2 (26). — С. 58—69.
6. *Ткаченко М. Ф., Миграян А. А.* Миграционная политика России и стран-доноров в условиях разноскоростной Евразийской интеграции // *СОТИС — социальные технологии, исследования.* — 2018. — № 7 (93). — С. 53—56.
7. *Balassa V.* Towards a Theory of Economic Integration // *Kyklos.* — Vol. 14. — 1961. — Is. 1. — P. 1—17.
8. *Curtin D.* From a Europe of Bits and Pieces to a Union of Variegated Differentiation // *EUI Working Paper RSCAS 2020/37.* Robert Schuman Centre for Advanced Studies. — May 2020; [Official website] *Cadmus — EUI Research Repository.* — URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/67047/RSCAS%202020_37.pdf (accessed: 15.05.2023).
9. *De Neve J. -E.* The European union? How differentiated integration is reshaping the EU // *Journal of European Integration.* — Vol. 29. — 2007. — No. 4. — P. 503—521; [Official website] *SSRN (Social Science Research Network).* — URL: <https://deliverypdf.ssrn.com/delivery>.

- php?ID=994020123000096110093078016069106010116045067060095028110097088103022125108020023101018063099111026042034107118026092091001022029066004033083010077123098008024092037089020100018025013104086027091120023016119004012076124013002109086116003109075096021&EXT=pdf&INDEX=TRUE (accessed: 15.05.2023).
10. *Ehlermann C.-D.* How Flexible is Community Law? An Unusual Approach to the Concept of “Two Speeds” // *Michigan Law Review*. — Vol. 82. — 1984. — Is. 5. — P. 1274—1293; [Official website] The University of Michigan Law School Scholarship Repository. — URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3571&context=mlr> (accessed: 15.05.2023).
  11. European Union. Report by Mr. Leo Tindemans, Prime Minister of Belgium to the European Council. Bulletin of the European Communities. Supplement 1/76 // [Official website] The Archive of European Integration (AEI). — URL: http://aei.pitt.edu/942/1/political_tindemans_report.pdf (accessed: 15.05.2023).
  12. *Holzinger K., Schimmelfennig F.* Differentiated integration in the European Union: Many concepts, sparse theory, few data//*Journal of European Public Policy*. — Vol. 19. — 2012. — Is. 2. — P. 292—305; [Official website] KOPS — Das Institutionelle Repositorium der Universität Konstanz. — URL: https://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/18593/Holzinger_Differentiated%20integration.pdf (accessed: 15.05.2023).
  13. *Martill B.* Brexit and Differentiated Integration: The Politics of Difference. Dahrendorf Forum IV. Working Paper No. 18. — 26.05.2020; [Official website] The Dahrendorf Forum. — URL: https://www.dahrendorf-forum.eu/wp-content/uploads/2020/05/Brexit-and-Differentiated-Integration_The-Politics-of-Difference.pdf (accessed: 15.05.2023).
  14. *Schimmelfennig F., Winzen T.* Ever looser union? Differentiated European integration. — Oxford University Press, 2020.
  15. *Schimmelfennig F., Leuffen D., Rittberger B.* The European Union as a system of differentiated integration: interdependence, politicization and differentiation//*Journal of European Public Policy*. — Vol. 22. — 2015. — Is. 6. — P. 764—782; [Official website] KOPS — Das Institutionelle Repositorium der Universität Konstanz. — URL: https://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/30796/Schimmelfennig_2—1potw9vsh8av38.pdf (accessed: 15.05.2023).
  16. Single European Act. Bulletin of the European Communities. Supplement 2/86 // [Official website] The Archive of European Integration (AEI). — URL: <http://aei.pitt.edu/8582/1/8582.pdf> (accessed: 15.05.2023).
  17. *Stubb A. C.-G.* A categorization of differentiated integration // *Journal of Common Market Studies*. — Vol. 34. — 1996. — No. 2. — P. 283—295.
  18. *Tordoir S., Ioannou D.* Economic and monetary union in a Europe of multiple speeds: conceptualizing consequences//2019 EUSA International Biennial Conference, Denver, Colorado. — May 2019; [Official website] European Union Studies Association. — URL: <https://www.eustudies.org/conference/papers/download/733> (accessed: 15.05.2023).
  19. Two-speed Europe. General Secretariat. Directorate General for Research and Documentation. — 16.09.1985 // [Official website] The Archive of European Integration (AEI). — URL: <http://aei.pitt.edu/5770/1/5770.pdf> (accessed: 15.05.2023).
  20. Weekly Timetable of Community Activities — No. 42/74. Approach to the Summit. Foreign Ministers Meet Again on Monday. — 28.11.1974 // [Official website] The Archive of European Integration (AEI). — URL: <http://aei.pitt.edu/55300/1/ISEC.WT42.74.pdf> (accessed: 15.05.2023).

Абдрахимов Леонид Гимадитдинович,

соискатель кафедры сравнительной политологии,
Российский университет дружбы народов, Москва.

Leonid G. Abdrakhimov,

Fellow of the Department of Comparative Political Science,
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow.

E-mail: van.leonid@mail.ru

«КОНЦЕПЦИЯ ИНИЦИАТИВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» СИ ЦЗИНЬПИНА

XI JINPING'S "GLOBAL SECURITY INITIATIVE CONCEPT PAPER"

Аннотация: актуальность темы исследования определяется тем, что «Концепция инициативы глобальной безопасности» была объявлена после начала специальной военной операции на Украине — переломного момента в мировой политике и истории. Китай, который всегда «оставался в тени» мировых политических процессов, сделал шаг, который многие мировые игроки воспринимают как начало активного включения в мировые геополитические процессы. Целью исследования стала китайская «Концепция инициативы глобальной безопасности» в контексте теории организации систем обеспечения национальной безопасности. В ходе работы были применены метод анализа нормативных документов и дискурс-анализ текстов выступлений Председателя КНР и Министра иностранных дел КНР. В результате определено, что данная концепция является проекцией системы обеспечения национальной безопасности Китая на глобальном уровне, при этом она позиционируется как концептуальная основа системы глобальной безопасности.

Ключевые слова: КНР, Китай, Си Цзиньпин, «Концепция инициативы глобальной безопасности», национальная безопасность, система национальной безопасности, система обеспечения национальной безопасности.

Abstract: the relevance of the topic of research is determined by the fact that the "Global Security Initiative Concept Paper" was announced after the start of the Special Military Operation in Ukraine — a turning point in world politics and history. China, always "staying in the shadows" of world political processes has taken a step that many world players perceive as the beginning of active inclusion in global geopolitical processes. The aim of the research was the Chinese "Global Security Initiative Concept Paper" in the context of the theory of organization of national security systems. In the course of the work the methods of analysis of normative documents and discourse analysis of the texts of speeches of the Chairman and the Minister of Foreign Affairs of the PRC were applied. As a result, it was determined that this concept is a projection of China's national security system at the global level, while it is positioned as the conceptual basis of the global security system.

Key words: PRC, China, Xi Jinping, «The Global Security Initiative Concept Paper», national security, national security system, national security system.

Введение

«Концепция инициативы глобальной безопасности» (全球安全倡议概念) (далее — Концепция) была предложена Си Цзиньпином

в апреле 2022 года [20] после начала специальной военной операции (СВО) и спустя год, 21 февраля 2023 года, была официально представлена Министром иностранных дел КНР Цинь Ганом, который долгое время был послом КНР в США. Дата объявления Концепции совпала с датой Послания Президента РФ В. Путина Федеральному Собранию [8]. Учитывая всё это и высокую контекстную культуру Китая, в том числе политическую [1, с. 120], этот факт, на наш взгляд, не является случайным и несет определенную смысловую нагрузку в адрес США и коллективного Запада.

Помимо самого факта опубликования Концепции несомненный интерес представляют ее положения, которые задают стратегический тон документу. Так, например, в нем говорится, что «Китай выступает за поддержание мира и безопасности во всем мире, а также за содействие глобальному развитию и процветанию. Инициатива направлена на устранение коренных проблем международных конфликтов, улучшение управления в области глобальной безопасности...» [4].

Эти и подобные формулировки несут, на наш взгляд, как открытый, так и скрытый смыслы.

По всей видимости Китай, придерживаясь нейтральной позиции при возникновении глобальных кризисов, решил открыто вступить в активную геополитическую игру для поддержания международного авторитета своей страны, которая «всегда выступала за мир и позитивное развитие» [23]. В то же время КНР показывает, что современная система глобальной безопасности не справляется со своими функциями, в особенности из-за подрывной деятельности США и коллективного Запада, поэтому созрела необходимость ее восстановления или реставрации всё также под эгидой ООН.

Учитывая всё это, возникает вопрос: является ли появление Концепции проецированием системы обеспечения национальной безопасности КНР на глобальном уровне и готов ли в таком случае Китай предложить свой вариант построения нового мирового порядка?

В ходе исследования были применены общенаучные методы, а также метод дискурс-анализа текста выступлений Председателя КНР и Министра иностранных дел Китая.

В настоящее время этой проблематикой в российской науке занимается ряд российских китаистов (Кашин, 2019 [3]; Лексютина, 2018 [5]; Лузянин, 2022 [6]). Среди западных ученых можно выделить Demirduzen (2022) [11], Afzaal (2022) [10], Schuman (2022) [13]. Среди китайских — Ван Фэн (2022) [2], Цяо Маолин (2022) [17], Ван Лэй (2022) [19], Сюн Лэпин (2022) [9].

Система обеспечения национальной безопасности Китая

Как известно, в основе построения любого государства находится система обеспечения национальной безопасности (далее — СОНБ) [7]. В Китае СОНБ представляет собой единство:

— концептуального уровня, в который входят идея и концепция «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта» (中华民族伟大复兴的中国梦) и «Общая (комплексная) концепция национальной безопасности» (总体国家安全观);

— уровня сил, в который входят партийные и государственные органы¹;

— уровня сфер, составляющих национальную безопасность (НБ): политическая (внутренняя и внешняя политика), территориальная, военная, экономическая, ресурсная, культурная, социальная, научно-техническая, сетевая (киберпространство), экологическая, ядерная, безопасность интересов за рубежом, космическая, безопасность глубоководных морей, безопасность полюсов Земли (Арктика и Антарктика), биологическая;

— уровня средств, к которым относятся нормативные правовые акты, финансово-экономические меры, силовые меры и т. д.

СОНБ Китая покрывает все сферы государственной, общественной безопасности, а также безопасности личности. Интересным, на наш взгляд, является то, что Концепция состоит из четырех пунктов, которые соответствуют четырем вышеперечисленным уровням СОНБ: «Введение» и «Ключевые понятия и принципы» соответствует концептуальному уровню, «Ключевые

¹ Постоянный комитет Политбюро Центрального комитета Компартии Китая (ПК Политбюро, ЦК КПК), Политбюро ЦК КПК, ЦК КПК, Совет (Комитет) национальной безопасности ЦК КПК, Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) и Постоянный комитет ВСНП (ПК ВСНП), Председатель КНР, Государственный совет (Госсовет), Центральный военный совет (ЦВС), центральные органы государственного управления, местные комитеты ВСНП и местные ПК ВСНП от уровня уезда и выше, местные органы народного правительства, правительства особых административных районов Гонконга и Макао, народный суд и народная прокуратура, органы государственной безопасности.

направления сотрудничества» — силам и сферам, «Платформы и механизмы сотрудничества» — средствам. Далее в ходе контент-анализа мы приходим к выводу, что Концепция является отражением системы обеспечения национальной безопасности Китая только на глобальном уровне.

Итак, рассмотрим уровни СОНБ в привязке их к Концепции по отдельности.

Концептуальный уровень: «Концепция инициативы глобальной безопасности»

На концептуальном уровне, который является, на наш взгляд, главным и определяющим для любой СОНБ, в КНР в открытом формате — концепция «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта» (中华民族伟大复兴的中国梦) и «Комплексная концепция национальной безопасности» (总体国家安全观).

На глобальном уровне Китаем была выдвинута «Концепция сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体) [21], в которой, как и в других доктринальных документах, подчеркивается, что Китай не стремится к глобальной гегемонии [16]. Поэтому вполне логично, что Китай в рамках этой «Концепции сообщества единой судьбы человечества» выдвинул «Концепцию инициативы глобальной безопасности» как раз после начала специальной военной операции Россией, где на фоне продвижения нарратива войны со стороны Запада Китай стал продвигать свой нарратив мира [18], тем самым создавая заманчивую картину образа будущего мироустройства, в котором КНР встал на «сторону добра, конструктива и позитива» [23].

В частности, в Концепции подчеркивается необходимость «приверженности видению общей и устойчивой безопасности, уважению суверенитета и территориальной целостности всех стран; соблюдению целей и принципов Устава ООН, серьезному отношению к законным интересам в сфере безопасности всех стран, мирному разрешению разногласий между странами через диалог и консультации, а также обеспечению безопасности в традиционных и нетрадиционных сферах» [18].

Интересным является также то, что практически во всех подобных документах происходит историческая отсылка к «традиционной культуре Китая, которая дорожит миром и проистекает

из независимой и самостоятельной мирной внешней политики и практики Китая: пути мирного развития» [12]. Все эти послылы требуют определённого аппарата имплементации, который представлен уровнем сил системы обеспечения национальной безопасности.

Уровень сил: необходимость создания других механизмов обеспечения глобальной безопасности

На уровне сил мы видим, как Китай сформировал эти институты СОНБ у себя в стране (в частности, Совет национальной безопасности ЦК КПК (中央国家安全委员会)), стремится укрепить решающую роль ООН. В Концепции, отмечена необходимость «активно участвовать в работе над докладом Генерального секретаря ООН «Наша общая повестка дня» по разработке «Новой повестки дня для мира». Отмечена важность поддержания усилий ООН по предотвращению конфликтов и полному использованию архитектуры миростроительства для оказания помощи постконфликтным странам в их усилиях по сохранению мира, безопасности и стабильности» [18].

Что примечательно, Китай понимает, что помимо опоры на ООН необходимо создавать свою альтернативную систему обеспечения глобальной безопасности: «формирование такой структуры управления безопасностью, при которой правительства всех стран и международные организации будут взаимодействовать друг с другом, а неправительственные организации будут участвовать в этом процессе» [18]. При этом Китай видит будущее решение глобальных кризисных ситуаций в «координации и позитивном взаимодействии между крупными державами и построении модели мирного сосуществования, общей стабильности и сбалансированного развития в отношениях между крупными державами» [18].

Китай видит будущие силы обеспечения глобальной безопасности как синергию: Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН), Совета Безопасности ООН (СБ ООН), АСЕАН, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС, СВМДА, формата Китай + 5 стран Центральной Азии (Китай — Центральная Азия), задействование стран Персидского залива, встреч министров иностранных дел стран — соседей Афганистана, Мирной кон-

ференция Африканского Рога, Форума мира и безопасности Китай — Африка, Форума безопасности Ближнего Востока, Пекинского Сяншаньского форума и Глобального форума сотрудничества в области общественной безопасности [18].

Создание сил системы обеспечения глобальной безопасности требует определения глобальных угроз. Китай традиционно выделяет так называемые традиционные и нетрадиционные [18] угрозы: «гонка вооружений, риск возникновения ядерной войны, пандемия COVID-19, терроризм, киберугрозы, биологические, стабильность логистических поставок и научно-технических цепочек» [18].

Уровень сфер (отраслевой) глобальной безопасности

В ходе нашего исследования мы выявили, что положения Концепции практически полностью совпадают со сферами (отраслями) национальной безопасности Китая, которые определены в Законе КНР «О национальной безопасности» (中华人民共和国国家安全法) (2015) [22] (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение сфер безопасности Закона КНР «О национальной безопасности» и «Концепции инициативы глобальной безопасности»¹

№ п/п	Сферы безопасности согласно Закону КНР «О национальной безопасности»	Сферы безопасности согласно «Концепции инициативы глобальной безопасности»
1	Политическая	Пункт 1. Поддерживать ООН в повышении ее способности выполнять свой мандат в операциях по поддержанию мира, придерживаться трех принципов согласия сторон, нейтралитета, не самообороны или неприменения силы при выполнении мандата в операциях по поддержанию мира; п. 2. Содействовать координации и позитивному взаимодействию между крупными державами, а также способствовать формированию модели отношений между крупными державами, характеризующейся мирным сосуществованием, общей стабильностью и сбалансированным развитием;

¹ Составлено по: [22].

Продолжение таблицы 1

1		<p>п. 5. Продвигать политические решения международных и региональных проблем — «горячих точек». Призывать заинтересованные страны искать решения проблем «горячих точек» путем открытого диалога и общения, а также путем урегулирования разногласий. Поддерживать политическое урегулирование таких «горячих точек», как кризис в Украине, путем диалога и переговоров;</p> <p>п. 12. Укреплять центральную координирующую роль ООН в международной борьбе с терроризмом, поддерживать международное сообщество в полном выполнении резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН по борьбе с терроризмом и Глобальной контртеррористической стратегии ООН</p>
2	Территориальная	Принцип 2. Настаивать на уважении суверенитета и территориальной целостности всех стран
3	Военная	Пункт 4. Сотрудничать в рамках Комитета Совета Безопасности ООН по нераспространению ядерного оружия, Конвенции о запрещении химического оружия и Конвенции о запрете биологического оружия в целях содействия полному запрещению и тщательному уничтожению оружия массового уничтожения и повышения уровня национального потенциала в области контроля за нераспространением экспорта, биологической безопасности и защиты от химического оружия
4	Экономическая	Пункт 18. Поддерживать глобальную продовольственную и энергетическую безопасность. Усиливать координацию действий по поддержке бесперебойной работы международной торговли сельскохозяйственной продукцией, обеспечить бесперебойное движение производства продовольствия и цепочек поставок, а также избегать политизации и милитаризации вопросов продовольственной безопасности
5	Ресурсная	Пункт 18. Усиливать координацию международной энергетической политики, создать безопасную и стабильную среду для обеспечения транспортировки энергии, совместно поддерживать стабильность мировых энергетических рынков и цен на энергоносители
6	Культурная	Принцип 1. Поддерживать концепцию общей безопасности, уважать и гарантировать безопасность каждой страны; подчеркивать комплексный подход, поддерживая безопасности в традиционных и нетрадиционных областях; поддерживать путь

Продолжение таблицы 1

		сотрудничества, достигая безопасности посредством политического диалога и мирных переговоров; стремиться к устойчивой безопасности, разрешая конфликты и устраняя почву отсутствия безопасности посредством развития (создание культуры «мира во всем мире», «мирного разрешения споров и конфликтов»)
7	Социальная	Принцип 2. Государства являются равноправными членами международного сообщества независимо от их размера, силы или слабости, богатства или бедности (международная социальная культура)
8	Научно-техническая	Пункт 15. Укреплять органы управления международной безопасности в области новых технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), а также предотвращать и контролировать потенциальные риски безопасности. Китай уже выпустил документ с изложением позиции по военному применению ИИ и этическому управлению им и готов укреплять связь и обмен мнениями с международным сообществом по вопросам управления безопасностью ИИ, содействовать созданию международного механизма всеобщего участия и формировать рамки управления и стандартные нормы на основе широкого консенсуса
9	Сетевая	Пункт 13. Углублять международное сотрудничество в области информационной безопасности. Китай предложил Глобальную инициативу по безопасности данных и надеется содействовать заключению глобальных правил управления цифровыми технологиями, которые отражают пожелания и уважают интересы всех сторон. Китай будет продолжать содействовать реализации Инициативы Китая и Арабской лиги по сотрудничеству в области безопасности данных и Инициативы Китая и 5 стран Центральной Азии по сотрудничеству в области безопасности данных для совместного противодействия различным киберугрозам и создания глобальной системы управления киберпространством, открытой, инклюзивной, справедливой, разумной, безопасной, стабильной и динамичной
10	Экологическая	Пункт 20. Поддерживать сотрудничество стран в таких областях, как изменение климата

Продолжение таблицы 1

11	Ядерная	Пункт 3. Соблюдать Совместную декларацию о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений, принятую лидерами пяти государств, обладающих ядерным оружием. Укреплять диалог и сотрудничество между государствами, обладающими ядерным оружием, для снижения риска ядерной войны. Сохранять международную систему ядерного нераспространения, краеугольным камнем которой является Договор о нераспространении ядерного оружия, и активно поддерживать создание зон, свободных от ядерного оружия, в странах соответствующих регионов
12	Безопасность интересов за рубежом	Пункты 6—10. Укреплять сотрудничество в Африке, Ближнем Востоке, Латинской Америке, Карибском регионе, Тихом Океане, Центральной и Юго-Восточной Азии
13	Космическая	Пункт 16. Укреплять международное сотрудничество в области космоса и поддерживать международный порядок в космосе на основе международного права. Осуществлять космическую деятельность на основе международного права и обеспечивать безопасность космонавтов на орбите и долгосрочную устойчивость космических объектов. Уважать и гарантировать, что право на использование космического пространства в мирных целях имеют все страны на равных основаниях. Решительно выступать против размещения оружия и гонки вооружений в космическом пространстве и поддерживать переговоры и заключение международно-правовых документов по обеспечению контроля над космическим пространством
14	Безопасность глубоководных морей	Пункт 11. Укреплять морской диалог, обмена и практическое сотрудничество, надлежащим образом урегулировать морские разногласия, объединить усилия в борьбе с пиратством, вооруженным разбоем и другими трансграничными преступлениями на море, прилагать совместные усилия для поддержания мира и спокойствия на море и безопасности водных путей. Выступать за активное международное сотрудничество между странами, расположенными выше и ниже по течению трансграничных рек, для разрешения соответствующих споров путем диалога и консультаций, обеспечения безопасности трансграничного речного судоходства, разумного использования и охраны водных ресурсов, а также охраны экологической среды трансграничных рек

Окончание таблицы 1

15	Безопасность полюсов Земли	–
16	Биологическая	Пункт 14. Усиливать управление рисками биобезопасности. Совместно работать над продвижением ответственных бионаучных исследований и поощрять заинтересованные стороны к добровольному принятию Тяньцзиньского руководства по кодексу поведения ученых в области биобезопасности. Совместно работать над укреплением потенциала лабораторий в области биобезопасности, снижением рисков биобезопасности и содействием здоровому развитию биотехнологий

Интересной является отсылка к проблеме развязывания ядерной войны и бесконтрольного распространения оружия, так как это напрямую угрожает глобальным проектам Китая, самым главным из которых является «Один пояс — один путь» (一帶一路) (ОПОП). Примечательно, что все последние «горячие конфликты», конфликты малой интенсивности, государственные перевороты, обострение внутривосточных проблем стран — участниц ОПОП случайным образом происходят на транспортно-логистических путях прохождения ОПОП (рис. 1).

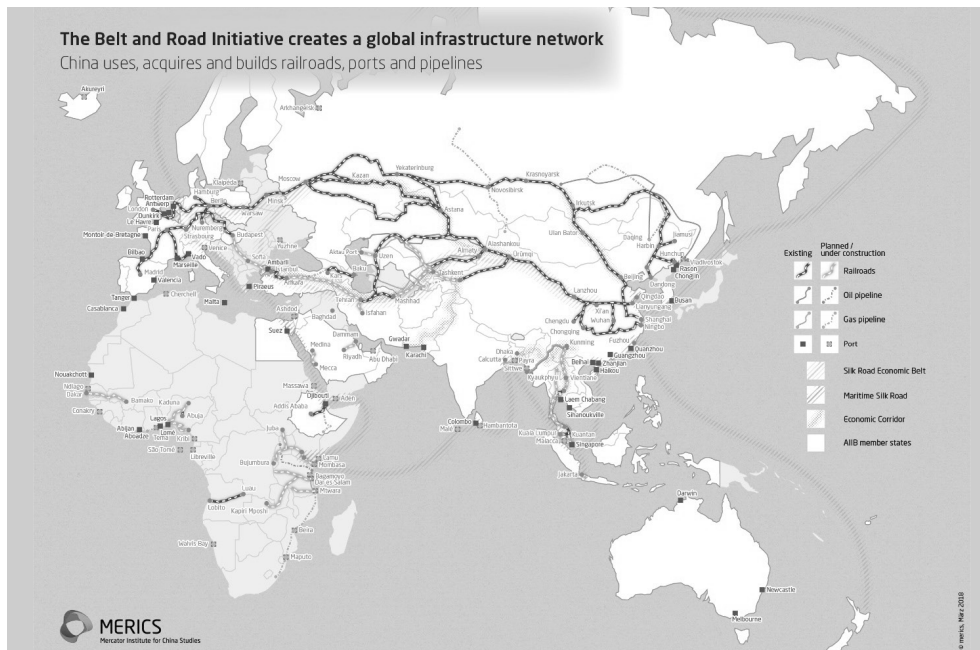

Рис. 1. Транспортно-логистические пути ОПОП [24]

Среди них выделяются: попытка возрождения сепаратизма в Синьцзяне, Сомалийские пираты, попытка переворота в Казахстане (2022), политические перевороты в Киргизии, конфликт на Востоке Украины (2014 — н. вр.), конфликт в Карабахе (1992 — н. вр.), война в Сирии (2011 — н. вр.), война в Ираке (2011 — н. вр.), Индо-пакистанский конфликт (2019), попытка наложения санкций со стороны ЕС на Белоруссию, непринятие Турции в ЕС, попытка эскалации Косовского конфликта, наложение экономических санкций на Российскую Федерацию и др.

Уровень средств: что предлагает Китай?

В рамках Концепции Китай предлагает «разрешать споры путем диалога и урегулировать разногласия путем консультаций... для “охлаждения” горячих точек и “сброса давления” в кризисных ситуациях» [18]. В качестве примера можно привести китайский план с позициями по урегулированию украинского кризиса — «Позиция Китая по политическому урегулированию кризиса на Украине» (关于政治解决乌克兰危机的中国立场).

В этой позиции мы видим знакомые формулировки из «Концепции инициативы глобальной безопасности». Так, согласно указанному документу необходимо «уважать суверенитет государств» сторон конфликта, для стран Запада желательно «отказаться от менталитета холодной войны. В документе отмечен призыв к сторонам конфликта прекратить боевые действия и перейти к мирным переговорам, решить гуманитарные проблемы, защитить гражданских лиц и военнопленных, поддерживать безопасность атомных электростанций, сохранять формат вывоза зерна, прекратить односторонние санкции, обеспечить стабильные логистические цепочки для промышленного производства и содействие послевоенному восстановлению» [15].

На наш взгляд, позиции (которых всего 12), указанные в документе, расставлены так, как они должны идти в хронологическом порядке при разрешении конфликта, выступая своеобразным алгоритмом решения этой проблемы.

Таким образом, Китай в качестве средств обеспечения глобальной безопасности рассматривает любые форматы мирного урегулирования без явной поддержки какой-либо из сторон конфликта и призывает всё также опираться на существующие ме-

механизмы урегулирования глобальных конфликтов: «международное право, включая цели и принципы Устава ООН» [15].

Заключение

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что «Концепция инициативы глобальной безопасности» является проекцией системы обеспечения национальной безопасности КНР на глобальном уровне, при этом полностью совпадая по уровням, составляющим систему обеспечения национальной безопасности Китая.

В Концепции Китай не предлагает свой вариант построения нового мирового порядка, однако намекает на необходимость трансформации механизмов системы обеспечения глобальной безопасности во главе с ООН. Этим механизмом прежде всего должен стать активный прямой диалог между крупными государствами, международными организациями и неправительственными организациями.

Китай старается подчеркнуть свою мирную повестку в международных делах, стараясь, на наш взгляд, на концептуальном уровне создать образ страны, которая готова выступить на стороне конструктивного взаимодействия, чтобы другие страны не опасались продвижения глобальных проектов КНР, главным из которых является ОПОП. С прагматической точки зрения, на наш взгляд, Китай стремится ускорить процесс мирного разрешения конфликтов в мире, которые наносят ущерб национальным интересам страны. КНР заинтересован в стабильном и безопасном мировом порядке, и, соответственно, провозглашенная Си Цзиньпином Концепция должна быть услышана мировым сообществом как план действия.

Литература

1. *Бессонов Н. А.* Сравнительный анализ деловых культур России и Китая // Экономика России в XXI веке: сб. науч. трудов XII Всерос. науч.-практ. конф. «Экономические науки и прикладные исследования»: в 2 т. (Томск, 17—21 ноября 2015 г.)/под ред. Г. А. Барышевой, Л. М. Борисовой; Томск. политехн. ун-т, 2015. — С. 118—122.
2. *Ван Ф.* Новые вызовы для глобального мира и развития: подходы и ответы Китая. — Т. 11. — 2022. — № 5—1. — С. 186—194.
3. *Кашин В. Б.* Россия и Китай: союз или стратегическая неопределённость. Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам». — 2019. — URL: <https://russiancouncil.ru/vasilii-kashin/> (дата обращения: 01.03.2023).

4. Китай опубликовал концепцию инициативы глобальной безопасности. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17099845> (дата обращения: 01.03.2023).
5. *Лексютина Я.* Китай как ответственная великая держава // Международные процессы. — Т. 16. — 2018. — № 2 (53). — С. 60—72.
6. *Лузянин С. Г.* Российско-китайские «границы» безопасности. Что означает пекинское послание В. В. Путина и Си Цзиньпина? // Азия и Африка сегодня. — 2022. — № 2. — С. 5—13.
7. *Мусаева Г. М., Абубакаров А. М.* Обеспечение национальной безопасности: понятие, цель и основные методы // Вестник Дагестанского государственного университета. — Сер. 3: Общественные науки. — 2018. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-ponyatie-tsel-i-osnovnyemetody> (дата обращения: 04.03.2023).
8. Послание Президента Федеральному Собранию. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 01.03.2023).
9. *Сюн Л., Ань Л.* Инициатива по глобальной безопасности в контексте внешней политики Китая // Вопросы национальных и федеративных отношений. — Т. 12. — 2022. — № 10 (91). — С. 3869—3878.
10. *Afzaal M.* Prospects for China's Belt and Road Initiative (BRI): implications, assessment and challenges: China's globalization and the Belt and Road Initiative / M. Afzaal. — Cham, Springer / Palgrave Macmillan, 2020. — 260 p.
11. *Cagla Demirduzen, Cameron G Thies.* A Role Theory Approach to Grand Strategy: Horizontal Role Contestation and Consensus in the Case of China // Journal of Global Security Studies. — Vol. 7. — March 2022. — Is. 1.
12. Implementing the Global Security Initiative to Solve the Security Challenges Facing Humanity / Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202302/t20230222_11029589.html (accessed: 01.03.2023).
13. *Schuman M.* How China Wants to Replace the US Order // The Atlantic. — 2022. — No. 12.
14. *关于政治解决乌克兰危机的中国立场* // 外交部. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202302/t20230224_11030707.shtml (accessed: 01.03.2023).
15. *关于政治解决乌克兰危机的中国立场* // 人民日报社. — URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0224/c1002-32630516.html> (accessed: 01.03.2023).
16. *陸批冷戰思維 強調不求全球霸權* // 中新网新闻网. — URL: <https://www.chinatimes.com/newspapers/20180121000052-260309?chdtv> (accessed: 01.03.2023).
17. *乔茂林.* 构建人类命运共同体 — 一种新型现代发展理论 // 哲学研究. — 2022. — No. 9. — P. 13—20.
18. *全球安全倡议概念文件* // 中华人民共和国中央人民政府. — URL: http://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (accessed: 01.03.2023).
19. *王镭.* 全球发展倡议 促进共同发展的国际公共产品 // 社会科学文摘. — 2022. — No. 9. — P. 8—10.
20. *习近平在博鳌亚洲论坛2022年年会开幕式上的主旨演讲* // 中华人民共和国中央人民政府. — URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-04/21/content_5686424.htm (accessed: 01.03.2023).
21. *习近平在联合国日内瓦总部发表题为《共同构建人类命运共同体》的演讲* // 新华网. — URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-01/19/c_1120340081.htm (accessed: 01.03.2023).
22. *中华人民共和国国家安全法* // 中央政府门户网站. — URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-07/01/content_2893902.htm (accessed: 01.03.2023).
23. *中国式现代化促进世界和平发展* (国际论坛·读懂中国·读懂中国共产党) // 习近平外交思想和新时代中国外交 — URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-02/20/content_85114958.shtml (accessed: 01.03.2023).
24. *Mapping the Belt and Road initiative: this is where we stand*/Mercator Institute for China Studies (MERICS). — URL: <https://www.merics.org/en/tracker/mapping-belt-and-road-initiative-where-we-stand> (accessed: 01.03.2023).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Серегина Антонина Александровна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Antonina A. Seregina,

Candidate of Political Sciences,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: a.seregina@dipacademy.ru

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С РЕСПУБЛИКОЙ ИНДИЯ

PRIVILEGED ENERGY PARTNERSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE REPUBLIC OF INDIA

Аннотация: конъюнктурные процессы в международных отношениях обуславливают для Российской Федерации необходимость поиска новых стратегических партнеров, равно как и углубления диалога с дружественными странами. Ввиду крайней политизации энергетической сферы Россия перенаправляет свой энергетический экспорт на новые рынки, изучает возможности для заключения долгосрочных соглашений. Одним из наиболее перспективных энергетических рынков следует считать Индию — надежного и лояльного игрока, обладающего значительным экономическим потенциалом. Несмотря на реализацию внушительного числа совместных проектов, контуры дальнейшего сотрудничества еще только очерчиваются.

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, энергоемкий рост, энергопоставки, развитие технологий мирного атома, наращивание чистых источников энергии, наращивание стратегических проектов, развитие кадрового потенциала.

Abstract: opportunistic processes in international relations make it necessary for the Russian Federation to search for new strategic partners, as well as to deepen the dialogue with friendly countries. Due to the extreme politicization of the energy sector, Russia is redirecting its energy exports to new markets, exploring new opportunities for concluding long-term agreements. India should be considered one of the most promising energy markets as a reliable and loyal player with significant economic potential. Despite the implementation of an impressive number of joint projects, the contours of further cooperation are still being outlined.

Key words: energy cooperation, energy-intensive growth, energy supplies, development of peaceful atom technologies, build-up of clean energy sources, build-up of strategic projects, personnel development.

Введение

Среди ключевых документов, регулирующих российско-индийские отношения можно отметить: Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией от 28 января 1993 года [5], а также Декларацию о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией, подписанную 3 октября 2000 года [4]. С момента установления между странами дипломатических отношений в 1947 году сторонам удалось выстроить устойчивое взаимодействие во многих отраслях, включая энергетику.

В настоящее время интенсификация контактов помимо экономической целесообразности объясняется в том числе приверженностью принципам суверенности, коллективной безопасности и многополярного мироустройства. На международной арене обе страны апеллируют к авторитету международного права и международных институтов при координирующей роли ООН.

Стоит отметить, что стремительный экономический рост Индии и стран Индостана, который, согласно прогнозам Международного валютного фонда, к концу 2023 года обеспечит до 50 % прироста мировой экономики [10], является крайне энергоемким. Данная тенденция наглядно прослеживается на примере роста потребления первичных источников энергии: 26,6 % — в период с 2012 по 2021 год. В целом Индия занимает 3-е место в мире по совокупному потреблению энергоресурсов после Китая и США, что эквивалентно 6 % от мирового потребления [22].

Несмотря на ориентацию национальной (индийской) энергетической стратегии на развитие новых «чистых» энергоресурсов ввиду ограниченности внутренних запасов углеводородов, в настоящее время структура потребления первичных источников энергии преимущественно определяется ископаемыми ресурсами — более 90 % (рис. 1) [19].

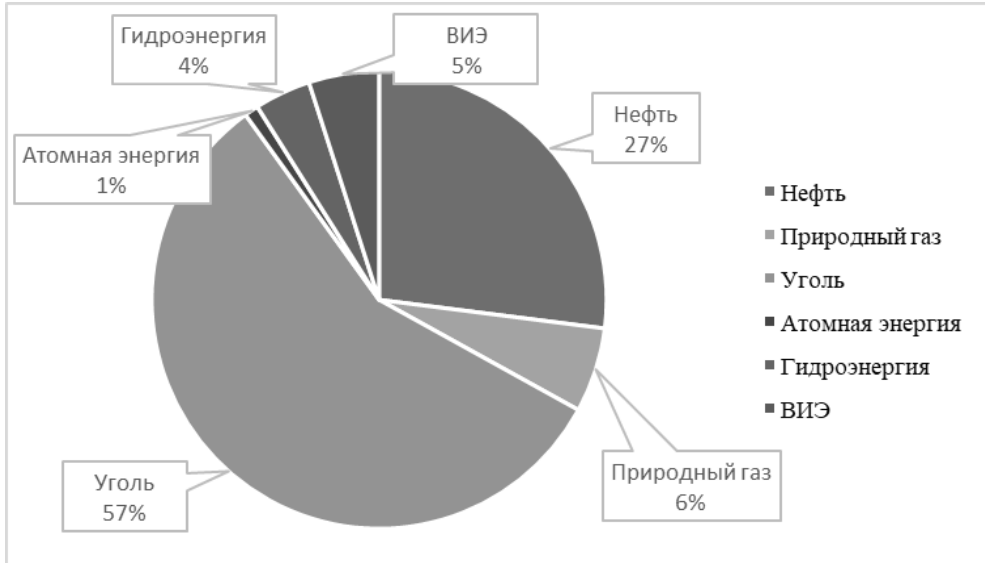

Рис. 1. Структура потребления первичной энергии в Индии¹

Таким образом, крайне энергоемкий рост национальной экономики вкупе с недостаточностью объемов производства первичной энергии для покрытия внутреннего потребления (615 млн т н. э. против 927 млн т н. э. в 2021 г.) [24], обуславливают особое положение страны среди партнеров России по энергетическому диалогу.

Ключевые направления развития двустороннего энергодиалога

Согласно новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 апреля 2023 года страна «будет и далее наращивать особо привилегированное стратегическое партнерство с Республикой Индией в целях повышения уровня и расширения взаимодействия во всех сферах на взаимовыгодной основе и уделять особое внимание увеличению объемов двусторонних торговых, инвестиционных и технологических связей, обеспечению их устойчивости к деструктивным действиям недружественных государств и их объединений» [9]. Ожидается, что потенциальные потоки отечественных прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ) будут сосредоточены преимущественно в следую-

¹ Источник: составлено автором на основе статистического обзора компании BP (2022) [22].

щих секторах двустороннего сотрудничества: электроэнергетика, нефтегазовая промышленность, силовое машино- и станкостроение, технологии мирного атома. На этом фоне оптимистичным выступает решение, озвученное главами России и Индии, вывести к 2025 году показатель взаимных инвестиций на уровень 15 млрд долл. США с каждой стороны, а двусторонний торговый оборот — на уровень 30 млрд долл. США [17].

Наращиванию объемов торговых операций, как ожидается, будет способствовать следующее:

1) создание зоны свободной торговли (далее — ЗСТ) между странами ЕАЭС, где действует единый импортный тариф, и Индией (предварительные экспертные консультации о формировании ЗСТ завершены в 2021 г.) [3];

2) сопряжение программ развития Индии (англ. — «Make in India») и ЕАЭС;

3) строительство экономического коридора «Север — Юг» [1];

4) отказ от привязки двусторонних расчетов к доллару. Стороны согласовали проведение торговых операций в национальных валютах, подготовлены черновики первых контрактов в рупиях [10].

На фоне оживления экономической активности в период постковидного восстановления и смены отечественных приоритетов торгово-экономического партнерства точкой соприкосновения двустороннего российско-индийского энергетического сотрудничества становятся экспортно-импортные операции, связанные с поставками качественного сырья по приемлемым ценам.

Первая точка роста — расширение портфеля проектов с использованием ископаемых источников энергии

Приоритетом для энергодиалога по линии Россия — Индия остается традиционная топливная триада: уголь, нефть и газ. Уголь занимает преобладающую долю в энергобалансе Индии. В силу роста социальной и экологической ответственности, с одной стороны, и необходимости удовлетворить постоянно растущий энергетический спрос — с другой, планируется нарастить объем производства угля до 1 млрд т к 2023—2024 годам, одновременно улучшив бизнес-среду, инициируя разные программы технологической модернизации угольной отрасли [21].

В свою очередь, Россия, в связи с планами Правительства Индии по созданию стратегического запаса угля для минимизации рисков нарушения поставок [35] с февраля 2022 года наращивала поставки данного вида энергоресурсов. По данным Coalmint, по итогам 2022 года страна станет четвертым крупнейшим экспортером угля в Индию, уступив только Индонезии, Австралии и ЮАР [30].

Рост спроса в нефтегазовой сфере Индии объясняется также стремительными темпами развития производства. Основы двустороннего энергетического сотрудничества были заложены в 2010 году с принятием Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о развитии сотрудничества в нефтегазовой сфере [29].

Отдельные инструменты углубления взаимодействия были сформированы в 2021 году с созданием Целевой рабочей группы по газу и открытием Индийского энергетического центра по налаживанию взаимодействия между ключевыми индийскими энергетическими компаниями и российским бизнесом [19].

На фоне санкционной политики ЕС и отказа европейских стран от закупки отечественных энергоносителей российско-индийское сотрудничество получило дополнительный импульс развития. По итогам 2022 года импорт российской нефти вырос в 4 раза по сравнению с аналогичным показателем 2021 года [2].

Например, между ПАО «НК «Роснефть»» и индийскими компаниями достигнуто соглашение о реализации проектов, предусматривающих инвестиции в нефтяную промышленность России и Индии, получен взаимный доступ к крупным нефтегазовым активам, а также проводится работа по подготовке кадров для совместных проектов обеих компаний. Аналогично ПАО «Газпром» активно разрабатывает проекты поставок природного газа на территорию Индии ввиду прогнозируемого стремительного роста спроса на территории последней.

Приверженность низкоуглеродному развитию

Одной из справедливых характеристик энергетической политики Индии служит тезис об обеспечении экономики энергоресурсами при поступательном снижении ее углеродоемкости. Первые попытки увеличения доли чистых источников энергии были

инициированы в 2003 году с принятием Закона в области электроэнергетики (англ. — Electricity Act) [36], который создал базу для проведения реформ энергорынка, расширения электрификации в сельской местности, продвижения использования возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ). Импульс к внедрению возобновляемой энергетики придавали такие меры, как введение «зеленых» тарифов (англ. — Feed-in-tariffs) и обязательства государственных компаний приобретать энергию, выработанную на мощностях ВИЭ (англ. — Renewable purchase obligations) [25].

В июне 2008 года был представлен «Национальный план действий в области борьбы с изменением климата» (англ. — National Action Plan on Climate Change) [33], направленный на адаптацию и смягчение последствий климатических изменений, повышение эффективности энергетической системы и сохранение природных ресурсов. В рамках Плана было выработано восемь национальных миссий, среди которых — «Национальная миссия по повышению энергоэффективности» (англ. — National Mission for Enhanced Energy Efficiency) и «Национальная миссия в области солнечной энергетики» (англ. — National Solar Mission).

В целом Правительство Индии рассматривает солнечную энергетику как основу «зеленого» постковидного восстановления экономики и долгосрочного низкоуглеродного развития энергетического сектора. Согласно проекту «Плана развития электроэнергетики» (англ. — National Electricity Plan) доля солнечной энергии составит 38 % от общей установленной мощности электрогенерации, угольные станции — 29 %, ветровые — 15 %, газовые — 3 %, гидростанции — 7—8 % [27].

Для российской стороны, несмотря на углеводородный профиль, привлекательными выглядят усилия Нью-Дели, в том числе по развитию портфеля атомных проектов в рамках политики диверсификации «чистых» источников энергии топливно-энергетического баланса (далее — ТЭБ) Индии [31]. По состоянию на 2022 год в стране функционируют 22 атомных реактора общей установленной мощностью 6795 МВт, однако индийский энергорынок занимает 2-е место в мире по планируемому к вводу атомным мощностям (63 ГВт — к 2032 г.).

В вопросах использования мирного атома Индия сотрудничает с Канадой, Японией, США и другими странами. Однако

партнерство с российской ГК «Росатом» принято считать ключевым ввиду заключения в 2014 году «Стратегического видения по укреплению сотрудничества в мирном использовании атомной энергии», которое в том числе содержит планы сторон по строительству и вводу в эксплуатацию до 2034 года не менее 12 энергоблоков АЭС российского дизайна [23].

Среди индийско-канадских проектов в ядерной сфере можно отметить заключение контракта на поставку свыше 3 тыс. т урана для обеспечения топливом индийских АЭС [28].

С Японией в 2016 году подписано соглашение о сотрудничестве в области мирного атома, согласно которому Индия обязалась перерабатывать ядерные материалы и побочные продукты, поставляемые Японией, и при этом не производить из них высокообогащенный уран [13].

В ходе стратегического диалога США подтвердили планы по строительству АЭС с шестью блоками реакторов AP1000 (двухконтурный водно-водяной ядерный реактор) на территории Индии. В настоящее время по данному вопросу ведутся переговоры с американской энергетической компанией «Westinghouse Electric Company» [37].

Двустороннее российско-индийское сотрудничество в сфере использования мирного атома не ограничивается строительством шести энергоблоков крупнейшей на сегодняшний день АЭС «Куданкулам» (соглашение о сооружении заключено в 1988 г.) [21], а распространяется также на комплектные поставки ядерного топлива, взаимодействие по новым перспективным направлениям в ядерной энергетике. В общей сложности Нью-Дели планирует заказать у российских специалистов возведение 20 энергоблоков. При этом дочерние предприятия ГК «Росатом» остаются единственными иностранными вендорами, которым предоставлено право участвовать в сооружении и техобслуживании АЭС «Куданкулам».

Такое исключительное право открывает российским ядерщикам и инвесторам широкие перспективы закрепления на индийском рынке мирного атома. Согласно прогнозам, Индия может стать крупнейшим заказчиком для российской атомной индустрии за всё время ее существования.

Индия является активным адептом развития устойчивой энергетики, в связи с чем в 2016 году ратифицировала Парижское соглашение по климату и приняла следующие обязательства:

1) снизить объем эмиссии на 33—35 % к 2030 году относительно уровня 2005 года;

2) повысить долю неископаемых источников энергии до 40 % от установленных генерирующих мощностей, в том числе благодаря трансферу технологий и средствам международных фондов, в частности Зеленого климатического фонда ООН;

3) увеличить лесные площади для поглощения 2,5—3 млрд т CO₂-эквивалента к 2030 году [34].

Наиболее амбициозная цель по достижению углеродной нейтральности к 2070 году заявлена премьер-министром Индии Н. Моди в ходе выступления на международной конференции COP26 по проблемам изменения климата в Глазго (Великобритания) [6].

Перспективные направления развития двусторонней кооперации в сфере энергетики

Среди развития принципиально новых направлений источников энергии также делается ставка на водородную энергетику. С этой целью в 2021 году был дан старт «Национальной миссии в области водородной энергетики», конечной целью которой объявлено закрепление за Индией статуса «хаба» по производству зеленого водорода (к 2030 г. планируется ежегодно производить до 5 млн т зеленого водорода) [32].

Помимо обмена технологиями с Россией Нью-Дели планирует и дальше развивать совместные обучающие и научные проекты подготовки специалистов-энергетиков в профильных российских высших учебных заведениях. Взаимодействие такого рода уже ведется, однако нуждается в углублении в связи со стремительным ростом количества совместных проектов в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК); в области атомной энергетики сложилась обширная база двусторонних регулятивных нормативных правовых актов и накоплен многолетний опыт совместной эксплуатации объектов.

В октябре 2016 года ПАО «НК «Роснефть»» и OVL подписали соглашение о сотрудничестве в образовательной сфере. Пред-

усматривается возможность обучения специалистов компаний в образовательных учреждениях России и Индии. Помимо этого в рамках соглашений планируется организация обмена знаниями и опытом, в том числе по вопросам развития технологий [15]. Так, в декабре 2018 года в Губкинском университете был организован курс по программе «Интенсификация добычи и повышение отдачи пластов на нефтяных месторождениях» для сотрудников индийских нефтегазовых компаний [14].

Именно на 2023 год придется активная фаза продвижения видения Индией зеленой энергетики, сотрудничества в области ВИЭ и энергоэффективности, поскольку страна занимает место председательствующей державы в «Группе двадцати» (G20) и Шанхайской организации сотрудничества. В частности, министр нефти и природного газа Индии Х. С. Пури сообщил, что страна инициирует создание международного альянса по биотопливу между членами группы 20 крупнейших экономик [7]. Для России, поэтапно выступающей с программами перехода на чистое топливо, это станет хорошей возможностью и трамплином к реализации цели стать одним из крупнейших производителей водорода в мире (индийский потребительский рынок к тому располагает).

В части парадипломатии представляется возможным привлечение индийского капитала в развитие ресурсного и сырьевого потенциала Дальневосточного федерального округа Российской Федерации и Востока Сибири. Такая ориентация соответствует как инвестиционным возможностям Индии, так и задачам отечественной энергетической дипломатии, сформулированным в соответствующих меморандумах и озвученных позициях.

Стороны совместно реализуют освоение российского арктического шельфа. Так, в 2014 году ПАО «НК «Роснефть»» и ONGC Videsh Ltd. подписали Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области геологических изысканий, поисково-разведочных работ и добычи углеводородов на арктическом шельфе России. ПАО «НК «Роснефть»» и ONGC Videsh Ltd. договорились совместно прорабатывать возможность сотрудничества по вопросу освоения российского арктического шельфа в форме консорциума во главе с ПАО «НК «Роснефть»» и с привлечением других партнеров [16].

Заключение

Таким образом, развитие двусторонних отношений имеет значительный потенциал, поскольку даже в условиях санкционной риторики стран Западного мира Индия подтвердила приверженность развитию особо привилегированного стратегического партнерства с Российской Федерацией [12]. В ходе проводимых встреч расширяются сферы совместных научных исследований, заключаются соглашения, направленные на расширение двустороннего научно-технического сотрудничества стран в ТЭК, например Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области производства коксующегося угля для производства стали (наращивание объемов до 40 млн т в год) [18].

Важно также привлекать индийские компании — производители оборудования в целях развития таких направлений, как нефтехимия и нефтепереработка, благодаря чему Россия сможет компенсировать дополнительные средства в федеральный бюджет.

Привлекательность российского рынка для индийских компаний объясняется тем, что многие из последних относятся к малому и среднему бизнесу, крайне заинтересованному в выходе на крупные рынки сбыта. Российским компаниям, в свою очередь, можно рассмотреть возможность оплат поставок газо- и нефтехимического оборудования в счет исполнения долгосрочных соглашений на экспорт как сырой нефти, так и самих полученных нефтепродуктов.

В целом в краткосрочном периоде перспективными считаются следующие направления энергетического взаимодействия Российской Федерации и Индии: совместная разведка и освоение месторождений нефти и газа как на территории России, так и на территории Индии; заключение новых и пролонгация уже существующих договоренностей о поставках российских газа и нефти на предприятия ТЭК Индии; импорт индийского нефтегазового и нефтехимического оборудования; привлечение компаний ТЭК Индии в строительство нефтегазовой инфраструктуры на территории России.

В долгосрочной перспективе взаимовыгодная стратегия сотрудничества в энергосфере должна включать в себя, прежде всего: интенсификацию совместных научно-исследовательских разработок (в целом контактов по образовательному и научному

треку для нужд ТЭК); трансфер технологий в ТЭК; таможенные и налогово-тарифные льготы с обеих сторон; предложения по внедрению IT-потенциала индийских компаний в ТЭК России, а также либерализацию визового режима для предпринимателей из ТЭК.

Литература

1. Андрей Слепнев: ЕАЭС и Индия активизируют переговорный процесс по соглашению о свободной торговле // ЕЭК. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-eaes-i-indiya-aktiviziruyut-peregovornyy-protsess-po-soglasheniyu-o-svobodnoy-torgovl/> (дата обращения: 28.04.2023).
2. В 4 раза увеличился экспорт российской нефти в Индию в марте 2022 // НефтьКапитал. — URL: <https://oilcapital.ru/news/2022—03—18/v-4-raza-velichilsya-eksport-rossiyskoy-nefti-v-indiyu-v-marte-2022—1039341> (дата обращения: 28.04.2023).
3. Глава Минпрома Индии заявил о нехватке возможностей для переговоров с ЕАЭС по ЗСТ // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/15436389> (дата обращения: 28.04.2023).
4. Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901783728> (дата обращения: 28.04.2023).
5. Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884900> (дата обращения: 28.04.2023).
6. Индия планирует перейти на нулевой уровень выбросов к 2070 году // Атомная энергия. — URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/11/03/119144> (дата обращения: 28.04.2023).
7. Индия планирует создать глобальный альянс по биотопливу // Neftegaz.RU. — URL: <https://neftgaz.ru/news/partnership/755399-indiya-planiruet-sozdat-globalnyy-alyans-po-biotoplivu/> (дата обращения: 28.04.2023).
8. Индия разработала проект первого в истории ториевого реактора // Атомная энергия. — URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2014/02/21/46821> (дата обращения: 28.04.2023).
9. Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 / Министерство иностранных дел Российской Федерации. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 28.04.2023).
10. Координация с Югом // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2023/02/09/962251-koordinatsiya-s-yugom> (дата обращения: 28.04.2023).
11. Новые рынки. Новые компетенции / Атомстройэкспорт 2010. — URL: https://report.rosatom.ru/go/ASE/podrazdel/atomstroiproect/go_2010.pdf (дата обращения: 28.04.2023).
12. О визите Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в Республику Индию / МИД России. — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/1807589/ (дата обращения: 28.04.2023).
13. Парламент Японии ратифицировал соглашение о сотрудничестве с Индией в сфере мирного атома // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4318858> (дата обращения: 28.04.2023).
14. При поддержке НК «Роснефть» в Губкинском университете начался образовательный курс для сотрудников индийских нефтегазовых компаний / ПАО «НК «Роснефть». — URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/193299/> (дата обращения: 28.04.2023).
15. «Роснефть» подписала соглашение с ONGC Videsh Ltd как координатором группы индийских нефтегазовых компаний о сотрудничестве в образовательной сфере / ПАО «НК «Роснефть». — URL: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/184103/> (дата обращения: 28.04.2023).

16. «Роснефть» и ONGC Videsh Ltd подписали Меморандум в области геологоразведки и добычи углеводородов на российском шельфе / ПАО «НК «Роснефть»». — URL: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/153095/> (дата обращения: 28.04.2023).
17. Россия и Индия запланировали увеличить товарооборот в 3 раза за 10 лет // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2016/12/06/rossiia-i-indiia-zaplanirovali-uvlechit-tovarooborot-v-3-raza-za-10-let.html> (дата обращения: 28.04.2023).
18. Россия и Индия подписали соглашение о сотрудничестве в области коксующегося угля // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/12666647> (дата обращения: 28.04.2023).
19. Россия и Индия создадут целевую рабочую группу по газу / Министерство энергетики Российской Федерации. — URL: <https://minenergo.gov.ru/node/20230> (дата обращения: 28.04.2023).
20. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о развитии сотрудничества в нефтегазовой сфере // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902264237> (дата обращения: 28.04.2023).
21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о сотрудничестве в сооружении дополнительных энергоблоков атомной электростанции на площадке «Куданкулам», а также в сооружении атомных электростанций по российским проектам на новых площадках в Республике Индии // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902190507> (дата обращения: 28.04.2023).
22. Статистический обзор компании BP 2022 / British Petroleum. — URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (дата обращения: 28.04.2023).
23. Стратегическое видение укрепления сотрудничества в мирном использовании атомной энергии между Российской Федерацией и Республикой Индией / ГК «Росатом». — URL: <https://www.rosatom.ru/upload/iblock/299/29987bc93b77c639a76944eaaa48116b.pdf> (дата обращения: 28.04.2023).
24. Электронная база данных Enerdata 2022 / Enerdata. — URL: <https://yearbook.enerdata.ru/> (дата обращения: 28.04.2023).
25. Center-State Relations in India: A Political Economy Approach to Climate and Energy Policy // Harvard Project on Climate Agreements. — URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/files/publication/harvard%20-project-india-subnational-climate-energy.pdf> (accessed: 28.04.2023).
26. Draft National Electricity Plan/Ministry of Power Central Electricity Authority. — URL: https://cea.nic.in/wp-content/uploads/irp/2022/09/DRAFT_NATIONAL_ELECTRICITY_PLAN_9_SEP_2022_2—1.pdf (accessed: 28.04.2023).
27. Draft National Energy Policy / NITI Aayog. — URL: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2022—12/NEP-ID_27.06.2017.pdf.pdf (accessed: 28.04.2023).
28. First tranche of Canadian uranium for India’s nuclear reactors arrives after four decades // The Economic Times. — URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/first-tranche-of-canadian-uranium-for-indias-nuclear-reactors-arrives-after-four-decades/articleshow/50240479.cms> (accessed: 28.04.2023).
29. Five Year Vision Document 2019—2024. — URL: https://coal.gov.in/sites/default/files/2021—01/vision_document.pdf (accessed: 28.04.2023).
30. India narrows thermal coal imports gap with top buyer China // Livemint. — URL: <https://www.livemint.com/news/india/india-narrows-thermal-coal-imports-gap-with-top-buyer-china-11663144709255.html> (accessed: 28.04.2023).
31. India to boost nuclear power capacity to 22.5GW by 2031 / Nuclear Engineering International. — URL: <https://www.neimagazine.com/news/newsindia-to-boost-nuclear-power-capacity-to-225gw-by-2031—9337025> (accessed: 28.04.2023).
32. Ministry of Power notifies Green Hydrogen/Green Ammonia Policy / Ministry of Power. — URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1799067#:~:text=Hon'ble%20Prime%20Minister%20launched,India%20a%20green%20hydrogen%20hub> (accessed: 28.04.2023).
33. National Action Plan on Climate Change / Department of Science and Technology. — URL: <https://dst.gov.in/climate-change-programme> (accessed: 28.04.2023).

34. NDC Registry / UNFCCC. — URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/India%20First/INDIA%20INDC%20TO%20UNFCCC.pdf> (accessed: 28.04.2023).
35. Struggling with power crunch, India considers strategic reserves for gas, imported coal // Reuters. — URL: <https://www.reuters.com/world/india/struggling-with-power-crunch-india-considers-strategic-reserves-gas-imported-2021-10-21/>(accessed: 28.04.2023).
36. The Electricity Act / Ministry of Power. — URL: <https://powermin.gov.in/en/content/electricity-act-2003> (accessed: 28.04.2023).
37. Westinghouse Electric in talks to build 6 nuclear reactors in India // Nuclear Asia. — URL: <https://www.nuclearasia.com/uncategorized/westinghouse-electric-in-talks-to-build-6-nuclear-reactors-in-india/4108/>(accessed: 28.04.2023).

Мацель Валерий Михайлович,

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой экономической политики
и государственного управления Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, Минск.

Valery M. Matsel,

Doctor of historical sciences,
head of the department of economic policy
and public administration of the Academy of public administration
under the President of the Republic of Belarus, Minsk.

E-mail: vmatsel@inbox.ru

ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

THE TAIWAN ISSUE IN THE CONTEXT OF BELARUSIAN-CHINESE RELATIONS

Аннотация: в статье анализируется роль тайваньского вопроса в контексте сотрудничества Республики Беларусь с КНР. Раскрывается предыстория упомянутого вопроса в рамках борьбы дипломатов Белорусской ССР совместно с дипломатами МИД СССР и МИД УССР за предоставление КНР законного места в ООН, занятого представителем Тайваня. На основе архивных материалов внешнеполитического ведомства Беларуси показаны попытки представителей Тайваня наладить сотрудничество с официальными структурами Республики Беларусь, используя методы «долларовой дипломатии». Особое внимание уделено анализу политики руководства и МИД Республики Беларусь по противодействию указанным попыткам. Рассмотрены меры, принимаемые белорусской стороной, по реализации принципа «одного Китая», признанию правительства КНР единственным законным правительством, представляющим весь Китай. В статье показаны также конкретные действия тайваньской администрации, поддержавшей политику жестких санкций Запада против Беларуси.

Ключевые слова: тайваньский вопрос, дипломатия Белорусской ССР, Республика Беларусь, КНР, Тайвань, белорусско-китайские отношения.

Abstract: the article analyzes the role of the Taiwan issue in the context of cooperation between the Republic of Belarus and China. The background of the mentioned issue is revealed in the framework of the struggle of diplomats of the Belarusian SSR together with diplomats of the USSR Foreign Ministry and the Ukrainian SSR Foreign Ministry for granting the PRC a legitimate place in the UN occupied by representatives of Taiwan. On the basis of archival materials of the Belarusian Foreign Ministry, the attempts of representatives of Taiwan, who, using the methods of “dollar diplomacy”, tried to establish cooperation with the official structures of the Republic of Belarus, are shown. Special attention is paid to the analysis of the policy of the leadership and the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus on countering these attempts. The measures taken by the Belarusian side to implement the principle of “one China”, recognition of the Government of the People’s Republic of China as the only legitimate government representing the whole of China are considered. The article also shows the concrete actions of the Taiwanese administration, which supported the policy of tough Western sanctions against Belarus.

Key words: Taiwan issue, diplomacy of the Belarusian SSR, the Republic of Belarus, China, Taiwan, Belarusian-Chinese relations.

Введение

Ключевой проблемой для Китайской Народной Республики является тайваньский вопрос. С момента образования КНР его решению, означающему объединение китайской нации, руководители страны уделяют первостепенное внимание.

Прозорливой явилась идея архитектора китайской политики реформ и открытости Дэн Сяопина о решении тайваньского вопроса и вопроса воссоединения материкового Китая со своими, в тот период времени не входящими в состав КНР, территориями — Тайванем, Сянганом и Аомэнем, — используя принцип «одно государство — два строя». Размышляя, каким способом можно решить вопрос объединения Китая — мирным или немирным, — Дэн Сяопин заявил: «Мы твердо стоим за разрешение тайваньского вопроса мирным путем, но не можем отбросить немирный путь объединения с Тайванем» [16, с. 83].

Особое внимание тайваньскому вопросу уделил XX съезд КПК (октябрь 2022 г.). Выступая на съезде, генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что решение тайваньского вопроса и осуществление полного воссоединения Родины — историческая задача, к выполнению которой неизменно стремится КПК. Он особо подчеркнул, что «Тайвань — это китайский Тайвань. Тайваньский вопрос является собственным делом китайцев, которое должно быть решено самими китайцами. Мы будем прилагать максимум усилий для достижения мирного воссоединения Родины, в то же время ни в коем случае не будем обещать отказываться от применения силы и будем сохранять за собой возможность предпринимать все необходимые меры» [15].

Сегодня 181 страна из 193 стран — членов ООН, абсолютное большинство суверенных государств, включая Республику Беларусь, с которыми КНР поддерживает дипломатические отношения, однозначно признают, что Тайвань — это неотъемлемая часть КНР, а правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, которое представляет в целом весь Китай. Так, в подписанной 15 сентября 2022 года совместной декларации между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства от-

мечается: «Белорусская сторона подтверждает приверженность принципу одного Китая, признает, что правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, и Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая, выступает против “независимости Тайваня” во всех его проявлениях, поддерживает все предпринимаемые правительством Китая усилия для воссоединения страны» [22].

Руководствуясь принципами международного права, Китай считает, что в системе международных отношений суверенное государство может быть представлено только одним правительством. «Китайское правительство считает, что установление иностранным государством, имеющим дипломатические отношения с КНР, официальных контактов с тайваньскими властями является прямым вмешательством во внутренние дела китайского государства своей страны и принимает жесткие ответные меры. В то же время руководство КНР не возражает против неофициальных контактов иностранных государств с Тайванем в экономической и гуманитарной областях» [27, с. 114].

Более чем 30-летняя история сотрудничества Республики Беларусь с КНР убедительно свидетельствует: важнейшим условием поддержания дружественных, взаимовыгодных, стратегических отношений между Минском и Пекином является строгое, неукоснительное исполнение Беларусью обязательств по тайваньскому вопросу.

Борьба дипломатии Белорусской ССР за предоставление законных прав Китайской Народной Республике в ООН

С первых дней провозглашения КНР (1 октября 1949 г.) МИД СССР активно включился в борьбу за предоставление Китайской Народной Республике законных прав в Организации Объединенных Наций. Здесь следует отметить, что Китай был в числе стран — учредителей ООН и является постоянным членом Совета Безопасности ООН. В апреле–июне 1945 года в работе учредительной конференции ООН в г. Сан-Франциско в числе делегаций 50 стран принимали участие представители гоминьдановского Китая (в состав делегации входил представитель КПК Дун Биу). 26 июня 1945 года в ходе заключительного этапа

конференции китайский дипломат Гу Вэйцзюнь первый из 50 ее участников подписал Устав ООН.

Сразу после образования КНР важной задачей правительства страны стало достижение перехода права представительства китайского народа в ООН именно Китайской Народной Республике, а не бежавшему на Тайвань режиму Чай Кайши. 15 ноября 1949 года министр иностранных дел, премьер Государственного административного совета КНР Чжоу Эньлай в телеграмме на имя председателя Генеральной Ассамблеи Карлоса П. Ромуло сообщил о создании 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики и одновременно высказал требование лишить делегацию правительства Китайской Республики (Тайваня) права представлять Китай в ООН [30]. Советский Союз, Белорусская ССР, Украинская ССР, Польша и Чехословакия поддержали это законное требование [12].

С первых дней образования социалистического Китая делегация Белорусской ССР в ООН начала борьбу за предоставление КНР законных прав в Организации Объединенных Наций. Белорусскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Кузьма Венедиктович Киселев — видный государственный деятель БССР, ранее руководивший Наркоматом здравоохранения республики, работавший заместителем Председателя Совета Министров БССР, затем — председателем СНК БССР. Находясь 22 года на должности министра иностранных дел советской Белоруссии, он подписал от имени делегации Белорусской ССР Устав ООН.

Спустя три недели после провозглашения КНР, 22 октября 1949 года, руководитель делегации БССР в ООН К. В. Киселев, выступая на пленарном заседании 4-й сессии Генассамблеи ООН, заявил, что делегация БССР не намерена признавать полномочия делегации Тайваня. В связи с этим белорусская делегация отказалась участвовать в обсуждении жалобы представителя Тайваня в ООН на Советский Союз и признать решения, принятые Политическим комитетом и Генеральной Ассамблеей по этому вопросу [34, с. 26]. 10 января 1950 года делегация СССР внесла в Совет Безопасности ООН проект резолюции, в котором предлагалось не признавать полномочий представителя Тайваня и исключить его из состава Совета Безопасности. Министр

иностранных дел БССР К. В. Киселев отмечал: «Всякому беспристрастному человеку было понятно, что ООН не может претендовать на выражение полного мнения мировой общественности, пока за ее стенами остается такое крупное по численности населения (а население КНР представляет четвертую часть населения земного шара) и территории государство мира, как Китайская Народная Республика» [20, с. 88]. Ведомые США западные страны, используя «машину голосования», сорвали принятие резолюции Советского Союза.

Несмотря на это, руководство КНР продолжило активную работу в целях получения членства в ООН. Глава делегации Белорусской ССР в ООН К. В. Киселев несколько раз выступал на 5-й сессии Генеральной Ассамблеи по вопросу предоставления КНР законных прав в ООН. К. В. Киселев отстаивал права КНР, которую США и другие западные страны по надуманным причинам обвиняли в развязывании интервенции в Корею. К «хору» представителей западных государств присоединились и представители гоминьдановского Тайваня в ООН, которые пользовались поддержкой США. Об одном из своих выступлений на сессии Генассамблеи ООН, состоявшейся 3 октября 1950 года, К. В. Киселев в своих мемуарах рассказывал следующее. После клеветнического, антисоветского выступления представителя Тайваня Цзян Тинфу «я не выдержал, попросил слова и высказал клеветнику всё, что о нем думал». [21, с. 366—367].

Здесь необходимо сделать отступление и пояснить, что выступление К. В. Киселева на данном заседании не было предусмотрено руководством делегации СССР в ООН. Руководитель делегации СССР в ООН А. Я. Вышинский назвал выступление Киселева «преждевременным» и «экстремистским» и направил в МИД соответствующую телеграмму. Над жизнью К. В. Киселева нависла серьезная опасность. В своих мемуарах об этих событиях он писал так: «Можно себе представить мои переживания. Однако через два дня из Москвы пришла телеграмма за подписью И. В. Сталина. На телеграмме рукой Сталина было написано: “Нам нужны не только дипломаты, но и экстремисты”». Позже на одном из совещаний А. Я. Вышинский проинформировал членов делегации СССР в ООН о содержании телеграммы Сталина и признал, что он ошибся [21, с. 367].

В последующие годы делегация Белорусской ССР в ООН под руководством Киселева продолжила борьбу за предоставление КНР законных прав в этой важнейшей международной организации. В свою очередь гоминьдановские представители в ООН, пользуясь поддержкой США, предприняли попытку включить в порядок дня 4-й, 5-й и 6-й сессий Генассамблеи ООН вопрос «Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Китая и миру на Дальнем Востоке, которая исходит из нарушения Советским Союзом китайско-советского договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г., а также нарушения Советским Союзом Устава ООН». Однако, несмотря на усилия США и их союзников, указанное предложение Тайваня не набрало необходимого количества голосов по результатам голосования [34, с. 128].

В 1960-е годы белорусские дипломаты продолжили активную борьбу за удаление представителей Тайваня из самой авторитетной международной организации. В связи с этим следует отметить, что ситуация в ООН по китайскому вопросу стала меняться. Укрепление международного авторитета КНР, усиление стран «третьего мира» и авторитета среди них Китая, изменения в отношениях КНР с западными странами в конце 60-х годов привели к тому, что всё большее число государств стало выступать за восстановление законных прав КНР в ООН. Если в 1952 году соотношение голосов в пользу рассмотрения на Генассамблее ООН вопроса о представительстве КНР было 7 против 42, то в 1956 году было уже 24 против 47, а в 1960 году — 34 против 42 при 22 воздержавшихся [34, с. 124].

На 26-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся 25 октября 1971 года, вопрос восстановления законных прав китайского народа в ООН был окончательно решен. Согласно резолюции 2758 «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций» право представлять китайский народ в ООН вместо Тайваня получила КНР; одновременно КНР получила место постоянного члена Совета Безопасности ООН. За членство КНР в ООН проголосовали 76 представителей стран, входящих в ООН, включая СССР, Белорусскую ССР и Украинскую ССР, Индию, Великобританию, Францию и большинство европейских государств. Против были 35 стран во главе с США. 11 ноября 1971 года делегация, воз-

главляемая заместителем министра иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа, прибыла в Нью-Йорк и приступила к работе в Организации Объединенных Наций. Так закончилась длительная, упорная борьба Китайской Народной Республики за восстановление своих законных прав в ООН. Свой вклад в эту победу КНР внесла и дипломатия Белорусской ССР.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. В конце 70-х годов прошлого века, в условиях ухудшения советско-китайских отношений, некоторые из коллег-дипломатов К. В. Киселева заявляли, что, мол, зря Советский Союз в 1971 году голосовал за предоставление КНР места в ООН. В ответ министр иностранных дел Белорусской ССР как настоящий государственный заявил, что представители Советского Союза голосовали в ООН по китайскому вопросу правильно, и в подтверждение привел крылатую фразу: «Руководители приходят и уходят, а народы остаются!» [20, с. 87]. Сегодня Китай не только участвует в деятельности ООН и ее организаций, но имеет своих представителей практически во всех международных организациях.

Тайваньский вопрос во внешней политике Республики Беларусь

После установления дипломатических отношений тайваньская проблема заняла особое место в развитии белорусско-китайского сотрудничества. В подписанном 20 января 1992 года в Пекине соглашении об установлении дипломатических отношений между Республикой Беларусь и КНР отмечалось, что «Китайская сторона подтверждает, что правительство КНР является единственным законным правительством, представляющим весь Китай. Тайвань — неотъемлемая часть территории КНР. Китайская сторона решительно выступает против любых попыток и действий, направленных на создание “двух Китаев”, “одного Китая и одного Тайваня”, “одной страны с двумя правительствами” или “независимого Тайваня”. Республика Беларусь поддерживает эту позицию КНР» [10, с. 5].

Свидетельством особой значимости тайваньского вопроса для белорусско-китайских отношений служит тот факт, что «в ходе всех встреч глав Беларуси и Китая, во всех политических документах, подписанных сторонами по итогам официальных ви-

зитов на высшем уровне, фиксировались принципиальные подходы сторон по тайваньскому вопросу» [25, с. 107]. Так, в ходе встречи 1 марта 2023 года Председателя КНР Си Цзиньпина с Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко в рамках государственного визита в Пекин глава белорусского государства подчеркнул, что Беларусь осуждает действия, направленные на усиление напряженности вокруг Тайваня, и всегда следовала принципу «одного Китая», выступала за мирное решение вопроса Тайваня и категорически против вмешательства иностранных государств во внутренние дела КНР. В свою очередь Председатель КНР Си Цзиньпин высоко оценил твердую поддержку Беларусью позиции Китая по тайваньскому вопросу [37].

Следует подчеркнуть, что среди главных внешнеполитических задач, решаемых Тайваньской администрацией, значатся такие, как установление дипломатических отношений с максимальным количеством суверенных государств и возвращение в ООН в качестве суверенного государства. Для решения указанных задач власти Тайваня, имея значительные объемы золото-валютных резервов (на начало 2023 г. — около 561 млрд долл. США), активно используют политику «долларовой дипломатии». Предоставляя льготные кредиты и инвестиции в первую очередь государствам, испытывающим большие трудности в социально-экономическом развитии, Тайвань стремится к установлению с ними официальных контактов. Как правило, первоначальной формой официального признания Тайваня становилось открытие в стране, получившей кредиты, Тайваньской торгово-экономической миссии. Вместе с тем, как свидетельствовал опыт сотрудничества с Тайванем отдельных государств, после открытия упомянутых миссий администрация острова либо забывала о своих обещаниях щедро инвестировать в их экономику, либо инвестиции предоставлялись в скромных объемах.

Анализ политики тайваньских представителей на международной арене показывал, что «при установлении официальных связей с суверенными государствами представители Тайваня стремились политизировать любые контакты с ними. С целью повышения собственного рейтинга в глазах мировой общественности использовались любые методы вплоть до фальсификации информации» [3]. Практика показывала, что результат уста-

новления дипломатических отношений отдельных государств с Тайванем был, как правило, весьма скромный, а чаще всего — негативный. КНР разрывала с такими государствами дипломатические отношения, взамен же эти страны теряли возможность выхода на огромный китайский рынок и возможность привлечения китайских инвестиций, при этом получали минимум тайваньских инвестиций либо не получали их вообще.

После распада СССР и провозглашения Республикой Беларусь независимости представители администрации Тайваня, используя сложное экономическое положение белорусской экономики, предприняли ряд попыток установить с Беларусью официальные отношения. Хорошо понимая острую потребность экономики молодого белорусского государства в иностранных инвестициях, политики из Тайбэя основным методом достижения поставленной цели сделали политику «долларовой дипломатии». Их главной задачей стало учреждение в Беларуси Тайбэйской торгово-экономической миссии, наделенной статусом дипломатического (консульского) представительства. Основной целью Тайваня по созданию миссии было использование им территории Беларуси в качестве плацдарма для экономического проникновения в страны СНГ и Европейского союза.

Первые попытки открытия торгово-экономической миссии в Минске представители Тайваня предприняли в 1992 году. В апреле 1992 года в столицу Беларуси с визитом прибыла тайваньская делегация, возглавляемая заместителем министра иностранных дел Дж. Чаном. Делегация встретилась с заместителями руководителей МИД, министерств здравоохранения, связи и культуры Республики Беларусь, Госкомитета по внешнеэкономическим связям, Минского горисполкома. По итогам встреч руководитель тайваньской делегации вручил представителям Министерства здравоохранения документ на передачу медикаментов на сумму 500 тыс. долл. США и чек на аналогичную сумму. Кроме этого в ходе переговоров Дж. Чан заявил, что Тайвань намерен в ближайшее время открыть в Беларуси свою миссию и пригласил участников состоявшихся встреч посетить Тайвань с официальным визитом [5]. После апрельского визита упомянутой делегации из Тайваня официальные контакты между Беларусью и Тайванем существенно активизировались. Так,

в мае–июне 1992 года мэр г. Минска и заместитель министра здравоохранения Беларуси посетили Тайвань. В июне 1992 года делегация Тайваня посетила с визитом Беларусь и провела переговоры с заместителем председателя Верховного совета Республики Беларусь.

Здесь следует отметить, что контакты руководителей органов государственного управления Беларуси с представителями Тайваня тщательно фиксировались дипломатами посольства КНР в Республике Беларусь. После серии встреч официальных лиц Беларуси с представителями Тайваня, состоявшихся в апреле–июне 1992 года, Чрезвычайный и Полномочный Посол Китая в Беларуси Ван Синда 14 июля 1992 года заявил устный протест МИД Беларуси, а позже устный протест он заявил председателю Минского городского исполнительного комитета [6].

Продолжение контактов официальных представителей Беларуси с представителями Тайваня грубо нарушало взятые Беларусью обязательства придерживаться политики «одного Китая». Это могло обернуться для Беларуси существенным ухудшением отношений с Китаем. Практика официальных контактов Латвии с Тайванем наглядно показала то, чем это могло бы закончиться для Беларуси. Результатом открытия в Риге Тайбэйской консульской миссии, реорганизованной затем в генеральное консульство Тайваня, стали отзыв КНР из Риги своего посла и угроза разрыва Китаем дипотношений с Латвией. Взвесив все «плюсы» и «минусы» сложившейся ситуации и, прежде всего, существенные экономические потери, правительство Латвии летом 1994 года закрыло генеральное консульство Тайваня.

В сложившейся ситуации для выработки четкой позиции госорганов и организаций Беларуси по тайваньскому вопросу 30 июня 1992 года МИД Беларуси провел специальное совещание с участием заинтересованных лиц. В июле 1992 года по итогам совещания МИД направил в министерства и ведомства республики письмо с изложением официальной позиции Республики Беларусь по тайваньскому вопросу. В письме подчеркивалось, что «белорусско-тайваньские контакты возможны только между общественными организациями, предприятиями или частными фирмами Беларуси и Тайваня, при этом сотрудничество представителей органов государственного управле-

ния республики с представителями Тайбэя категорически исключалось» [8].

Результатом реализации упомянутых решений стала минимизация контактов органов управления и организаций республики с представителями Тайваня, однако потребность Беларуси в иностранных инвестициях вскоре вновь обернулась организацией новых встреч и переговоров официальных лиц Беларуси с представителями Тайваня. Так, в январе 1996 года Тайбэй посетила белорусская делегация во главе с заместителем премьер-министра Республики Беларусь Л. Г. Синицыным. В подписанном Беларусью и Тайванем протоколе говорилось об открытии в Минске Тайбэйской торгово-экономической миссии. Следует отметить, что представителям Тайваня удалось включить в указанный документ положение о выдаче МИД Беларуси сотрудникам Тайбэйской миссии дипломатических карточек и наделении их диппривилегиями и иммунитетом. Летом 1996 года Тайбэйская миссия была официально зарегистрирована в Министерстве внешнеэкономических связей Беларуси и начала работу [7].

Тайвань активизировал усилия по закреплению своего присутствия в Беларуси. Так, в ноябре 1995 года был зарегистрирован и начал работу Международный фонд экономического и культурного сотрудничества между Тайбэем и Минском (ТайМин). В 1996—1997 годах фонд ТайМин и Тайбэйская миссия провели в столице Беларуси Дни Тайбэя в Минске и официальный прием в связи с Национальным днем Китайской Республики (Тайваня). Оба мероприятия имели явно выраженный политический характер. При посредничестве фонда ТайМин была начата подготовка к проведению в апреле 1998 года ответных Дней Минска в Тайбэе. Имели место факты посещения сотрудниками офиса Тайбэйской торгово-экономической миссии отдельных официальных приемов, проводимых в Минске диппредставительствами иностранных государств, хотя они не имели права участвовать в подобных мероприятиях. Кроме этого фонд ТайМин приступил к открытию своего офиса в Тайване [35]. Следует отметить, что отмеченные выше политические мероприятия, имевшие провокационный характер, усилиями МИД, Национального собрания Республики Беларусь, других ведомств республики, китайского посольства в Беларуси не привлекли

к себе большого общественного внимания и внимания средств массовой информации.

Нарушение Беларусью обязательств по тайваньскому вопросу вызвало острую реакцию КНР. В специальном меморандуме посольства КНР в Беларуси, направленном в МИД Республики Беларусь, подчеркивалось, что «тайваньский вопрос — принципиальный для Китая вопрос, касающийся суверенитета, территориальной целостности и национального объединения страны, и любые официальные контакты Беларуси с Тайванем нанесут ущерб нормальному развитию двусторонних отношений» [1].

Особую остроту в белорусско-китайских отношениях тайваньский вопрос получил летом 1996 года. В конце июня 1996 года в публикациях в СМИ появилась информация о намерении Минска и Тайбэя обменяться торговыми представительствами и о выделении Тайванем кредита для Беларуси. В них особо отмечалось, что в Беларуси сотрудничество с Тайванем ведется на правительственном уровне и что Минск намерен предоставить представительству Тайваня в Минске дипломатические привилегии [4]. Как свидетельствуют архивные материалы, данная информация позже была опубликована в закрытом журнале «Цанькао сяоси», издаваемом для кадровых работников КПК. Это свидетельствовало о начале формирования общественного мнения в Китае для принятия его руководством ответных мер в отношении Беларуси. В подтверждение своих намерений МИД Китая, как свидетельствуют архивные материалы, «приостановил переговоры по подготовке официальных визитов в Пекин премьер-министра Беларуси и главы администрации Президента Республики Беларусь; кроме этого были заморожены переговоры сторон по взаимному приобретению зданий для посольств. Отдельные официальные представители Китая начали высказывать сомнения в перспективности реализации конкретных белорусско-китайских проектов» [25, с. 109].

Сложившаяся ситуация требовала неотложной реакции белорусской стороны. Для снятия напряженности между Минском и Пекином белорусская сторона осуществила комплекс мероприятий: были проведены переговоры с Чрезвычайным и Полномочным Послом Китая в Беларуси Чжао Сиди; в белорусских средствах массовой информации был размещен ряд официаль-

ных заявлений о неизменности курса Беларуси относительно обязательств по тайваньскому вопросу. Особую роль в разрешении упомянутой напряженности сыграл Президент Беларуси А. Г. Лукашенко. В августе 1996 года в специальном послании Председателю КНР Цзян Цзэминю он «подтвердил неизменность позиции Беларуси по тайваньскому вопросу и приверженность страны принятым обязательствам» [2]. Меры, предпринятые главой белорусского государства, другими органами государственного управления Беларуси, позволили снять остроту тайваньского вопроса и устранить его негативное влияние на развитие двусторонних связей.

В качестве примера положительной реакции Китая на меры, принятые белорусским руководством по соблюдению принятых обязательств по тайваньскому вопросу, можно привести решение МИД КНР по подписанию соглашения по взаимному приобретению зданий для посольств: китайского — в Минске, а белорусского — в Пекине. Торжественная церемония официального открытия отдельного здания посольства Беларуси в Пекине состоялась в апреле 1997 года с участием Президента Беларуси А. Г. Лукашенко в рамках его официального визита в КНР. Решение китайского МИД по вопросу предоставления посольству Беларуси отдельного здания в Пекине было крайне важным для белорусской стороны: в тот период «в очереди» на получение в столице КНР отдельного здания стояло более 30 дипломатических представительств иностранных государств.

Важным направлением двустороннего взаимодействия в тайваньском вопросе стала поддержка Беларусью Китая в международных организациях в связи с попытками Тайбэя добиться статуса самостоятельного субъекта международного права. Для достижения этой цели «Тайвань, заручившись поддержкой ряда латиноамериканских и африканских стран, а также Европарламента, осенью 1996 года предпринял очередную попытку восстановить свое членство в ООН. Характерно, что в качестве одного из аргументов вступления в ООН Тайвань приводил пример членства в Организации Объединенных Наций БССР и УССР в период их нахождения в составе Советского Союза. В сентябре 1996 года МИД КНР обратился с просьбой к Беларуси проголосовать против указанного предложения Тайваня» [25, с. 129].

Руководствуясь стратегией взаимной поддержки в международных организациях, представители Беларуси в ООН 19 сентября 1996 года проголосовали за снятие вопроса о восстановлении членства Тайваня в ООН с повестки 51-й сессии Генеральной ассамблеи. По итогам голосования указанное предложение Тайваня не набрало большинства голосов [3].

Строго придерживаясь выполнения взятых обязательств по тайваньскому вопросу, руководство Республики Беларусь поддерживает все усилия Китая, направленные на его решение. В рамках встречи 7 марта 1999 года в Минске с руководителем китайской делегации, членом Государственного совета КНР госпожой У И Президент Беларуси А. Г. Лукашенко подчеркнул, что хочет видеть Китай единым великим государством, чтобы «проблема Тайваня была решена так, как этого желает Китай. Это процесс длительный, но мы убедились, что разума и гибкости у руководства Китая достаточно, чтобы положительно решить этот вопрос» [13, с. 47].

Что же касается вопроса вложения обещанных Тайванем значительных инвестиций в белорусскую экономику, то о результатах здесь говорить не приходится. Представители Тайваня в ходе контактов не раз заявляли о намерениях предоставить Беларуси около 2 млрд долл., однако эти обещания так и остались обещаниями. По неофициальной информации, миллиардные инвестиции Тайваня в экономику Беларуси ограничились скромной суммой в 30 млн долл. [24].

Закономерным финалом деятельности Тайбэйской торгово-экономической миссии в Минске стало решение официальных властей Беларуси закрыть ее офис в январе 2006 года.

В течение первых двух десятилетий XXI века Республика Беларусь продолжила политику неукоснительного выполнения взятых на себя обязательств по вопросу Тайваня. Так, в связи с принятием 14 марта 2005 года 3-й сессией Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва «Закона КНР против сепаратизма» МИД Республики Беларусь выступил в его поддержку. В заявлении МИД отмечалось, что «Закон отвечает коренным интересам всего китайского народа, способствует поддержанию мира и стабильности в районе Тайваньского пролива, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире в целом. Правительство

Республики Беларусь строго соблюдает свои обязательства по тайваньскому вопросу и поддерживает право китайского Правительства на защиту государственного суверенитета, сохранение территориальной целостности и национального единства страны» [17].

Очередной шаг в поддержку усилий руководства Китая против раскольнической деятельности тайваньских сепаратистов, возглавляемых Чэнь Шуйбянем, Беларусь сделала 14 февраля 2006 года. В заявлении пресс-службы белорусского МИД по тайваньской проблеме подчеркивалось, что заявления властей Тайваня ликвидировать Совет национального объединения и отвергнуть программу национального воссоединения говорят о нежелании администрации Чэнь Шуйбяня идти по пути конструктивного взаимодействия с материковым Китаем, не отвечают интересам налаживания диалога между двумя берегами Тайваньского пролива. В документе подчеркивалось: «Правительство КНР рассматривается нами как единственное законное правительство, представляющее весь Китай. Республика Беларусь поддерживает принципиальную позицию КНР, направленную против “независимости Тайваня” и любых попыток создания “двух Китаев” или “одного Китая, одного Тайваня”» [29].

Позиция Беларуси по тайваньскому вопросу в связи с вступлением в должность нового главы администрации Тайваня Цай Инвэнь была зафиксирована в заявлении пресс-службы МИД Республики от 21 марта 2016 года. В заявлении отмечалось, что МИД «вновь подтверждает неизменность позиции Республики Беларусь следования политике “одного Китая” и признания правительства КНР единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань — неотъемлемой частью территории Китая» [11].

В 2013—2014 годах тайваньская администрация предприняла еще одну попытку установить отношения с официальными представителями Республики Беларусь. С предложением подписать двусторонний меморандум о сотрудничестве с Белорусской торгово-промышленной палатой выступила Китайская ассоциация международного экономического сотрудничества (Тайвань). Принимая во внимание негативный опыт сотрудничества с представителями Тайваня, тот факт, что подписание ме-

морандума может быть расценено официальным Пекином как нарушение Беларусью взятых на себя обязательств, что нанесет ущерб белорусско-китайскому стратегическому сотрудничеству, руководство Белорусской торгово-промышленной палаты в марте 2014 года отказалось от упомянутого предложения представителей Тайваня [9].

Во втором десятилетии XXI века администрация Тайваня предприняла ряд активных действий, чтобы добиться членства во Всемирной ассамблее здравоохранения — главном органе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) — и принять участие в ее работе. Однако эти попытки были совместными усилиями Китая и его союзников, включая Республику Беларусь, сорваны. Здесь следует пояснить, что в период с 2009 по 2016 год, когда наблюдалось потепление отношений между КНР и администрацией Тайваня, руководство Китая не возражало против участия Тайбэя в работе ежегодной сессии Ассамблеи на правах наблюдателя. Однако в 2016 году, после победы на выборах на Тайване Демократической прогрессивной партии, выступившей против принципа «единого Китая», постпредство КНР при Отделении ООН в Женеве приняло решение блокировать участие Тайваня в работе Всемирной ассамблеи здравоохранения. С целью не допустить представителей Тайваня к участию в работе Ассамблеи постоянное представительство КНР приняло решение использовать механизм процедурных формальностей. Используя огромный авторитет Китая среди развивающихся и других государств, постпредство провело большую работу по направлению генеральному директору ВОЗ писем членов Организации с просьбой запретить Тайваню участвовать в работе Всемирной ассамблеи здравоохранения. В связи с просьбами постпредства КНР Республика Беларусь регулярно направляла письма руководству ВОЗ с просьбой не разрешать Тайваню участвовать в работе Организации. В результате с 2017 года в отсутствие консенсуса Тайвань лишен права принимать участие в работе сессий Ассамблеи. Так, Генеральный комитет Всемирной ассамблеи здравоохранения в ходе 74-й сессии Ассамблеи, состоявшейся в мае 2021 года в Женеве, принял решение отклонить включение в повестку дня предложения некоторых стран «О приглашении Тайваня в качестве наблюдателя на сессию Всемирной ассамблеи здравоохранения» [14].

Ситуация с тайваньским вопросом существенно обострилась в связи официальным визитом на Тайвань 2 августа 2022 года спикера Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси. В заявлении МИД КНР данный визит рассматривается Китаем как «серьезное нарушение принципа одного Китая, грубое посягательство на суверенитет и территориальную целостность Китая». В документе особо подчеркивалось, что «Вашингтон, используя Тайвань как инструмент для сдерживания Китая, оказывает поддержку сепаратистским силам на острове. Такая авантюра представляет огромную опасность. Пекин решительно требует от Вашингтона прекратить разыгрывать “тайваньскую карту” для сдерживания Китая, перестать вмешиваться в тайваньские дела как внутренние дела Китая. Стоит понять, что играющие с огнем непременно сожгут самих себя» [19].

Представляет интерес оценка визита Н. Пелоси на Тайвань Посла КНР в России Чжан Ханьхуэя. Он заявил, что «коллективный Запад скопировал украинский сценарий в тайваньском вопросе. США в свое время спровоцировали пять раундов расширения НАТО на восток, срежиссировали “цветную революцию” на Украине и максимально “загнали Россию в угол” в сфере безопасности, что в конечном итоге и привело к украинскому кризису». Конечная цель США, по мнению Чжан Ханьхуэя — «затяжными военными действиями и санкционной дубиной истощить и раздавить Россию. Аналогичным образом США переносят целый набор обкатанных на «украинском треке» практик в тайваньский вопрос и пытаются использовать ту же тактику против Китая для создания кризиса в Тайваньском проливе с целью воспрепятствовать великому возрождению китайской нации» [31].

В связи с последними заявлениями руководства Госдепартамента США относительно тайваньского вопроса официальный представитель МИД КНР Мао Нин 28 февраля 2023 года заявила, что сейчас «США значительно усилили военные контакты с Тайванем, а также провозгласили “Украина сегодня, Тайвань завтра”». В СМИ даже появилась информация о том, что правительство США разработало план «уничтожения Тайваня». В связи с этим представитель МИД КНР выразила четкую позицию руководства КНР по тайваньскому вопросу: «Если Соединенные Штаты откажутся изменить курс и пойдут по этому неверному пути,

это приведет к реальным последствиям, и США придется заплатить тяжелую цену» [23].

Официальная оценка Республики Беларусь ситуации вокруг Тайваня в связи с визитом Н. Пелоси на Тайвань дана в заявлении МИД страны 2 августа 2022 года. В заявлении отмечается, что Беларусь «с глубокой обеспокоенностью констатирует рост напряженности, спровоцированный безответственным упорством США в реализации визита спикера палаты представителей Н. Пелоси на остров Тайвань, и поддерживает мирное развитие отношений между двумя берегами Тайваньского пролива на основе принципа “одного Китая”, а также предпринимаемые китайской стороной последовательные меры по воссоединению страны» [18].

Независимая внешняя политика Республики Беларусь, непризнание Западом итогов выборов президента Беларуси в августе 2020 года, поддержка Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко действий своего стратегического союзника — России — в рамках специальной военной операции на Украине, критика Минском политики коллективного Запада стали основными причинами введения Западом и США жестких санкций против Беларуси. Следуя в фарватере политики США, к санкционной политике Запада присоединился и Тайвань. Тайвань заявил о присоединении к западным санкциям в феврале 2022 года после начала СВО на Украине. Тайбэй пообещал поддерживать тесную координацию с США и другими государствами и принимать для этого соответствующие меры. Тайвань стал жестче контролировать экспорт высокотехнологичной продукции в Россию и Беларусь, чтобы не допустить поставок туда высокотехнологичных товаров, которые могли бы быть использованы в военных целях.

6 мая 2022 года Министерство экономики Тайваня (МОЕА) опубликовало список высокотехнологичной продукции, экспорт которой был запрещен в Российскую Федерацию и Республику Беларусь. В список были включены интегральные микросхемы (чипы), а также оборудование для оптической и рентгеновской литографии, сканеры, электронно-сканирующие микроскопы. 4 января 2023 года МОЕА приняло решение о расширении списка экспортных высокотехнологичных товаров, запрещенных для ввоза в Беларусь и Россию. В обновленный список были включены 52 позиции, которые касались веществ для использования

в ядерной энергетике, разных товаров, материалов, химикатов и станков [28].

Здесь следует пояснить, насколько критичным для экономики Беларуси оказалось решение Министерства экономики Тайваня по введению запрета на ввоз упомянутых групп экспортных товаров. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2017 и 2018 годах импорт товаров из Тайваня в Беларусь составлял 87 млн и 95 млн долл. соответственно; таким образом, на долю тайваньского импорта в общем объеме импорта товаров Беларуси приходилось 0,3% и 0,2% соответственно, что было не критично для белорусской экономики. По данным статистики Тайваня, доля рынка Беларуси для тайваньского экспорта еще меньше и составляет всего 0,004% от общего объема. В 2021 году объем поставок тайваньских товаров в Беларусь не превысил показатель в 20 млн долл. [36]. Вместе с тем Беларусь, как и многие страны мира, косвенно зависит от Тайваня, что обусловлено тем, что она приобретает большие объемы продукции из других стран, которая состоит из тайваньских комплектующих. На этом фоне Россия проявила заинтересованность в сотрудничестве с Беларусью в развитии импортозамещения, в том числе в сфере микроэлектроники. «У Беларуси есть неплохие заделы в области производства микроэлектроники, этот потенциал развивался еще с советских времен», — заявил Президент России В. В. Путин во время встречи с государственным секретарем Союзного государства Д. Ф. Мезенцевым. По мнению Президента России, сфера микроэкономики должна стать основой для реализации новых совместных с Беларусью программ. В России и Беларуси на уровне министерств и ведомств идет соответствующая проработка данного вопроса, при этом российское правительство считает, что в этой области действительно есть перспективные направления [32].

Заключение

Анализ роли тайваньского вопроса в становлении и развитии белорусско-китайских отношений показывает, что он занимает важное место в развитии белорусско-китайских отношений, а руководство Беларуси и МИД страны уделяет ему должное внимание. Доказательством этого является факт включения прак-

тически во все политические документы, подписанные руководителями Республики Беларусь и КНР, положений о признании белорусской стороной принципа одного Китая, а также о том, что правительство КНР является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая.

Изучение истории тайваньского вопроса показывает, что с первых дней провозглашения Китайской Народной Республики дипломатия Белорусской ССР вместе с внешнеполитическими ведомствами СССР и Украинской ССР вела активную борьбу за право представительства китайского народа в ООН КНР, которая успешно завершилась в 1971 году исключением представителей Тайваня из ООН.

Республика Беларусь с момента провозглашения суверенитета стала объектом внимания тайваньских властей, которые, используя методы «долларовой дипломатии», видя острую потребность молодого белорусского государства в иностранных инвестициях, пытались наладить сотрудничество с официальными структурами Республики Беларусь. Свои интересы в Беларуси тайваньские представители продвигали, используя офис Тайбэйской торгово-экономической миссии и фонд ТайМин. Общественный резонанс проводимых в Минске данными структурами политических мероприятий, имевших провокационный характер, усилиями МИД и Национального собрания Республики Беларусь, диппредставительства КНР в Беларуси, других министерств и ведомств республики был минимизирован.

Деструктивная деятельность упомянутых тайваньских структур, необходимость строгого соблюдения Республикой Беларусь взятых на себя обязательств по тайваньскому вопросу стали основными причинами прекращения их деятельности в Беларуси. Одновременно МИД Беларуси активно взаимодействовал с внешнеполитическим ведомством Китая по пресечению попыток представителей Тайваня принять участие в работе международных организаций, в частности ООН и Всемирной ассамблеи здравоохранения.

Существенное обострение проблемы Тайваня произошло в 2022 году в связи с провокационным визитом на остров 2 августа спикера Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси.

В связи с этим МИД Беларуси, констатируя рост напряженности, спровоцированный визитом, полностью солидаризировался с оценками КНР, определяющего его «как вмешательство во внутренние дела Китая» [18].

Администрация Тайваня, следуя в русле санкционной политики коллективного Запада во главе с США против Беларуси и России, ввела с мая 2022 года ряд ограничений на поставку отдельных видов высокотехнологичной продукции, в основном интегральных микросхем. Вместе с тем данное решение Тайваня привело к активизации сотрудничества Беларуси и России в сфере импортозамещения в связи с наличием в Беларуси оставшихся еще со времен СССР необходимых компетенций в области производства микроэлектроники.

Литература

1. Архив МИД Республики Беларусь. — Фонд 907, оп. 2, д. 1035, л. 28.
2. Архив МИД Республики Беларусь. — Фонд 907, оп. 2, д. 1036, л. 185.
3. Архив МИД Республики Беларусь. — Фонд 907, оп. 2, д. 1036, л. 39.
4. Архив МИД Республики Беларусь. — Фонд 907, оп. 2, д. 1037, л. 19.
5. Архив МИД Республики Беларусь. — Фонд 907, оп. 2, д. 106, л. 173.
6. Архив МИД Республики Беларусь. — Фонд 907, оп. 2, д. 106, л. 258.
7. Архив МИД Республики Беларусь. — Фонд 907, оп. 2, д. 1559, л. 252.
8. Архив МИД Республики Беларусь. — Фонд 907, оп. 2, д. 76, л. 150.
9. Архив МИД Республики Беларусь. — Фонд 907, оп. 16, д. 57, л. 1.
10. Белорусско-китайские отношения в межгосударственных, межправительственных и межведомственных документах (1992—2019 гг.) / сост.: А. А. Воловик, А. Ю. Грабко, Ю. С. Вергейчик. — Минск: Изд. центр БГУ, 2019. — 363 с.
11. Белоруссия подтверждает позицию о признании Тайваня частью Китая // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/330271/> (дата обращения: 03.02.2023).
12. Борьба за предоставление КНР членства в ООН. — URL: <https://hist.bsu.by/faculty/povosti-fakulteta/2935/> (дата обращения: 04.02.2023).
13. Вестник Министерства иностранных дел / Информ. центр при Министерстве иностранных дел Республики Беларусь. — 2000. — № 1. — 134 с.
14. Всемирная ассамблея здравоохранения в очередной раз отклонила предложение, связанное с Тайванем. — URL: http://russian.news.cn/2021-05/25/c_139967392.htm/ (дата обращения: 03.02.2023).
15. Доклад Председателя КНР Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г. — URL: https://www.kt.kz/rus/press-materialy/doklad_na_20_vsekitayskom_s_ezde_kommunisticheskoy_partii_1377941342.html/ (дата обращения: 04.02.2023).
16. Дэн Сяопин. Воспользоваться подходящим моментом для решения проблем развития (24 декабря 1990 г.) // Творцы истории: Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь. Статьи и выступления. — Минск: Палая-Мишин, 2001. — 306 с.
17. Заявление пресс-секретаря Министерства иностранных дел Республики Беларусь. — URL: <https://mfa.gov.by/press/statements/e898f1989f8f6ad8.htm/> (дата обращения: 03.02.2023).
18. Заявление Министерства иностранных дел в связи с обострением ситуации вокруг Тайваня 2 августа 2022 г. — URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e9023629477ba781.html/ (дата обращения: 03.02.2023).

19. Заявление Министерства иностранных дел КНР в отношении поездки Н. Пелоси на Тайвань. — URL: <https://russian.news.cn/20220802/b8ceb05bb2843fc89f274361337264b/c.html/> (дата обращения: 03.02.2023).
20. *Киселев К. В.* Впечатления, встречи. Записки советского дипломата. — Минск: Беларусь, 1980. — 206 с.
21. *Киселев К. В.* Записки советского дипломата. — М.: Политиздат, 1974. — 526 с.
22. Китай и Беларусь опубликовали Совместную декларацию об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства. — URL: <https://russian.news.cn/20220916/322ae8d4d4c54030ab90b66ca59b532e/c.html/> (дата обращения: 04.02.2023).
23. Китай призвал США прекратить сеять смуту, пытаясь ввести мир в заблуждение относительно ситуации с Тайванем. — URL: <https://russian.news.cn/20230301/df6beb1bbfb54254a7c545e0daa01706/c.html/> (дата обращения: 03.03.2023).
24. Китайское событие и белорусские надежды. — URL: <https://www.belrynok.by/2015/11/10/kitajskoe-sobytye-i-belorusskie-nadezhdy/> (дата обращения: 03.02.2023).
25. *Мацель В. М.* Беларусь — Китай: 30 лет по пути дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. — Минск: Акад. управления при Президенте Республики Беларусь, 2021. — 384 с.
26. *Мацель В. М.* Становление и развитие дружественных белорусско-китайских отношений. — Барановичи: Баран. укрупн. тип., 2004. — 190 с.
27. *Мацель В. М.* Политика Республики Беларусь на востоке и юге Азии (1991—2002 гг.): монография. — Минск: Акад. управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. — 295 с.
28. Министерство экономики расширило список предметов экспортного контроля в Россию и Беларусь. — URL: https://www.trade.gov.tw/english/Pages/Detail.aspx?nodeID=86&pid=755256&dl_DateRange=all&txt_SD=&txt_ED=&txt_Keyword=&pageIndex=2&history/ (дата обращения: 03.02.2023).
29. О заявлении пресс-службы МИД Беларуси по тайваньской проблеме. — URL: <https://mfa.gov.by/press/statements/b4efe8be98f8114f.html/> (дата обращения: 03.02.2023).
30. Послание министра иностранных дел, премьера правительства КНР Чжоу Эньлая председателю Генеральной Ассамблеи ООН Карлосу П. Ромуло 15 ноября 1949 г. — URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/248601/> (дата обращения: 04.02.2023).
31. Посол КНР в России: Запад скопировал украинский сценарий в вопросе Тайваня. — URL: <https://tass.ru/interviews/15439681/> (дата обращения: 03.02.2023).
32. Путин оценил перспективы сотрудничества с Беларусью в микроэлектронике. — URL: <https://eurasia.expert/putin-otsenil-perspektivy-sotrudnichestva-s-belarusyu-v-mikroelektronike/> (дата обращения: 03.02.2023).
33. *Снапковский В. Е.* Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии/Белорусск. гос. ун-т. — Минск: Право и экономика, 2021. — 318 с.
34. *Снапкоўскі У. Е.* Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі, 1944—1953 гг. / пад рэд. Броўкі. — Мінск: 1997. — 205 с.
35. Тайбэй — Минск: дружеское рукопожатие через континенты. — URL: <https://taipanorama.tw/news.php?post=109050&unit=388/> (дата обращения: 03.02.2023).
36. Чем конфликт вокруг Тайваня угрожает мировой экономике и Беларуси. — URL: <https://ilex.by/chem-konflikt-vokrug-tajvanya-ugrozhaet-mirovoj-ekonomike-i-belarusi/> (дата обращения: 03.02.2023).
37. *Desheng G. Xi:* Peace talks key to end crisis. — URL: <http://http://chinadailyglobal.com/a/202303/01/WS63ff73afa31057c47ebb1936.html/> (accessed: 03.03.2023).

Высоцкий Павел Андреевич,

научный сотрудник,
Центр региональных исследований, Москва.

Pavel A. Vysotsky,

Researcher,
Center for Regional Studies, Moscow.

E-mail: pvysotsckij@yandex.ru

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ TURKEY'S POLICY IN THE BLACK SEA REGION

Аннотация: в статье исследуется современная политика Турции в Черноморском регионе. В последнее десятилетие Турция проводит в регионе активную политику, являясь одним из наиболее развитых причерноморских государств. Отличительная особенность политики Турции состоит в том, что государство является членом НАТО и при этом проводит достаточно самостоятельную политику. После вхождения Крыма в состав России политика Турции была направлена на поддержку официального Киева. При этом Анкара активно развивала торгово-экономическое и энергетическое сотрудничество с Россией. После начала Россией специальной военной операции политика Турции в Черноморском регионе сохранила свою преемственность. Анкара поддерживает тесные политические и экономические отношения с Западом, оказывает поддержку Киеву и одновременно продолжает развивать торгово-экономическое взаимодействие с Россией, пытаясь получать выгоды из санкционной политики Запада в отношении российской стороны.

Ключевые слова: Турция, внешняя политика, Черноморский регион, Россия, США.

Abstract: the article examines Turkey's current policy in the Black Sea region. Over the past decade, Turkey has pursued an active policy in the region, being one of the most developed Black Sea states. A distinctive feature of Turkey's policy is the fact that the state is a member of NATO, while pursuing a fairly independent policy. After joining the Crimea to Russia, Turkey's policy was aimed at supporting the official Kiev. At the same time, Ankara actively collaborated with Russia in the fields of trade and energy. After Russia launched a special military operation, Turkey's policy in the Black Sea region has not changed. Ankara maintains close political and economic relations with the West, it provides support to Kiev and at the same time the country also continues to develop trade and economic ties with Russia, trying to benefit from the West's sanctions policy against the Russian Federation.

Key words: Black Sea region, foreign policy, Turkey, Russia, United States.

Введение

После распада СССР Турция стала проводить в Черноморском регионе активную политику. Анкара стремилась заполнить геополитический вакуум, который возник в регионе после ухода с политической карты мира СССР и появления на берегах Черного моря новых причерноморских государств — Украины и Грузии [21]. Эти страны после распада СССР приступили к формированию собственной внешней политики в Черном море. Помимо это-

го ситуацией в регионе попыталась воспользоваться Турция. «Эта страна, чье влияние в Черноморском регионе с конца XIX века снизилось, смогла вновь ощутить себя одним из ключевых игроков на Черном море, вступив в соперничество с Россией за геополитическое лидерство. Именно турецкая сторона практически сразу же после распада СССР заявила о претензиях на доминирование в странах Черноморского региона и первой предприняла шаги, чтобы заполнить геополитический вакуум» [7].

Политика Турции в начале 1990-х годов была направлена на формирование новой системы международных отношений в Черноморском регионе. Анкара рассчитывала, как минимум, усилить свое влияние в регионе. В качестве долгосрочного плана рассматривался вариант, при котором Анкара хотела стать лидером в Черноморском регионе, существенно потеснив Россию, ограничив ее влияние и одновременно не допуская в Черное море внерегиональные государства. Однако турецким планам препятствовал ряд факторов. Прежде всего, Россия, несмотря на снижение своего геополитического и экономического потенциала, уменьшение военных возможностей, оставалась ключевым черноморским государством. Кроме того, значительную роль в сохранении позиций России в Черноморском регионе играл Крым. Несмотря на то что он являлся частью Украины, Россия сохраняла в Крыму свое влияние. Этому способствовали исторические факторы, когда Крым в течение длительного времени входил в состав Российской империи, а потом и России, а также сохранившиеся тесные культурные и родственные связи. Большую роль в сохранении Россией своих позиций в регионе играл Черноморский флот. Это позволяло России оказывать военно-политическое влияние в регионе. В результате сохранение Россией тесных отношений с полуостровом затрудняло Турции реализовывать свои планы.

После распада СССР внимание к региону усилилось со стороны западных стран. США давно присматривались к региону, а после исчезновения с политической карты мира СССР фактически заново открыли для себя Черноморский регион. ЕС также рассчитывал усилить свое присутствие в регионе. Однако расширить свое присутствие в Черном море у ЕС получилось только через Румынию и Болгарию, которые стали проводить курс

на вхождение в евроатлантические структуры. В итоге амбиции Турции сталкивались с конкурирующими геополитическими проектами, которые продвигали другие внерегиональные страны, а также с интересами России.

Российский вектор

Турция развивала сотрудничество с причерноморскими странами в основном через многосторонние механизмы, которые предполагали решение общих задач. В то же время Анкара развивала и двусторонние отношения. Наиболее активно Турция развивала двусторонние отношения с Россией, которая выступала в качестве основного торгово-экономического партнера в регионе. В то же время политика Турции в отношении России являлась наиболее противоречивой. С одной стороны, Анкара не могла игнорировать российское присутствие в регионе, тем более что Россия исторически присутствует в Черноморском регионе, который имеет стратегическое значение. Это подталкивало Турцию к поиску разных вариантов сотрудничества с Россией. Помимо торгово-экономического взаимодействия Турция была заинтересована в развитии энергетического сотрудничества с Россией. Именно в 90-х годах прошлого века началось обсуждение, а затем и реализация проекта газопровода «Голубой поток», который выводил российский газ в Турцию. С другой стороны, Турция стремилась ограничить влияние России в регионе, повлиять на ее возможности осуществлять торгово-экономическое взаимодействие. Так, Турция в одностороннем порядке стремилась пересмотреть Конвенцию Монтрё. Анкара пыталась, игнорируя возражения российской стороны, закрепить особый регламент судоходства через черноморские проливы. Документ был направлен на то, чтобы ввести ограничения для прохода крупнотоннажных танкеров. Этот вопрос не затрагивался Конвенцией Монтрё. Турция предлагала вводить ограничения для судов исходя из их технических параметров (класс, наличие или отсутствие двойного дна и т. д.). Турецкая сторона обосновывала свои действия необходимостью защиты экологии и возражениями против превращения проливов в нефтяную артерию.

Под давлением России турецкая сторона отказалась от политики ограничений. При этом идея снизить значение Конвенции

и получить более значимые рычаги влияния в регионе не потеряла актуальности. Анкара прорабатывала варианты строительства канала, который не подпадал бы под международное право. В итоге в 2021 году Турция приступила к строительству нового судоходного канала «Стамбул» между Мраморным и Черным морями в обход Босфора [15]. По словам турецкого Президента Р. Эрдогана, «на реализацию проекта канала понадобится порядка 15 млрд долл., и мы рассчитываем закончить строительство в течение шести лет. Насчет инвестиций у нас нет опасений» [15].

В свою очередь, российская сторона не раз обращала внимание Турции на необходимость следовать положениям Конвенции и искать решение ключевых проблем Черноморского региона исключительно причерноморским государствам. Так, руководитель российской делегации К. Ю. Гаврилов, выступая в мае 2023 года на Форуме ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности, подчеркнул, что «Российская Федерация исходит из того, что вопросы безопасности в Черноморском регионе должны решаться исключительно прибрежными государствами и при неукоснительном соблюдении Конвенции Монтрё 1936 г. Однако в последние годы отмечаем провокационные попытки включить Чёрное море в сферу дестабилизирующей деятельности внерегиональных субъектов» [4].

Наряду с планами, связанными с утверждением лидирующих позиций в регионе, Турция проводила курс на развитие торгово-экономических отношений с Россией и реализацию энергетических проектов. В частности, с Россией были реализованы проекты трубопроводов «Голубой поток» и «Турецкий поток». Данные газопроводы усилили позиции Турции в Черноморском регионе. Анкара замкнула на себе часть потока углеводородных ресурсов, идущих на мировой рынок из России.

Энергетическое сотрудничество выступает одним из ключевых направлений отношений с Россией. Несмотря на санкции, которые Запад стал вводить после февраля 2022 года, Турция продолжает энергетическое сотрудничество с Россией. В частности, Турция поддержала инициативу, которую выдвинул Президент России в октябре 2022 года. В. В. Путин предложил создать в Турции газовый хаб. Турецкая сторона поддержала данную инициативу [2]. По словам турецкого Президента, газовый хаб

планируется ввести в эксплуатацию до конца 2023 года [16]. По оценкам В. В. Путина, «газовый хаб сделал бы Турцию ключевой страной для транзита газа из России в Европу» [16].

Турция проводит прагматичную политику, которая направлена, прежде всего, на продвижение собственных интересов в Черноморском регионе. Строительство газопроводов и превращение страны в ключевого участника транспортировки углеводородных ресурсов на внешний рынок рассматривается через призму долгосрочных интересов.

Добыча углеводородных ресурсов

Турция рассчитывает не только стать транзитером российских углеводородных ресурсов и азербайджанского газа, идущего через «Южный газовый коридор», но выйти в лидеры по добыче нефти и газа в Черном море. В последнее десятилетие Анкара предпринимает для этого значительные усилия, направленные на разведку месторождений, расположенных на шельфе Черного моря, и формирование условий для их последующего освоения и экспорта на внешний рынок [22].

В течение длительного времени Турция стремилась разведать месторождения нефти и газа в Черном море. Однако основное внимание Турция уделяла разведке газовых месторождений. В августе 2020 года буровое судно «Фатих» начало работы на газовом месторождении «Сакарья». Предварительные данные показывали, что запасы составляют порядка 320 млрд м³ газа. Последующие геолого-разведочные работы привели к переоценке запасов, которые находились в турецкой части Черного моря. Первоначально речь шла «о 540 млрд м³ газа, которые были разведаны турецкой стороной. Для того чтобы добывать газ на шельфе Черного моря, турецкая сторона увеличивает количество буровых судов. Государственные усилия направлены в том числе на разработку месторождения «Зонгулдак Сакарья»», запасы которого оценивались в 400 млрд м³ газа [13]. Общие запасы были увеличены до 650 млрд м³.

Открытие месторождений со значительными запасами дало старт созданию наземной инфраструктуры. Эти работы стартовали в начале 2021 года. Одновременно продвигались работы по прокладке труб на шельфе Черного моря, от месторожде-

ния «Сакарья», расположенного в Черном море. Их протяженность составляет 170 км от месторождения. Работы проводились на глубине до 2 км [17]. В 2022 года началась прокладка труб газопровода от месторождения «Сакарья», расположенного в Черном море. Работы завершились в конце 2022 года. В целом, по оценкам Президента Турции, «запасы месторождений природного газа в турецких территориальных водах в Черном море увеличились до 710 млрд м³ и стали оцениваться в 1 трлн м³ газа» [19]. В планах Турции «вложить порядка 10 млрд долларов в разработку газовых месторождений, расположенных на шельфе Черного моря» [13].

В апреле 2023 года Президент Турции дал старт поставкам газа с месторождения «Сакарья», разведанные запасы которого стали оцениваться в 700 млрд м³. Начало поставок расценивалось турецким Президентом в качестве шага, который позволит «добиться энергетической независимости. После выхода проекта на полную мощность страна сможет покрывать до 30% потребностей в газе» [1].

На первом этапе предполагается добывать до 4 млрд м³ газа в год. «В течение 3 лет Турция планирует увеличить добычу газа до 15 млрд м³ газа в год. К 2028 году планируется выйти на уровень добычи в 22 млрд м³ газа» [1].

Турция уделяет внимание и месторождениям нефти. В частности, на юго-востоке Турции, недалеко от Ирака, обнаружены новые запасы нефти. Они могут превысить в 5 раз запасы, которые ранее были обнаружены на месторождении «Габар», «потенциал которого оценивается в 1 млрд баррелей» [3]. К концу 2023 года «общее количество морских буровых будет увеличено до 26. В этом контексте в следующем году будет проведено 14 морских буровых работ и собрано 15 900 квадратных километров трехмерных сейсмических данных в морских районах» [18].

Таким образом, политика Турции направлена на достижение энергетической безопасности и снижение зависимости от внешних поставок. Наряду с участием в разных проектах газопроводов, которые проложены по дну Черного моря, а также трубопроводов, идущих из Азербайджана, разработка собственных месторождений нефти и газа укрепит энергетическую независимость Турции.

Украинский фактор

После распада СССР Турция стала проводить активную политику в отношении Украины. Прежде всего, это касалось Крыма, где проживали крымские татары. Турция вновь обратила свое внимание на Крымский полуостров, который находился в зависимости от нее в XV—XVIII веках.

Политика Турции в отношении полуострова имела агрессивный характер. Активная поддержка части политической элиты, экономические рычаги и реализация масштабных образовательных проектов — эти и другие шаги были направлены на вовлечение Крыма в орбиту интересов Турции. Значимой была и политическая поддержка, когда представители полуострова принимались на высшем государственном уровне в Турции. При этом центральные власти Украины не препятствовали политике Турции на полуострове, рассматривая роль Анкары в качестве противовеса российскому влиянию.

В 2014 году, когда на Украине произошел государственный переворот, Турция поддержала новые украинские власти. Анкара оказывала политическую и экономическую поддержку Киеву, фактически поощряя антироссийский курс. Подобный курс Турция реализовывала на фоне тесного торгово-экономического и энергетического взаимодействия с Россией.

После начала Россией специальной военной операции, которая началась в феврале 2022 года, Турция не изменила внешнеполитический курс в отношении Украины. По-прежнему Киев получает политическую и экономическую поддержку со стороны Анкары, которая продолжает поддерживать украинское руководство. При этом Турция, постоянно заявляя о необходимости прекращения конфликта на территории Украины, в то же время однозначно поддерживала официальный Киев. В середине 2023 года такая поддержка приобрела четкую направленность. Так, в начале июля 2023 года Президент Украины В. Зеленский совершил визит в Турцию. В ходе переговоров с турецким Президентом Р. Эрдоганом обсуждались вопросы взаимодействия в сфере высоких технологий. В развитие этой темы был подписан меморандум о взаимопонимании в сфере стратегических отраслей промышленности. Речь шла «о сотрудничестве в сфере производства беспилотных летательных аппаратов и других сек-

торах промышленности» [10]. В ходе встречи турецкая сторона фактически поддержала позицию Украины, которая стремится в НАТО. Таким образом, «единственным отличием Турции в украинском конфликте от других стран НАТО является лишь участие в антироссийских экономических санкциях» [10].

Военные инициативы Турции

Наряду с экономическим сотрудничеством со странами Черноморского региона Турция выступала за создание разных механизмов военно-политического взаимодействия причерноморских стран. Вместе с Россией она рассчитывала играть ведущую роль в регионе, оказывая влияние на развитие ситуации. В 1998 году Россия и Турция выдвинули идею создания Черноморской военно-морской группы (ЧВМГ) оперативного взаимодействия «Блэксифор» (Blacksefor). «Инициатива была положительно воспринята Болгарией, Грузией, Румынией и Украиной» [8].

В итоге 10 раундов переговоров, завершившихся в декабре 2000 года, было выработано соглашение о создании группы «Блэксифор». Решение было подписано министрами внешнеполитических ведомств стран региона 2 апреля 2001 года в Стамбуле. Соглашение ратифицировано всеми шестью государствами-участниками. Таким образом, «впервые в мировой практике была создана многонациональная военно-морская группа с гибкими функциями, предназначенная для использования в чрезвычайных ситуациях на Чёрном море исключительно в мирных целях. В числе её основных задач — поисково-спасательные и гуманитарные операции, морское разминирование, экологический мониторинг, совместные учения, визиты доброй воли. “Блэксифор” может быть задействована для выполнения упомянутых задач и в рамках миротворческих операций, проводимых по мандату ООН или ОБСЕ, в случае соответствующего обращения этих организаций к черноморским государствам» [14].

В этот период наблюдалось сближение позиций России и Турции по вопросу нахождения в Черном море нерегиональных государств. «Российско-турецкое сближение в военной сфере в Черноморском регионе основывается на развивающемся сотрудничестве России с Турцией в энергетической сфере, а также

на нежелании допускать постоянное присутствие военных кораблей иностранных государств в Черном море. Это перекликается с амбициями Турции, которая намерена стать региональным лидером в Причерноморье и играть ведущую роль на Крымском полуострове» [9].

Турция, так же как и Россия, выступала против присутствия в регионе США и ЕС, хотя последние предпринимали активные усилия для расширения своего присутствия в Черноморье. Создание Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия «Блэксифор» рассматривалось, прежде всего Россией и Турцией, в качестве препятствия для расширения в Черноморском регионе западного влияния. Это касалось в частности США и в целом НАТО. При этом Украина и Румыния выступали за тесное сотрудничество с Альянсом, рассчитывая таким образом укрепить свои отношения с НАТО. Прежде всего, это касалось Киева, который предпринимал усилия, чтобы получить шансы на вступление в Североатлантический блок. «Активизация деятельности Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия “Блэксифор” не в последнюю очередь была вызвана и тем, что США и ряд их союзников по НАТО стали активно лоббировать распространение на Черное море операции «Активные усилия» (Operation Active Endeavor), осуществляемой Альянсом в Средиземноморье» [9].

Фактически «Блэксифор» действовал до начала 2014 года. После государственного переворота на Украине и вхождения Крыма в состав России совместная черноморская группа прекратила свое существование. Официальный Киев стал проводить антироссийский курс, который поддерживался Западом. Соответственно, взаимодействие по вопросам региональной безопасности в сложившихся условиях стало невозможным.

Заключение

Политику Турции в Черноморском регионе отличает прагматизм и напористость [7]. До последнего момента Анкара руководствовалась экономической целесообразностью, развивая торгово-экономическое сотрудничество с Россией. Так, в 2021 году «российско-турецкий товарооборот вырос на 57% до 33 млрд долл. по сравнению с 2020 годом» [12], а в 2022 году — уже

70 млрд долл. [11]. Стремительное развитие торгово-экономического сотрудничества двух стран развивается на фоне антироссийских санкций, направленных на ограничение взаимодействия с Россией. Несмотря на подобный рост торгово-экономического сотрудничества и поставки углеводородных ресурсов из России в Турцию, Анкара активно поддерживает Украину и ее антироссийскую политику. Более того, в 2023 году турецкая сторона всё более активно демонстрировала поддержку Украине. Подтверждением этого являются заявления об экономической поддержке Украины и о готовности оказать содействие Киеву в процессе вступления в НАТО (Киев подал заявку на вступление в НАТО в сентябре 2022 года). В частности, по итогам встречи с Президентом Украины В. Зеленским турецкий Президент заявил, что «Украина заслуживает членства в НАТО» [20].

Такая позиция Турции усиливает напряженность в Черноморском регионе, который продолжает находиться в фокусе внимания западных стран. Их попытки расширить свое присутствие в Черноморье, в том числе за счет расширения контактов с Украиной, провоцируют усиление конфликтного потенциала.

После начала специальной военной операции Запад многократно расширил военную поддержку Украины. Поставки оружия не только многократно возросли, Запад стал поставлять Киеву системы вооружений, что усиливает конфронтацию, никак не приближая урегулирование конфликта. На закрепление Украины в сфере интересов Альянса был направлен и саммит НАТО, который прошел в Вильнюсе в июле 2023 года. Подводя итоги саммита, генеральный секретарь Й. Столтенберг «отметил, что лидеры стран НАТО приняли важные решения по адаптации Североатлантического союза к будущему. Союзники согласовали самые подробные и надежные оборонные планы НАТО со времен холодной войны, повысили свои обязательства по оборонным инвестициям, договорились о сближении Украины с НАТО и углубили партнерские отношения во всем мире» [5]. На заседании Совета НАТО — Украина было заявлено о «новом многолетнем пакете помощи, призванном помочь Украине перейти от советского оборудования и стандартов к оборудованию и стандартам НАТО и обеспечить полную оперативную совместимость своих сил с НАТО» [5]. Кроме того, был отме-

нен План действий по подготовке к членству, что, как отметил Й. Столтенберг, «преобразует путь вступления Украины в НАТО из двухэтапного в одноэтапный» [5].

Турция следует в русле политики Альянса и в целом Запада. Анкара стремится лавировать, расширяя сотрудничество с Россией в сфере экономики и одновременно поддерживая Киев и его антироссийский курс. Подобная двойственность является отличительной особенностью внешней политики Турции, которая таким образом рассчитывает укрепить свои позиции в Черноморском регионе.

Литература

1. Алифирова Е. Р. Эрдоган дал старт поставкам в ГТС Турции газа с месторождения Сакарья на шельфе Черного моря. — 2023. — 21 апр. — URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/777595-r-erdogan-dal-start-postavkam-v-gts-turtsii-gaza-s-mestorozhdeniya-sakarya-na-shelfe-chernogo-morya/?ysclid=ijk8pbab3q579631059> (дата обращения: 13.06.2023).
2. Борисова О. А., Реймбаев И. И., Холов С. Х. Потенциал и риски сопряжения интересов стран Евразийского пространства с турецкими энергетическими проектами // Геоэкономика энергетики. — 2023. — № 1. — С. 93—107.
3. Выборы прошли, а месторождения в Турции продолжают находить. — 2023. — 16 июня. — URL: <https://oilcapital.ru/news/2023—06—16/vybory-proshli-a-mestorozhdeniya-v-turtsii-prodolzhayut-nahodit-2958085> (дата обращения: 23.06.2023).
4. Выступление руководителя Делегации Российской Федерации на переговорах в Вене по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями К. Ю. Гаврилова на 1043-м пленарном заседании Форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности, 3 мая 2023 года. — 2023. — 5 мая. — URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1866959/ (дата обращения: 13.06.2023).
5. Генеральный секретарь завершает историческую встречу в верхах НАТО в Вильнюсе. — 2023. — 12 июня. — URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_217102.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 13.07.2023).
6. Жильцов С. С. Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы // Проблемы постсоветского пространства. — Т. 6. — 2019. — № 2. — С. 149—164.
7. Жильцов С. С. Украина: перезагрузка. — М.: Восток—Запад, 2009. — 463 с.
8. Жильцов С. С., Зонн И. С. Черноморский регион: новые очертания. — М.: МГОУ, 2010. — 198 с.
9. Македонцев П. Закономерный финал: крах «посредничества» Турции и новая реальность для Москвы. — 2023. — 11 июля. — URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/07/11/zakonomernyy-final-krah-posrednichestva-turcii-i-novaya-realnost-dlya-moskvu> (дата обращения: 11.07.2023).
10. Оленькова А. Торговый оборот России с Турцией в 2022 году приблизился к \$70 миллиардам. — 2023. — 10 февр. — URL: <https://profile.ru/news/economy/torgovj-oborot-rossii-s-turciej-v-2022-godu-priblizilsya-k-70-milliardam-1261349/?ysclid=lk2scau3v7606408663> (дата обращения: 13.06.2023).
11. Посольство Российской Федерации в Турецкой Республике. Торгово-экономические отношения между Россией и Турцией. — URL: <https://turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/trade-economic-cooperation/> (дата обращения: 14.06.2023).
12. Почти \$10 млрд вложит Турция в добычу газа в Черном море // Сабах. — 2023. — 21 апр. — URL: <https://oilcapital.ru/news/2022—04—21/pochti-10-mlrd-vlozhit-turtsiya-v-dobychu-gaza-v-chernom-more-sabah-1042633> (дата обращения: 13.06.2023).

13. Соглашение о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия («Блэксифор»). — 2013. — 30 янв. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/bleksifor/1751734/ (дата обращения: 13.06.2023).
14. Турция приступила к реализации проекта канала «Стамбул» в обход Босфора. — 2021. — 26 июня. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/11760907?ysclid=ljyjdjqzmq220129004> (дата обращения: 13.06.2023).
15. Турция планирует ввести газовый хаб в эксплуатацию до конца 2023 года. — 2023. — 29 мая. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/05/2023/6473ea9c9a79475b23d5c3dd?ysclid=ljyeqx19ve194678698> (дата обращения: 13.06.2023).
16. Турция приступает к укладке труб для газа с «Сакарьи». — 2022. — 9 июня. — URL: <https://oilcapital.ru/news/2022-06-09/turtsiya-pristupaet-k-ukladke-trub-dlya-gaza-s-sakari-1047455> (дата обращения: 13.06.2023).
17. Турция с целью разведки нефти и газа намерена пробурить 100 скважин в 2023 году. — 2022. — 31 окт. — URL: <https://oilcapital.ru/news/2022-10-31/turtsiya-s-tselyu-razvedki-nefti-i-gaza-namerena-proburit-100-skvazhin-v-2023-godu-2412789> (дата обращения: 13.06.2023).
18. Эрдоган сообщил об обнаружении в Черном море нового месторождения газа. — 2022. — 26 дек. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/16692867?ysclid=ljyfaqpb7n929403250> (дата обращения: 13.06.2023).
19. Эрдоган заявил, что Украина заслуживает быть членом НАТО. — 2023. — 8 июля. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2023/64a895899a79476466d5ae41?ysclid=lk1azzk4cb637872720> (дата обращения: 10.07.2023).
20. *Grinevetskiy S. R., Zhiltsov S. S., Zonn I. S., Kosarev A. N., Kostyanoi A. G.* The Black Sea Encyclopedia. — Berlin: Springer, 2015. — 889 p.
21. *Zonn I. S., Zhiltsov S. S.* Oil and Gas Production in the Black Sea Shelf // The Handbook of Environmental Chemistry. — 2016. — No. 51. — P. 51—65.

Гарбузарова Елена Геннадьевна,

доктор политических наук,
Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина,
Бишкек.

Elena G. Garbuzarova,

Doctor of Political Sciences,
Kyrgyz-Russian Slavic university, Bishkek.

E-mail: play_elenag@mail.ru

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE CONTEXT OF ANTI-RUSSIAN SANCTIONS

Аннотация: в статье анализируется степень воздействия антироссийских санкций на развитие стран Центральной Азии, которые имеют тесные экономические и политические связи с Россией. Акцентируется внимание на реакции стран Центральной Азии на беспрецедентные антироссийские санкции, национальная элита которых не поддержала их и продолжила сотрудничать с Россией. Придерживаясь подобной внешнеполитической стратегии в новых геополитических условиях, страны Центральной Азии пытаются сохранить политические и экономические контакты как со странами Запада, так и с Россией. Раскрыты позитивные и негативные эффекты антироссийских санкций на страны Центральной Азии. Делается вывод о положительной динамике в сотрудничестве между Россией и странами региона в новых санкционных условиях, что доказывает стремление политических элит национальных республик вместе с Россией искать эффективные меры отражения негативного эффекта антироссийских санкций на двустороннее и многостороннее сотрудничество, а также желание расширять объемы взаимной торговли и продолжать реализацию намеченных проектов. Несмотря на все пессимистические прогнозы, Россия по-прежнему остается привлекательным рынком труда для мигрантов из стран Центральной Азии. Однако страны Запада, стратегической целью которых является выдавливание России из Центральной Азии, усиливают политическое давление на национальные элиты и вынуждают последних изменить внешнеполитические приоритеты.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, антироссийские санкции, экономическое сотрудничество, евразийская интеграция, мигранты.

Abstract: the article analyzes the degree of impact of anti-Russian sanctions on the development of Central Asian countries that have close economic and political ties with Russia. Attention is focused on the reaction of Central Asian countries to unprecedented anti-Russian sanctions whose national elite did not support them and continued to cooperate with Russia. Adhering to such a foreign policy strategy in the new geopolitical conditions, the Central Asian countries are trying to maintain political and economic contacts with both Western countries and Russia. The positive and negative effects of anti-Russian sanctions on the countries of Central Asia are revealed. The conclusion is made about the positive dynamics in cooperation between Russia and the countries of the region in the new sanctions conditions. It proves the desire of the political elites of the national republics together with Russia to seek effective measures to reflect the negative effect of anti-Russian sanctions on bilateral and multilateral cooperation as well as the desire to expand the volume of mutual trade and to continue the implementation of the planned projects. Despite all the pessimistic forecasts Russia remains an attractive labor

market for migrants from Central Asian countries. However, Western countries, whose strategic goal is to squeeze Russia out of Central Asia, are increasing political pressure on national elites and forcing the latter to change their foreign policy priorities.

Key words: Central Asia, Russia, anti-Russian sanctions, economic cooperation, Eurasian integration, migrants.

Введение

Со времени распада СССР отношения между Россией и странами Центральной Азии эволюционировали до партнерского и союзнического уровня, несмотря на все сложности и периоды недопонимания. Даже в момент отчуждения, который наметился в отношениях между Россией и новыми независимыми государствами в 1990-е годы, такие объективные факторы, как географическая близость и общее историко-культурное наследие, диктовали необходимость искать пути сближения и развивать сотрудничество в двустороннем и многостороннем форматах. Принимая во внимание эффективность того народнохозяйственного механизма, который был создан в советское время и разрушен после дезинтеграции СССР, некоторые политические лидеры стран Центральной Азии, руководствуясь прагматическими соображениями, выражали заинтересованность в его воссоздании¹. Постепенная реставрация единого экономического пространства между Россией и странами региона справедливо рассматривалась как средство решения внутренних экономических и социальных проблем. Однако нередко прагматические интересы уступали политической боязни за национальный суверенитет, что тормозило межгосударственную интеграцию.

На современном этапе Россия развивает интенсивное и взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами региона в политике, экономике, безопасности, гуманитарной сфере, а с отдельными республиками — Казахстаном и Кыргызстаном — укрепляет взаимодействие в рамках созданного единого евразийского общего рынка. Военная помощь Казахстану во время беспорядков в январе 2022 года продемонстрировала незаменимую стабилизирующую роль России в регионе. В условиях антироссийских санкций, ужесточившихся после начала специальной военной операции (СВО), отношения между Россией и странами Цен-

¹ Необходимость экономической интеграции России и стран постсоветского пространства подчёркивал первый президент Казахстана Н. Назарбаев.

тральной Азии проходят испытание на прочность, при этом демонстрируя стойкость и особый характер.

Реакция стран Центральной Азии на санкции в отношении России

После начала СВО 24 февраля 2022 года на Россию были наложены беспрецедентные санкции со стороны стран Запада, ограничивающие ее возможности в разных секторах экономики. В мировой истории со времен введения политики санкций (впервые санкции были применены демократическими Афинами в Древней Греции в отношении других греческих полисов) не было примеров, демонстрирующих столь радикальные ограничительные меры против крупной мировой державы [21]. Было понятно, что санкции используются странами Запада как инструмент воздействия на Россию с целью принудить ее отказаться от защиты своих национальных интересов на Украине. Однако фактически можно выделить экономические и политические цели введенных странами Запада санкций в отношении России. Во-первых, стремление разрушить ее экономику и вызвать внутренний социальный кризис, за которым последует смена неудобного странам Запада политического режима в России. Во-вторых, желание показать превосходство либеральной демократии и в то же время несостоятельность авторитарных режимов и якобы неспособность последних справиться с социально-экономическими потрясениями, вызванными санкциями.

Страны Центральной Азии, которые опираются на принципы многовекторности в реализации своей внешней политики, оказались в очень трудном положении. Несмотря на то что Россия является одним из ключевых торгово-экономических партнеров стран региона, политические элиты национальных республик придают существенное значение сотрудничеству со странами Запада. В таких условиях, когда нависла угроза вторичных санкций над странами региона в случае несоблюдения антироссийских санкций, руководство стран Центральной Азии пытается сохранить хорошие отношения как с Россией, так и со странами Запада. Именно это стало одной из причин приверженности стран Центральной Азии принципу нейтралитета после начала СВО.

Из всех стран Центральной Азии Казахстан наиболее четко выразил свою позицию в отношении антироссийских санкций. Так, в июне 2022 года Президент Казахстана К.-Ж. Токаев подчеркнул, что Республика будет соблюдать антироссийские санкции, но при этом следовать своим обязательствам в отношении с Россией [23]. Для Казахстана сотрудничество как со странами Запада, импортирующими казахские углеводороды и предоставляющими значительные инвестиции, так и с Россией, являющейся стратегическим партнером и союзником Республики, имеет большое значение. Все остальные республики открыто не заявляли о своей позиции, однако курс на развитие и укрепление дальнейшего сотрудничества с Россией можно было проследить на основе следующих событий. После начала СВО, пребывая в поисках эффективных мер отражения негативного эффекта антироссийских санкций на экономику страны, руководство Узбекистана одновременно демонстрировало позитивный настрой на сохранение устойчивых торгово-экономических отношений с Россией. В марте 2022 года в рамках заседания Российско-Узбекского делового совета Россия и Узбекистан договорились минимизировать негативный эффект западных санкций на двустороннее сотрудничество [25]. Как справедливо заметил главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН Н. Зиядуллаев, «Узбекистан вынужден действовать с оглядкой на Запад, но воздерживаться от расширения сотрудничества с Россией не будет» [16]. Руководство Таджикистана уклоняется от публичных оценок СВО и избегает официальных разговоров на эту тему. Душанбе дорожит особым характером отношений с Россией и настроен на их дальнейшее динамичное развитие. Так, в сентябре 2022 года по случаю 30-летия установления дипломатических отношений между двумя странами министр иностранных дел Таджикистана Сироджиддин Мухриддин отметил, что в условиях антироссийских санкций обе страны продолжают совершенствовать практику увеличения объёмом двусторонней торговли и расширять номенклатуру товаров [18]. Кроме того, в новых геополитических условиях Россия и Таджикистан активно обсуждают вопрос о переходе на национальные валюты во взаимных расчетах. Кыргызстан также старается избегать официальных дискуссий на тему СВО и антироссийских санкций, но при

этом политические элиты Республики считают, что общие меры, направленные на смягчение санкционных последствий следует разработать в рамках многосторонних форматов сотрудничества с участием России [3]. В условиях санкций руководство Республики беспокоят вопросы продовольственной и энергетической безопасности, в обеспечении которых большая роль принадлежит России. Более 30 % внешнеторгового оборота Кыргызстана приходится именно на Россию. Республика импортирует из России широкую номенклатуру товаров: продукты питания, углеводороды, фармацевтическую продукцию. Статус Туркмении как нейтрального государства отражается на ее позиции в отношении СВО и антироссийских санкций. Интересен тот факт, что еще в марте 2021 года Туркменистан, являющийся ассоциированным членом СНГ, присоединился к заявлению стран — участниц организации, в котором отмечалось, что участники Содружества выражают «серьезную озабоченность учащающимися случаями введения не основанных на международном праве односторонних мер принуждения, включая экономические меры, против других государств» [20].

В последнее время визиты американских и европейских чиновников в страны Центральной Азии заметно участились. В рамках этих визитов оказывается колоссальное давление на политическую элиту национальных государств с целью изменить их внешнеполитические приоритеты. Используя финансовые и информационные ресурсы влияния, страны Запада пытаются склонить национальные элиты к поддержке антироссийских санкций и, таким образом, внести разлад в отношения России и стран Центральной Азии. Это доказывает сложность возникшей ситуации в регионе, которая несет в себе риск накопления деструктивных тенденций.

В целом страны Центральной Азии дорожат особыми отношениями с Россией и стараются придерживаться нейтральной позиции в таких вопросах, как СВО [24] и антироссийские санкции. Однако страны Запада не оставляют попыток повлиять на внешнеполитическое поведение стран региона, параллельно усиливая поддержку той части национальной элиты, которая демонстрирует антироссийскую направленность. Главной стратегической целью Вашингтона в регионе является изолирование

национальных государств от России, превращение их, как Украины, в своих вассалов [7, с. 66] и ослабление российских геополитических позиций.

Негативные эффекты для стран Центральной Азии от антироссийских санкций

Сразу после начала СВО политологи, эксперты, аналитики, как на Западе, так и на пространстве СНГ, прогнозировали ухудшение социально-экономической ситуации в странах Центральной Азии. Так, эксперты международного рейтингового агентства «Moody's» в своем докладе отмечали, что антироссийские санкции вызовут рост безработицы и снизят объемы денежных переводов мигрантов из России в страны региона [13]. В «Washington post» указывались практически те же проблемы, за которыми могут последовать социальные недовольства [26]. В первые месяцы после начала СВО страны Центральной Азии действительно столкнулись с витком финансово-экономических проблем, однако в дальнейшем ситуацию удалось взять под контроль, и постепенно национальная элита начала приспосабливаться к новым условиям.

В условиях антироссийских санкций факторами, негативно отразившимися на развитии стран Центральной Азии, стали волатильность курса рубля и нестабильность на финансовых национальных рынках. Например, девальвация курса российского рубля спровоцировала падение национальных валют [12]. Однако уже через несколько месяцев курс рубля удалось стабилизировать и тем самым остановить развитие кризисных явлений в национальных экономиках стран региона.

Существовала вероятность, что резко сократится объем денежных переводов мигрантов из стран региона, работающих в России, за которым последует их отток на родину. При таком раскладе политические элиты республик региона могли столкнуться с подъемом социального недовольства внутри своих стран. ВВП большинства стран региона формируется за счет денежных переводов мигрантов, выехавших на заработки в Россию. По разным оценкам, по численности мигрантов из стран Центральной Азии в России на 1-е место вышел Узбекистан (1,8 млн чел.), за ним в следующем порядке следуют Таджикистан (около

1 млн чел.) и Кыргызстан (600 тыс. чел.)¹. Денежные транзакции мигрантов, работающих в России, вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие национальных республик. Так, доля ВВП Узбекистана формируется на 12% за счет переводов трудовых мигрантов из России, Кыргызстана — на 28%, Таджикистана — на 30%. Объем денежных поступлений от узбекских мигрантов, работающих в России в 2022 году, составил 16,9 млрд долл. [19]. Это значительно превышает показатель 2021 года, когда объем денежных переводов составлял 8,1 млрд долл. В Кыргызстане более 97% всех денежных переводов приходится на Россию. Согласно статистическим данным Национального банка Кыргызской Республики, за 2022 год мигранты из Кыргызстана, находящиеся на заработках в России, перевели на родину 2,6 млрд долл. [8]. Сразу после начала СВО ввиду колебаний курсов на рынке валют денежные переводы мигрантов на родину резко сократились, однако впоследствии ввиду стабилизации курса рубля они вновь выросли. При этом опасения относительно снижения количества мигрантов, работающих в России, и вероятности их резкого оттока на родину не оправдались. Как показывают цифры за 2022 год, даже несмотря на санкции, российский трудовой рынок по-прежнему остается привлекательным для мигрантов из Центральной Азии.

Антироссийские санкции приостановили функционирование транспортно-логистических маршрутов, связывающих Россию с Европой. В связи с этим страны Центральной Азии ищут возможности присоединиться к альтернативным транспортно-коммуникационным коридорам, которые позволят им в обход России выйти на рынки Европы. Так, Узбекистан ищет возможность выйти к южным морским портам и активно развивает транспортно-коммуникационное взаимодействие с Афганистаном и Пакистаном. В мае 2023 года в Ташкенте прошла церемония открытия Проектного офиса по координации строительства железной дороги Узбекистан — Афганистан — Пакистан, протяженность которой составит около 600 км. Общая стоимость железной дороги, строительство которой планируется завершить через пять лет, составляет около 4,8 млрд долл. Данный проект хорошо вписывается в геополитические планы стран Запада, которые

¹ Данные приводятся за 2022 г.

прилагают значительные усилия по переориентации стран Центральной Азии с евразийского на южное направление. Это, вероятно, обусловит широкую финансово-экономическую поддержку данному проекту с их стороны.

Из-за антироссийских санкций Казахстан начал прорабатывать альтернативные транспортно-коммуникационные и трубопроводные маршруты. В связи с этим интерес казахстанской элиты возрос к Транскаспийскому международному транспортному маршруту (ТМТМ), который соединяет Азию с Европой через Каспийское и Черное моря, минуя территорию России. На уровне политических деклараций подчёркивается необходимость укрепления сотрудничества между странами, расположенными на этом маршруте. В марте 2022 года Казахстан вместе с Азербайджаном, Грузией и Турцией подписали четырехстороннюю декларацию, в которой отмечается важность укрепления транзитного потенциала государств — участников Транскаспийского коммуникационного коридора [6]. Казахстан планирует увеличить свою роль в ТМТМ [4, с. 64]. Для реализации этой задачи в фазе активного обсуждения на правительственном уровне находятся вопросы модернизации соответствующей инфраструктуры.

Около 80 % нефти Казахстана экспортируется в Европу через Каспийский трубопроводный консорциум (КТК), и именно поэтому власти Республики планируют снизить транзитную зависимость от России. В июле 2022 года Президент Казахстана К.-Ж. Токаев поставил перед правительством задачу диверсифицировать поставки нефти на внешний рынок. Такое решение было принято после того, как работа КТК была приостановлена на месяц после обнаружения экологических нарушений в документах. При этом вряд ли альтернативные трубопроводные маршруты будут столь выгодными для Казахстана, учитывая сложности их реализации и высокую стоимость поставок [5].

Угроза вторичных санкций нависла над странами Центральной Азии после того, как США включили страны региона в список государств, из которых продукция, находящаяся под санкциями, может попадать в Россию. В апреле 2023 года под вторичные санкции попал узбекский цементный завод «Ахангаранцемент», налоговые поступления от которого существенно пополняли бюджет Республики [17]. Завод принадлежит холдингу А. Усма-

нова, который входит в санкционный список стран Запада. При этом власти Узбекистана неоднократно обращались к европейским чиновникам с просьбой отменить персональные санкции в отношении не только А. Усманова, но и его сестры Г. Исмаиловой, которым принадлежат крупные предприятия в Узбекистане. Между тем совместно с США Европейский союз создает механизм, позволяющий вводить санкции в отношении тех стран, которые нарушают антироссийские санкции. Такое политическое давление со стороны стран коллективного Запада ставит страны Центральной Азии в довольно сложное положение.

Позитивные эффекты для стран Центральной Азии от антироссийских санкций

В условиях антироссийских санкций перед Россией и странами Центральной Азии открывается возможность нарастить торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество между собой и в рамках евразийской интеграции, что позволит снизить внешнеэкономическую зависимость от Китая, который является главным экспортером своих товаров на рынки стран Центральной Азии и России. В этом направлении уже наметились положительные тенденции. Так, по итогам 2022 года товарооборот России с Казахстаном вырос на 2 млрд долл. и в итоге составил 26,1 млрд долл. Товарооборот России с Кыргызстаном достиг 3,4 млрд долл., тогда как по итогам 2021 года этот показатель составлял 2,5 млрд долл. Та же положительная динамика наметилась в торгово-экономическом сотрудничестве России с Узбекистаном и Таджикистаном. По итогам 2022 года Россия вышла на 1-е место во внешнеторговом обороте Узбекистана. Товарооборот между странами составил более 9 млрд долл. [15]. В 2022 году товарооборот между Россией и Таджикистаном увеличился до 1,4 млрд долл., что на 18% превысило показатель 2021 года и стало рекордом за последние 20 лет [22]. Активизировалось экономическое и политическое сотрудничество между Туркменией и Россией. Растут объемы двусторонней торговли и железнодорожных грузовых перевозок. В начале 2023 года стороны подписали 50 соглашений на сумму 150 млрд руб.

Определенных успехов России, Казахстану и Кыргызстану, а также другим государствам-участникам удалось добиться

в рамках многостороннего формата сотрудничества. В 2021—2022 годах в ЕАЭС было реализовано 25 проектов в автопроме, станкостроении, электротехнике и других отраслях [2]. Перспективы дальнейшей успешной реализации двусторонних и многосторонних проектов будут во многом зависеть от гибкой, последовательной и взвешенной политики стран Центральной Азии.

В условиях антироссийских санкций высока вероятность ускорения процесса отказа стран региона от использования доллара во взаимных расчетах. Это станет одним из факторов успешной реализации совместных экономических проектов. Так, после введения антироссийских санкций, еще в 2014 году, банки России стали активнее открывать корреспондентские счета в национальных валютах в банках Казахстана и Кыргызстана [10, с. 95]. В апреле 2019 года был дан старт проекту межсистемной интеграции национальных платежных систем Кыргызстана («Элкарт») и России («Мир») [9]. О дальнейшей работе в этом направлении договорились страны Центральной Азии (Казахстан и Кыргызстан) и Россия в рамках евразийского формата сотрудничества. Соответствующее распоряжение было подписано 26 августа 2022 года на встрече Евразийского межправительственного совета [14].

Антироссийские санкции обусловили приток человеческого капитала из России в страны Центральной Азии. Представители таких профессий, как программисты, экономисты, консультанты и т.д., вносят свою лепту в решение кадровых проблем в странах региона. Например, за несколько месяцев после начала СВО около 6000 российских и белорусских специалистов в сфере IT-индустрии прибыли в Узбекистан [11]. В Кыргызстане было зафиксировано 50 компаний и индивидуальных предпринимателей из России, Белоруссии и других стран СНГ [1]. Такой приток IT-специалистов открывает широкие возможности перед странами региона и придает импульс развитию цифровой экономики.

Страны Центральной Азии получили возможность заработать на реэкспорте в Россию следующих товаров: компьютеры, бытовая техника и электроника, автозапчасти, электрические и электронные компоненты. По оценкам Евразийского банка реконструкции и развития (ЕБРР), Кыргызстан, уже имеющий опыт «челночной торговли», наиболее активен в этом виде деятельности. Так, в докладе ЕБРР отмечается, что реэкспорт китайских то-

варов в Россию стал основной сферой деятельности некрупных кыргызских компаний и физических лиц [27].

Заключение

Введенные странами Запада в отношении России радикальные экономические ограничения оказали как негативное, так и позитивное влияние на развитие стран Центральной Азии, которые тесно связаны с Россией в рамках как двустороннего, так и многостороннего форматов сотрудничества. На фоне враждебного характера отношений, сопровождающегося снижением коммуникации между Европой и Россией, стремление стран региона к поиску альтернативных транспортно-логистических и трубопроводных маршрутов значительно усилилось. При этом наметилась динамика в сотрудничестве между Россией и странами региона. Это подтверждают растущие объемы торговли между странами и не снижающиеся, а, наоборот, увеличивающиеся миграционные потоки. Даже в таких сложных условиях, национальные элиты полагались на Россию в поисках эффективных подходов смягчения антисанкционных последствий на экономику своих государств. Это доказывает, что в условиях глобальной геополитической напряженности Россия продолжает играть особую роль в развитии стран Центральной Азии. Этот особый характер отношений строится не столько на общих историко-культурных ценностях (со сменой поколений в странах постсоветского пространства эти ценности постепенно девальвируются), сколько на жизненной необходимости сотрудничества ради перспективного будущего. Однако, несмотря на дружественный и взаимовыгодный характер отношений с Россией, страны региона будут стремиться избегать конфликта со странами Запада и пытаться сохранить с американским и европейским истеблишментом политический диалог и торгово-экономические контакты. Для стран Центральной Азии Россия является главным торгово-экономическим партнером и представляет собой привлекательный трудовой рынок, в то время как страны Запада рассматриваются как источник инвестиций и технологий. При этом политической элите стран региона будет всё сложнее маневрировать между странами Запада и Россией, особенно на фоне колоссального политического и экономического давления.

Литература

1. В Кыргызстан с марта переехали более 50 IT-компаний из России, Беларуси и стран СНГ. — URL: <https://economist.kg/novosti/2022/10/03/v-kyrgyzstan-s-marta-relocirovalis-bolee-50-it-kompanij-iz-rossii-belarusi-i-stran-sng/> (дата обращения: 05.01.2023).
2. В 2021—2022 годах в ЕАЭС реализовано 25 проектов в автопроме, станкостроении, электротехнике и ряде других отраслей. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-2021-2022-godakh-v-eaes-realizovano-25-proektov-v-avtoprome-stankostroenii-elektrotehnike-i-ryade/>(дата обращения: 08.02.2023).
3. *Жапаров С.* Нашу большую тревогу вызывает война санкций. Нужен общий подход. — URL: https://kaktus.media/doc/459975_sadyr_japarov_nashy_bolshyu_trevogy_vyuzvaet_voyna_sankciy_nyjen_obshiy_podhod_video.html (дата обращения: 13.01.2023).
4. *Жильцов С.* Каспийский регион: новые процессы // Россия и новые государства Евразии. — 2023. — № 1. — С. 57—67.
5. *Жильцов С. С.* Казахстан ищет новые маршруты экспорта нефти. — URL: https://www.ng.ru/energy/2023-03-13/15_8678_kazakhstan.html (дата обращения: 05.05.2023).
6. Казахстан подписал четырехстороннюю декларацию о Транскаспийском коридоре. — URL: <https://www.nur.kz/politics/universe/1963042-kazahstan-podpisal-chetyrehstoronnyuyu-deklaratsiyu-o-transkaspiskom-koridore/> (дата обращения: 13.03.2023).
7. *Карлович О., Кондаков С.* Центральная Азия: регион геополитической конкуренции или партнерства? // Обозреватель. — 2021. — № 5. — С. 59—71.
8. *Крек Н.* Новый рекорд: в 2022 году из России в Киргизию переведено более 2,6 млрд долларов. — URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news-2023-01-30-novyy-rekord-v-2022-godu-iz-rossii-v-kirgiziju-perevedeno-bolee-2-6-mlrd-dollarov-64390> (дата обращения: 05.03.2023).
9. Кыргызстан и Россия интегрировали национальные платежные системы. — URL: <https://eurasia.expert/kyrgyzstan-i-rossiya-integririvali-natsionalnye-platezhnye-sistemy/>(дата обращения: 05.01.2023).
10. *Мишина В. Ю., Хомякова Л. И.* Приоритеты интеграции финансовых рынков и долларизации на евразийском пространстве в свете концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2020. — № 18. — С. 93—107.
11. «Мы не боимся рисков»: как Узбекистан планирует стать глобальным IT-хабом. — URL: <https://www.nur.kz/politics/universe/1963042-kazahstan-podpisal-chetyrehstoronnyuyu-deklaratsiyu-o-transkaspiskom-koridore/>(дата обращения: 10.02.2023).
12. Национальные валюты стран Центральной Азии лихорадит вслед за рублем. — URL: <https://tj.sputniknews.ru/20220314/cis-valuta-rubl-padenie-somoni-tajikistan-1046781478.html> (дата обращения: 05.01.2023).
13. Партнерский рикошет. — URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/03/24/62385ac29a794759afb00c3> (дата обращения: 05.01.2023).
14. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 26 августа 2022 г. № 20 «О дальнейшей работе по расширению использования национальных валют государств — членов Евразийского экономического союза при осуществлении расчетов в рамках взаимной торговли». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405113097/> (дата обращения: 23.03.2023).
15. Россия стала основным торговым партнером Узбекистана. — URL: <https://rus.ozodlik.org/a/32238930.html> (дата обращения: 05.05.2023).
16. США напомнили Узбекистану о вторичных санкциях. — URL: https://www.ng.ru/cis/2022-09-05/5_8531_sanctions.html (дата обращения: 05.05.2023).
17. США ввели санкции против «Ахангаранцемент» и его акционера. — URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/04/12/sanctions/>(дата обращения: 05.05.2023).
18. Сироджиддин Мухриддин: Душанбе обсуждает с РФ перевод расчетов в нацвалюты. — URL: <https://ria.ru/20220914/mukhriddin-1816655429.html> (дата обращения: 12.04.2023).
19. С начала года узбекистанцы получили денежные переводы на миллиарды долларов. — URL: <https://nova24.uz/money/s-nachala-goda-uzbekistancy-poluchili-denezhnyye-perevody-na-milliardy-dollarov/> (дата обращения: 05.05.2023).

20. Совместное заявление министров иностранных дел государств — участников Содружества Независимых Государств об укреплении роли международного права от 22 марта 2021 г. — URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4647538 (дата обращения: 10.04.2023).
21. Тимофеев И. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/somnitelnaya-effektivnost-sanktsii-protiv-rossii-do-i-posle-fevralya/> (дата обращения: 05.01.2023).
22. Товарооборот между Таджикистаном и Россией увеличился в 2022 году до \$1,4 млрд. — URL: <https://avesta.tj/2023/05/19/tovarooborot-mezhdu-tadzhikistanom-i-rossiej-uvlechilsya-v-2022-godu-do-1-4-mlrd/> (дата обращения: 19.05.2023).
23. Токаев пообещал следовать санкциям Запада против России. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/06/2022/62a9badd9a79473847ccadb6> (дата обращения: 05.01.2023).
24. Томберг И. Р. Политико-дипломатическая позиция стран Центральной Азии в отношении Специальной военной операции России на Украине // Проблемы постсоветского пространства. — Т. 9. — 2022. — № 4. — С. 437—446.
25. Узбекистан и Россия договорились минимизировать последствия западных санкций. — URL: <https://upl.uz/economy/23625-news.html> (дата обращения: 05.01.2023).
26. Central Asian countries now have two big worries about Russia. — URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/03/02/central-asian-countries-now-have-two-big-worries-about-russia/> (accessed: 05.05.2023).
27. Regional Economic Prospects in the EBRD Regions. A cold winter ahead? Confronting the energy crunch. — September 2022. — URL: <https://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/rep.html> (accessed: 05.05.2023).

Саттарова Мехрангез Самаджановна,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Mekhrangez S. Sattarova,

PhD student (Political Science),

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: mekhrangez.sattarova@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» США В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

FEATURES OF THE “SOFT POWER” POLICY OF THE UNITED STATES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Аннотация: в статье проанализировано американское присутствие в Казахстане. США проводят свою политику «мягкой силы» в Казахстане в рамках культурно-образовательных проектов, основываясь на распространении либеральных ценностей, продвижении английского языка, торгово-экономического сотрудничества, сферы здравоохранения. В настоящее время проекты Государственного департамента в Казахстане по линии неправительственных организаций подтверждают активизацию США в Республике, а Президент К.-Ж. Токаев заинтересован во всестороннем сотрудничестве с американской стороной. Но вместе с тем место американской «мягкой силы» в Казахстане остается неоднозначным, что обусловлено сменой интересов США в регионе и существованием других крупных игроков — России и Китая, — оказывающих непосредственное влияние на центральноазиатскую республику.

Ключевые слова: политика «мягкой силы», США, Казахстан, демократия, американские ценности, образование, культура, медицина.

Abstract: the article analyzes the American presence in Kazakhstan. The United States is pursuing its “soft power” policy in Kazakhstan within the framework of cultural and educational projects, based on the promotion of the English language, the spread of liberal values, trade and economic cooperation, and the healthcare sector. At present, the projects of the State Department in Kazakhstan through non-governmental organizations confirm the activation of the United States in the republic, and President K.-Zh. Tokayev is interested in comprehensive cooperation with the American side. But at the same time, the place of the American “soft power” in Kazakhstan remains ambiguous, which is due to the change of US interests in the region and the existence of other major players — Russia and China, — which directly influence the Central Asian republic.

Key words: the policy of “soft power”, USA, Kazakhstan, democracy, American values, education, culture, medicine.

Введение

Соединенные Штаты были первым государством, признавшим независимый Казахстан в декабре 1991 года и открывшим там посольство в январе 1992 года. С тех пор между двумя странами установились обширные двусторонние отношения. Однако эти от-

ношения имеют ограничения, которые также не следует упускать из виду. Казахстан считает Вашингтон одним из своих важнейших партнеров наряду с Европейским союзом, Китаем и Россией. Его столица Астана пытается поддерживать баланс между ними в рамках своей так называемой многовекторной внешней политики, но в приоритете, однако, остаются два могущественных соседа — Россия и Китай. Вашингтон интересовался Казахстаном как государством Центральной Азии с начала 1990-х годов. Соединенные Штаты и Казахстан постепенно выстраивали прочное и стабильное партнерство, основанное на широкомасштабном сотрудничестве без серьезных разногласий. Благодаря своим экономическим успехам Соединенные Штаты часто называют эту страну потенциальным «маяком» для развития всей Центральной Азии. Регулярные визиты американских официальных лиц в Казахстан поддерживали их статус первых иностранных инвесторов в стране [17, с. 14]. С середины 2005 года Вашингтон отдает приоритет отношениям с Казахстаном, считающимся стабильным союзником в Центральной Азии. Эта тенденция упрочилась с 2006 года и продолжает нарастать по настоящее время [15].

Таким образом, США проводят свою разностороннюю политику «мягкой силы» в Казахстане в рамках культурно-образовательных проектов, основываясь на распространении либеральных ценностей, продвижении английского языка, торгово-экономического сотрудничества, сферы здравоохранения.

Демократия, ценности

Агентство США по международному развитию (USAID) оказывает помощь Казахстану в разных областях. Так, с 1993 года USAID осуществляет программы поддержки для улучшения управления страной и содействия созданию гражданского общества. Соединенные Штаты оказали помощь в обучении специалистов и организации местных правозащитных НПО и зарегистрированных политических партий. Однако сотрудничество в этой области было приостановлено после волны «цветных революций» на постсоветском пространстве и возобновлено в 2008 году [15].

В 2020—2021 годах Вашингтон выделил не менее 9,14 млн долл. на разные некоммерческие проекты в Казахстане. Их финансирование осуществлялось по линии USAID [6].

В целях переплетения американских интересов — демократии, безопасности и экономического развития — USAID прикладывает усилия в Казахстане, которые сосредоточены на обучении вооруженных сил, борьбе с торговлей людьми и радикализацией, в частности посредством укрепления границы. Например, на 2017 финансовый год Республике было выделено 1669 тыс. долл. США на программы по нераспространению оружия массового уничтожения, борьбе с терроризмом, разминированию (*The Nonproliferation, Anti-terrorism, Demining, and Related Programs — NADR*) и связанные с ними проекты, а также на международное военное образование и обучение (*International Military Education and training — IMET*) соответственно. Последнее, по данным USAID, предназначено для ознакомления представителей казахстанской обороны с американской военной подготовкой и доктриной, а также для продвижения демократических ценностей и установления прочных отношений между военачальниками страны и их американскими коллегами [23].

В случае с экологическими НПО в Казахстане средства USAID выделялись, прежде всего, зарождающимся организациям и тем, которые идеально вписывались в систему, продвигаемую данной организацией (рыночная экономика и политическая свобода) [11].

Вашингтон также финансово поддержал деятельность НПО, работающих в секторе независимых СМИ, реформы правовой системы, прав женщин, гражданского образования, законодательного надзора. В 2009 году Корпус мира США насчитывал около 140 добровольцев в Казахстане из 7876 добровольцев, действующих в настоящее время в 76 странах мира. Но в 2011 году гуманитарная организация прекратила свою деятельность в Казахстане. За 18 лет работы Корпуса мира почти 1120 американцев оказывали помощь местному населению в рамках проектов в области образования, социальной сферы, экономического развития, защиты окружающей среды и здравоохранения (борьба со СПИДом) [4].

Реформы, проводимые Казахстаном, вряд ли являются ответом на усилия США — они кажутся более подходящими для улучшения его имиджа на международном уровне. Председательство этой страны в ОБСЕ в 2010 году, например, было весьма спорно,

против чего выступили США. Вопреки обещаниям реформ и регистрации Бюро по демократическим институтам и правам человека они в итоге поддержали эту кандидатуру, которую «The Economist» охарактеризовал как «фундаментальный вопрос о готовности Европы променять демократию на безопасность», демонстрируя «важность национальных, субгосударственных и негосударственных субъектов в принятии решений в регионе, а также пределы возможностей Америки по эффективному продвижению демократии в Центральной Азии» [16, с. 168].

Несмотря на то что Казахстан остается близким к Москве, многовекторная политика страны делает его верным партнером США. Так, во время визита Н. Назарбаева в Белый дом в 2018 году Д. Трамп поздравил его с прогрессом в экономике [17, с. 14].

Кроме того, если вступление Д. Трампа на пост президента вызвало опасения глобального отступления изоляционистов в сочетании с плохим имиджем, дискредитирующим «мягкую силу» США [18], то его стратегия в Центральной Азии сохранила преемственность американской политике в отношении данного региона. В феврале 2020 года М. Помпео посетил Казахстан и Узбекистан; эти визиты должны были ознаменовать новую эру двусторонних отношений.

В начале 2023 года прошло ежегодное заседание Диалога высокого уровня по правам человека и демократическим реформам между Казахстаном и США, на котором стороны договорились о реализации программы Президента Казахстана «по дальнейшей демократизации политической системы и укреплению конституционных гарантий прав человека и гражданина». США подтвердили, что окажут всестороннюю поддержку реализации масштабных реформ [3]. На 2019—2025 годы была принята новая Стратегия США в Центральной Азии, усиливающая присутствие Соединенных Штатов в регионе [23]. Немаловажную роль в этом отношении оказала также Стратегия регионального сотрудничества развития (СРСР) — Центральная Азия, принятая на 2020—2025 годы, которая определяет перспективы взаимодействия США с пятью независимыми республиками [20].

Следует подчеркнуть, что зависимость как от западных моделей, так и от западного финансирования осуждается местными активистами. Например, в 2003 году директор Конфедерации

НПО Казахстана заявил, что, если уйдут международные доноры, останется только 10 % сектора НПО [13]. Интересно отметить тот факт, что Казахстан имеет собственные средства для финансирования НПО, которые можно рассматривать как средство мобилизации граждан в рамках более контролируемых государством организациях, чем, если бы они организовывались за счет иностранных вложений, образуя часть транснациональных сетей, которые по определению не подконтрольны государству.

Таким образом, проекты Государственного департамента в Казахстане по линии неправительственных организаций подтверждают активизацию США в регионе, а Президент К.-Ж. Токаев заинтересован во всестороннем сотрудничестве с американской стороной [5]. Но точные суммы, которые США вкладывали в некоммерческий сектор, вычислить не представляется возможным, поскольку финансирование идет из разных источников [1, с. 67].

Культура, образование

Проанализируем, как американская культура распространяется в Казахстане. Посредством обмена информацией, а также в рамках поддержки местного наследия Соединенные Штаты разворачивают стратегию публичной дипломатии в стране, направленную на охват широкой аудитории. Происходит популяризация американских ценностей в молодежной среде. На государственном уровне эту акцию реализует Бюро Государственного департамента США по вопросам образования и культуры, которое разработало несколько проектов, в частности Community Solutions Program (CSP) и FLEX «Будущие лидеры обмена». CSP предоставляет лидерам сообществ со всего мира интенсивную программу обмена профессиональным развитием в Соединенных Штатах. Стипендиаты CSP сотрудничают с некоммерческими организациями и государственными учреждениями по всей территории Америки, где они работают с коллегами из США над инициативами в одной из таких областей, как экологические проблемы, толерантность и разрешение конфликтов, права женщин и др. [7]. Другой образовательной программой в Казахстане является инициатива FLEX «Будущие лидеры обмена». Стипендии предлагаются старшеклассникам на год обучения и проживания

в американской принимающей семье, при этом конкурс очень высок [17, с. 18—19].

Программы, развернутые США в регионе, направлены на установление связей между творческими сообществами, артистами и предварительно отобранными молодыми людьми посредством семинаров, а не больших концертов [21].

В Казахстане «American Film Showcase» транслирует документальные фильмы американских режиссеров. Международная писательская программа пригласила казахстанских и узбекских авторов на специализированный семинар, посвященный Шелковому пути. Несколько инициатив были созданы специально для региона, например киногонка «48 часов Центральной Азии», ежегодное соревнование команд кинематографистов из Центральной Азии, которая с 2014 года поддерживает деятельность местных авторов [17, с. 23]. Поэтому усилия США в основном сосредоточены на поощрении художественного творчества граждан, вписанного в международное измерение. В 2020 году в Казахстане должен был состояться передвижной концерт «Youth Excellence on stage», подготовленный организацией «American Voices», но он был отложен из-за пандемии COVID-19 [19]. Программа «Youth Excellence on Stage» (YES) служит флагманской культурной программой American Voices как средство повышения доступности и понимания американского исполнительского искусства и культуры.

Наконец, если одним из первых образов, который приходит на ум при мысли об американской «мягкой силе», является распространение голливудских фильмов, то трудно переоценить его значение. Платформа Netflix доступна в Казахстане. Американская музыка не менее популярна в стране. Это, возможно, говорит о ее престиже, который проявляется во вдохновении у современных авторов, например в рэпе. Более того, концерты американских исполнителей, выступавших перед лидерами, обозначенные в отчетах США как авторитарные, подчеркивают определенное разделение между культурой и политикой, что позволяет увидеть пределы культурной «мягкой силы» [17, с. 24].

Одним из признаков американского влияния на медийный ландшафт Центральной Азии была радиостанция «Азаттык», финансируемая Конгрессом США. Это одна из пяти организаций

Агентства США по глобальным СМИ. «Азаттык» является среднеазиатским отделением «Радио Свободная Европа/Радио Свобода», РСЕ/РС, и ведет вещание в 21 стране на 28 языках. В Казахстане разрешены только веб-сайт и социальные сети этой радиостанции [17, с. 25], поскольку контроль над традиционными СМИ всё более подталкивает американцев переносить свои проекты в Интернет [1, с. 72].

Вашингтон использует «мягкую силу» для увеличения своего влияния в Казахстане, в частности путем привлечения на обучение элит. В центральноазиатской республике существует очень высокий спрос на образование за границей как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры. С момента обретения страной независимости в 1991 году граждане всё больше пользуются преимуществами такого обучения. Так, в 2020—2021 годах 1830 казахских студентов обучались в США. В отличие от остальной части Центральной Азии ВВП на душу населения в Казахстане значительно увеличился, что привело к росту числа молодых людей из среднего и высшего классов, стремящихся путешествовать и учиться за границей. Государственная политика поощряет это и за последнее десятилетие также резко расширила англоязычное образование по всей стране. Качество учащихся улучшается, и с внедрением новых реформ и качественных школьных технологий успеваемость учащихся с 2010 года повысилась на 15—20 % [10].

Кроме того, распространение американских ценностей сопровождается поддержкой изучения английского языка и информации о стране. Это делается, в частности, с помощью создания образовательных пространств — американских уголков: управляемые посольствами, они предназначены для поддержания связей между Соединенными Штатами и зарубежной аудиторией «в целях пропаганды американской внешней политики в доступной, гостеприимной среде с передовыми технологиями» [26, с. 9—13]. Американские уголки были созданы в городах Усть-Каменогорск, Караганда, Шымкент, Уральск, Атырау, Петропавловск, Актобе и Алматы. В 2008 году в Алматы был открыт Американский культурный центр, а в Астане — Центр информационных ресурсов [15]. Это одно из проявлений цифровой дипломатии.

Такие достижения, безусловно, важны, но с точки зрения «мягкой силы» Москва обладает более позитивным имиджем в стране. Использование русского языка остается более распространенным среди населения по сравнению с английским [12]. У российских СМИ более широкий охват вещания в Казахстане. Они являются важным источником информации для казахстанского населения, что также придает им большое доверие, что не всегда положительно для Вашингтона [14, с. 39—40].

Вместе с тем следует отметить, что демонстрацию американской «мягкой силы» в Казахстане часто путают с продвижением английской и американской культур. Хотя эта политика поддерживается некоторыми казахстанскими институтами, она не всегда соответствует ожиданиям и потребностям населения. Казахи гордятся своей культурой, историей и языком и часто неохотно принимают чужую культуру.

Таким образом, США осуществляют политику «мягкой силы» в Казахстане через совместные образовательные проекты, программы обмена, изучение английского языка, культурные программы. Но Америка не всегда учитывает особенности Республики и ее народа.

Экономика, инвестиции

Америка является одним из ключевых инвестиционных партнеров Республики Казахстан. По данным Министерства торговли США, двусторонняя торговля между США и Казахстаном в 2021 году составила 2,5 млрд долл. Экспорт США в Казахстан составил 807 млн долл., а экспорт Казахстана в США — 1,7 млрд долл. Общий объем прямых инвестиций США в Казахстан составляет более 39 млрд долл. Из них 38 млрд долл. приходятся на нефтегазовый сектор. Офис Зарубежной коммерческой службы, (FCS, подразделение Министерства торговли США), расположенный в консульстве США в Алматы, также способствует инвестициям и деловым отношениям между американскими и казахстанскими компаниями [2].

США хотели бы превратить государства Центральной Азии в новые стартапы, полагая, что технологии и глобализация меняют мышление молодого поколения стран [8]. Многие американские программы направлены на развитие и поощрение потенци-

альных предпринимателей: «Startup Weekend» калифорнийской организации «Techstars», «Central Asian Startup Show» в Казахстане для награждения лучших проектов. Существует мнение, что глобализация, развитие американских компаний и разработка программ, направленных на мобилизацию молодежи, будут способствовать изменениям в экономической и предпринимательской практике в центральноазиатских странах.

Кроме того, американские организации работают над улучшением климата для поддержки инвестиционных проектов. В частности, это — роль Американских торговых палат, которые объединяют американские и местные компании для «развития экономической деятельности, свободного развития компаний и их эффективной инфраструктуры, а также для установления прочных коммерческих связей между деловыми кругами». Они объединяют 220 членов в Казахстане. В Соединенных Штатах Казахстанско-американский альянс продвигает торгово-экономические отношения США.

Таким образом, «мягкая сила» США в Казахстане направлена на развитие экономических отношений между странами, поддержку инвестиционных проектов и продвижение стартапов. Однако деятельность США в Республике создает некоторую социальную напряженность и усиливает экономическое неравенство. Соединенные Штаты часто обвиняют в поддержке такой политики в ущерб населению.

Здравоохранение

Одним из направлений проведения политики «мягкой силы» США в Казахстане является здравоохранение, где Америка проявляет наибольшую активность. Так, Вашингтон с момента обретения независимости Астаны вкладывал средства в сектор здравоохранения (борьба с ВИЧ, туберкулезом, малярией и непосредственно создание самой системы здравоохранения) и защиты окружающей среды [15]. Работая с государственным и частным секторами, USAID организует профилактические программы, участвует в закупке оборудования или производстве лекарств в Казахстане и Узбекистане. В настоящее время проект USAID по ликвидации туберкулеза в Центральной Азии осуществляется с 2019 по 2024 год на общую сумму 31 млн долл. США [25].

Как отмечает Л. Атлани-Дуолт, глобальное здравоохранение стало одной из ключевых областей международной помощи. Поскольку болезни выходят далеко за пределы национальных границ, а методы и лекарства распространяются по всему миру через транснациональные сети, здоровье находится в центре деятельности разных международных организаций и крупных держав. В 1997 году в отчете Института медицины теоретизировались «жизненно важные интересы Соединенных Штатов в глобальном здравоохранении». Впоследствии США включили это измерение в свою внешнюю политику [9, с. 7]. В 2019 году они передали ВОЗ более 400 млн долл., что сделало страну крупнейшим донором.

Затем помощь Соединенных Штатов Казахстану в борьбе с COVID-19 была предоставлена через USAID. В 2021 году Агентство по международному развитию выделило Республике 2,4 млн долл. на эти цели. Эта помощь будет способствовать в Казахстане принятию основанных на фактических данных решений о передаче вакцины, повышении ее готовности, укреплении лабораторных систем для проведения секвенирования генов COVID-19 [22].

Таким образом, Соединенные Штаты внесли значительный вклад в развитие медицины в Казахстане в области борьбы с ВИЧ, туберкулезом, малярией и COVID-19, а также оказали помощь в создании системы здравоохранения.

Заключение

Таким образом, очевидно, что Соединенные Штаты используют свою «мягкую силу» в Казахстане, прежде всего, для укрепления отношений в сфере культуры и образования, поддержки экономического сотрудничества и медицины.

Однако политика американской «мягкой силы» в Казахстане сталкивается также с неудачами. Во-первых, Соединенные Штаты часто рассматриваются как регуляторы мирового порядка, навязывающие другим свою экономическую и политическую модели. В Казахстане этот образ осложняется опасениями иностранного господства и утраты культурной идентичности. Во-вторых, демонстрацию американской «мягкой силы» в Казахстане часто путают с продвижением английской и американской

культур. Следует подчеркнуть, что такая политика поддерживается некоторыми казахстанскими институтами, но она не всегда соответствует ожиданиям и потребностям населения. Несмотря на это, Соединенные Штаты продолжают оставаться важным игроком во внешней политике Казахстана.

Литература

1. Александров Д., Ипполитов И., Попов Д. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Казахстан // Россия и мусульманский мир. — 2014. — № 2 (260).
2. Как развивается экономическое сотрудничество Казахстана и США // KazInform.ru. — 14.03.2022. — URL: https://www.inform.kz/ru/kak-razvivaetsya-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-kazahstana-i-ssha_a3911001.
3. Казахстан при поддержке США демократизирует политическую систему страны // Царьград. Казахстан. — 25.01.2023. — URL: https://kz.tsargrad.tv/news/kazahstan-pri-podderzhke-ssha-demokratiziruet-politicheskuyu-sistemu-strany_711323.
4. Корпус мира в Казахстане // Дипломатическая миссия Соединенных Штатов Америки. — URL: https://webarchive.library.unt.edu/web/20130213213924/http://russian.kazakhstan.usembassy.gov/peace_corps.html.
5. Николаев В. США наращивает экспансию в Казахстане // Информационное агентство «Анна-news.info». — 21.03.2022. — URL: <https://anna-news.info/ssha-narashhivaet-ekspansiyu-v-kazahstane/>.
6. Один из каналов американского финансирования: USAID за два года потратило более \$9 млн на «мягкую силу» в Казахстан // Kazakhstan today. — 20.01.2022. — URL: https://www.kt.kz/rus/analytics/odin_iz_kanalov_amerikanskogo_finansirovaniya_usaid_zh_1377928028.html.
7. Сайт посольства и консульства США в Казахстане. — URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/community-solutions-program-ru/>.
8. Aliyev I. It's time for Tajikistan to Become a Startup Nation // The Diplomat. — 27.11.2019. — URL: <https://thediplomat.com/2019/11/its-time-for-tajikistan-to-become-a-startup-nation/>.
9. Atlani-Duault L. et Vidal L. Le Moment de la santé globale: formes, figures et agendas d'un miroir de l'aide internationale // Revue Tiers Monde. — 2013. — Nr. 215.
10. Buxton C. The struggle for Civil society in Central Asia: Crisis and Transformation. — 2011.
11. Education Services and Technologies // Kazakhstan — Country Commercial Guide. — 25.03.2022. — URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/kazakhstan-education-services-and-technologies>.
12. Gradirovski S., Esipova N. Russia's Language Could Be Ticket in for Migrants // Gallup News. — 28.11.2008. — URL: <https://news.gallup.com/poll/112270/Russias-Language-Could-Ticket-Migrants.aspx>.
13. INTRAC, Growing Civil Society in Central Asia, INTRAC's First Central Asia Regional Conference, Almaty, 13–14 June 2002. — URL: <https://www.intrac.org/wpcms/wp-content/uploads/2018/11/OPS39final.pdf>.
14. Kazakhstan National Public Opinion Survey, IRI, Baltic Surveys // The Gallup Organization. — August 2008. — P. 39–40.
15. Kellner T. Géopolitique de l'Asie centrale Etats-Unis et Kazakhstan: un partenariat enraciné // La revue géopolitique. — 14 février, 2010. — URL: file:///C:/Users/1/Downloads/article_569.pdf.
16. Levine I. US Policies in Central Asia: Democracy, Energy and the War on Terror. — 2016.
17. «Le soft power» des États-Unis en Asie centrale // IFEAC, Working paper. — 2020. — No. 31.
18. McClory J. «SoftPower» 30—AGlobalRankingofSoftPower2019, Portland/USC Center on Public Diplomacy. — URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019—1.pdf>.

19. ONG en contrat avec le State department. — URL: <https://www.americanartsfestival.org/yes-kazakhstan-2020.html>.
20. Regional Development Cooperation Strategy (RDCS) — Central Asia, 2020—2025. — URL: <https://www.usaid.gov/central-asia-regional/rdcs>.
21. *Salois K.* Connection and Complicity in the Global South: Hip Hop Musicians and US Cultural Diplomacy // *Journal of Popular Music Studies*. — 2015. — No. 27 (4).
22. United States Announces Additional \$2.4 Million to Support COVID-19 Assistance in Kazakhstan // US. Embassy & Consulate in Kazakhstan. — 18.10.2021. — URL: <https://kz.usembassy.gov/united-states-announces-additional-2-4-million-to-support-covid-19-assistance-in-kazakhstan>.
23. United States Strategy for Central Asia 2019—2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). — February 5, 2020. — URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/>.
24. USAID, Congressional Budget Justification — Foreign Operations. — Appendix 2, 2017.
25. USAID, Tuberculosis — Fact Sheet, Central Asia Regional. — 18 March, 2020. — URL: <https://www.usaid.gov/central-asia-regional/fact-sheets/tuberculosis>.
26. *Weakley S.* American Spaces: Projecting soft power in difficult places // *State Magazine*. — February 2018. — P. 9—13.

Романов Роман Романович,

аспирант,

Российский государственный гуманитарный университет, Москва.

Roman R. Romanov,

PhD student,

Russian State University for the Humanities, Moscow.

E-mail: roman-romanov-1998@list.ru

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ИЗРАИЛЕ ПРИ БИНЬЯМИНЕ НЕТАНЬЯХУ

ISRAEL FOREIGN POLICY DECISION-MAKING PROCESS UNDER BENJAMIN NETANYAHU

Аннотация: в течение нескольких лет после возврата государственности управление израильской внешней политикой имело твердый централизованный характер. Кризисные ситуации, в основном военные конфликты, были главным триггером изменений системы принятия решений. Одним из изменений было увеличение количества участников как за счет расширения полномочий отдельных ведомств, так и в результате привлечения негосударственных акторов: исследовательских институтов, экспертно-аналитических центров.

Реформы реализовывались постепенно в результате военно-политических кризисов. Так, в течение нескольких лет после Войны Судного дня правительство выработало систему взаимодействия с экспертно-аналитическим сообществом. После Второй Ливанской войны была создана правовая база для деятельности Совета по национальной безопасности (СНБ, создан в 1999 г.), что оптимизировало сотрудничество между ведомствами, участвующими в координации внешней политики.

Инициатором наиболее важного витка реформ внешнеполитического механизма был Биньямин Нетаньяху. Он максимально расширил полномочия премьер-министра в процессе принятия решений, минимизировав роль МИД и военной элиты.

В статье анализируется исторический контекст в период трансформаций системы принятия внешнеполитических решений, а также рассматриваются перспективы ее развития при Биньямине Нетаньяху. Методологическую основу исследования составил институциональный подход.

Ключевые слова: институциональный подход, правительство Нетаньяху, внешняя политика Израиля, процесс принятия решений, фабрики мысли, Израильские аналитические центры, Ближний Восток.

Abstract: for years after gaining independence Israeli government had prioritized military component of foreign policy thus ignoring alternative approaches to solving national security challenges. Data deficit was one of the main issues: absence of a “market of opinions”, think tanks and institutions which could provide consultations for a governing elite.

Reforms were implemented gradually, following several crises. Thus, in a couple of years after Yom Kippur war, the government established a cooperation system with expert community. After the second war in Lebanon the government worked out legal capacity for National Security Council (NSC; established in 1999) optimizing cooperation between agencies responsible for foreign policy.

Benjamin Netanyahu initiated the most significant wave of reforms of foreign-policy decision-making process. He maximized prime-minister's powers within field of foreign policy and minimized roles of Ministry of foreign affairs and military command.

The article studies historic context during changes within Israeli foreign policy decision-making mechanism and prospects of its further development under Benjamin Netanyahu. Institutional approach is the main method utilized in the research.

Key words: institutional approach, Netanyahu's government, Israeli foreign policy, decision-making process, think tanks, Israeli analytical centers, Middle East.

Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, Израиль остается одним из наиболее развитых (и с экономической, и с военной точки зрения) стран на Ближнем Востоке. Внешнеполитическая стратегия государства влияет не только на продвижение его глобальных интересов, но и в целом на региональную систему безопасности.

Во-вторых, эффективность израильской дипломатии в последние несколько лет, особенно в отношении членов Лиги арабских государств, была, в частности, результатом изменений, привнесенных в систему принятия решений Биньямином Нетаньяху. Большинство из них не обладало институционально-правовой базой, которая гарантировала бы их долгосрочность.

В-третьих, в ноябре 2022 года партия Нетаньяху выиграла парламентские выборы. Анализ его стиля принятия решений позволит более обоснованно изучать перспективы развития внешней политики Израиля в ближайшие несколько лет (при условии сохранения коалиционного правительства).

Цель работы: отследить влияние премьерства Биньямина Нетаньяху — в 1996—1999 и 2009—2021 годах — на процесс принятия внешнеполитических решений.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: составить общую характеристику механизма формирования внешней политики государства, выявить основных участников системы принятия решений, а также изучить структурные изменения, инициированные Биньямином Нетаньяху в годы пребывания у власти.

Во время исследования были задействованы следующие методы: *многофакторный анализ* позволил изучить историю развития процесса принятия внешнеполитических решений

в Израиле в ретроспективе; *институциональный подход* дал возможность проанализировать особенности системы выработки международной стратегии Тель-Авива с 1996 по 1999 год и с 2009 по 2021 год.

Общий обзор механизма принятия внешнеполитических решений в Израиле

В большинстве стран мира выработка внешней политики осуществляется в рамках существующего законодательства. Конституция Израиля (не принятая официально) состоит из основных законов и находится в состоянии постоянного дополнения [13, р. 142]. Согласно существующему своду законов президент выполняет исключительно представительскую функцию. Исполнительную власть возглавляет премьер-министр. Он занимает центральную роль в формулировании внешней политики; функции наблюдателя и возможного арбитра официально делегированы Кнессету (законодательная власть).

На протяжении многих лет реализация внешней политики Израиля испытывала ряд системных и административных проблем. Первая проблема состоит в том, что пропорциональная избирательная система с очень низким проходным барьером минимизировала шансы одной партии даже на обычное большинство. С 1946 года правительства формировались исключительно путем создания коалиций. Это гарантировало генерацию внутренней системы сдержек и противовесов и плюрализма мнений. Однако идеологическая поляризация внутри объединений часто не позволяла сосредоточиться на преодолении проблем, больше времени уходило на их интерпретацию и заигрывание с электоратом [11, р. 639—640]. Например, в 1977 году «Ликуд» выиграла выборы: в тот период в Израиле нарастала популярность правых религиозных движений, премьер-министр Менахем Бегин (лидер «Ликуд» в 1973—1983 гг.) обладал незначительным большинством и нуждался в союзнике. МАФДАЛ (национально-религиозная партия) согласилась вступить в коалицию в качестве партнера, но благодаря поддержке со стороны правых групп в Кнессете получила возможность манипулировать партией большинства. Так, в 1979 году МАФДАЛ пригрозила выйти из блока, если в переговорах об автономии Палестинской ад-

министрации не будет использована ее стратегия. После этого было принято решение назначить одного из членов этой партии главным переговорщиком [17, р. 506].

Вторая проблема заключается в отсутствии реального контроля со стороны законодательной власти. Согласно Основному закону Кнессет имеет право запрашивать информацию о деятельности членов правительства и проводить расследования. Во внешнеполитической сфере эти привилегии ограничивались двумя факторами: отсутствие доступа к секретной информации и нехватка экспертно-аналитического обеспечения в парламенте. Первый объясняется неразвитостью бюрократического аппарата. Комитет по международным делам и обороне был единственным профильным ведомством, отвечавшим за деятельностью правительства во внешней политике. В 1970-е годы функционирование аппарата осуществлялось лишь одним сотрудником, а члены Комитета больше занимались внутрипарламентскими вопросами. Вторая причина заключалась в отсутствии пула квалифицированных экспертов, способных создать систему доктринального обеспечения Кнессета. Основным источником информации для профильного комитета было правительство, которое могло предоставить данные соответственно своим условиям [6, р. 273]. Кроме того, если премьер-министр был способен максимизировать поддержку большинства (своя партия + союзники по коалиции), то роль законодательной власти как наблюдателя и одного из арбитров могла быть нейтрализована [11, р. 640—641].

Третья проблема — кадровая — была актуальна для большинства ведомств. Так, Министерство иностранных дел долгое время не функционировало как основной институт реализации внешней политики. При большом количестве сотрудников ощущалась нехватка квалифицированного персонала, так как первые волны набора проходили в период формирования нового государства и необходимости учредить институты власти в краткие сроки. Например, в 1975 году в штате было только два работника со знанием китайского языка, при этом ни один из них не числился в Департаменте по изучению Азии [6, р. 271]. Из-за низкого уровня подготовки сотрудников и общих организационных ошибок руководящий состав ведомства не мог поручить

им некоторые задания, например составление отчетов или экспертных мнений. Не была налажена система создания проектов и вариантов внешнеполитической стратегии [6, р. 270]. В первые три десятилетия существования современного Израиля только Армия обороны Израиля обладала автономной структурой сбора и обработки информации. Конечно, большая часть исследований посвящалась военной тематике и разведке, а не общей формулировке внешней политики [6, р. 273—274].

Четвертая проблема связана с длительным игнорированием экспертно-аналитического сообщества (*think tanks*), своеобразного рынка мнений, который мог минимизировать риски, сопряженные с низкокачественной аналитикой в госструктурах. Исключения составляли Министерство сельского хозяйства и Министерство обороны. Идеологическая поляризация отражалась не только внутри политической системы, но и на взаимодействии представителей власти с университетами. Чиновники не доверяли представителям академии, что помешало созданию израильского аналога системы «вращающихся дверей» на начальном этапе существования Еврейского государства: переход экспертов в правительство и наоборот был очень редким явлением. Аналитические центры, в современном понимании, также долгое время не были встроены в систему принятия решений. Согласно исследованию Л. Браунстайна, в 1970-е годы больше 50% опрошенных представителей политической элиты были уверены в том, что ученые не понимают, как можно реализовать и применить академические знания на практике [6, р. 275—278]. В своей работе Л. Браунстайн утверждает, что одной из основных причин было нежелание представителей власти полагаться на среднее и долгосрочное планирование в условиях постоянной угрозы военного конфликта [6]. Сформировалось иное понимание того, как должен работать процесс принятия решений — по принципу *ad hoc*, позволяющему решать проблемы по мере их возникновения [6, р. 267].

Таким образом, роль главного дипломата может ассоциироваться с премьер-министром. Он отвечает за назначение всех министров, включая силовиков. Кнессет в большинстве случаев не может ограничить его деятельность, так как премьер — за исключением некоторых прецедентов — лидер самой многочис-

ленной партии в парламенте. Военные ведомства, несмотря на прямое подчинение министру обороны и главнокомандующему, официально тоже подотчетны правительству. Вопросы национальной безопасности слишком обширны и не подпадают под ответственность конкретного министерства, что увеличивает роль главы правительства [12, р. 44]. Тем не менее премьер более уязвим в рамках администрации, так как его полномочия официально не имеют главенствующего характера — статус минимально отличается от профильных министров [27, р. 156—157].

Ситуация усложняется постоянной необходимостью советоваться с союзниками по коалиции. Кроме того, нет закона, предусматривающего количество членов правительства. В некоторых случаях оно могло превышать число министерств, например в результате назначения министров «без портфеля», основной задачей которых была балансировка сил внутри коалиций. Так, в 1949 году в правительстве было 14 министров, в 1969 году [27, р. 157] — 28, в 2021 году — 27, максимум — 36 министров — в 2020 году. Многое зависит от характера и влияния премьера, его способности формировать повестку [11, р. 640—641]. Авторитетный политик, контролирующий свою партию, а также пользующийся поддержкой электората, может купировать влияние партнеров по блоку [12, р. 3].

Первый этап обновления механизма — взаимодействие чиновников с экспертами, учреждение внутриведомственных исследовательских структур — был в 1970-е годы. Последствия Войны Судного дня (1973 г.) выявили недостатки централизованной системы выработки внешней политики. Так, в 1975 году в рамках Министерства иностранных дел был организован Центр информационного анализа, который наряду с Министерством обороны консультировал правительство. Сотрудники Тель-Авивского университета, Еврейского университета в Иерусалиме и Центра М. Даяна приглашались в качестве советников и участвовали в написании аналитических записок [6, р. 271—272].

Кроме того, в тот же период появляются новые израильские фабрики мысли. В 1978 году при поддержке со стороны Тель-Авивского университета был учрежден Центр стратегических исследований (сейчас — Институт исследований по национальной безопасности/The Institute for National Security Studies). Первым

директором организации был бывший глава военной разведки Аарон Ярив. Были также основаны Ближневосточный центр исследований, Восточноевропейский центр. Трансформация процесса принятия внешнеполитических решений шла медленно, так как не все государственные институты были готовы к вовлечению новых акторов.

Имперское премьерство

Влияние Биньямина Нетаньяху на этот процесс обусловлено его стремлением расширить полномочия премьер-министра. Он хотел организовать систему, подобную президентским республикам. Как было указано выше, внутриблоковые противоречия и отсутствие регламентированных полномочий премьера значительно ограничивали возможность централизации власти в руках главы правительства. Поэтому новый лидер решил усилить свои позиции за счет создания разветвленного бюрократического аппарата, который должен был координировать работу ключевых внешнеполитических ведомств [29, р. 22]. Одним из нововведений было учреждение Совета по национальной безопасности (СНБ). До этого председатели правительства консультировались Бюро премьер-министра, эксперты Армии обороны Израиля, а также представители разведки [12, р. 22]. В основные задачи СНБ входило и осуществление надзора за деятельностью основных участников процесса принятия решений [29, р. 333].

Создание совета предлагалось многими предшественникам Нетаньяху, но ни один из них не решался на противостояние с политическим истеблишментом, представители которого предпочитали формировать стратегию в рамках отдельных малочисленных групп. Против идеи выступали представители разведки и Армии обороны Израиля, так как именно эти ведомства отвечали за доктринальное обеспечение внешней политики страны на протяжении десятилетий [23, р. 798—800]. Тем не менее, несмотря на несколько отказов, СНБ был учрежден в конце первого правительства Нетаньяху (1996—1999 гг.). Орган действует в соответствии с указаниями премьер-министра, обеспечивает последнего необходимой информацией ежедневно и имеет прямой доступ к главе правительства.

Полномасштабной реформы системы тогда произвести не удалось, премьер не мог сконцентрироваться на структурных вопросах, так как одновременно боролся с партнерами по коалиции и внутрипартийной оппозицией [25, р. 141—160]. Старая партийная элита не поддерживала его выдвижения на должность лидера «Ликуда» [33, р. 923—924]. Кроме того, он попытался отстранить военных от процесса принятия решений, так как сомневался в их верности. Например, Нетаньяху принял решение допустить израильских туристов в Силоамский тоннель под Старым городом (одна из спорных территорий в арабо-израильском конфликте) без консультаций с такими представителями генералитета, как генерал-лейтенант Амнон Липкин-Шахак и адмирал Аялон Ами. Особенность отношения Нетаньяху к генералитету состояла в том, что он рассматривал их в идеологическом контексте, условно разделяя их на «левых» и «правых», что также не способствовало развитию сотрудничества между некоторыми военными и главой правительства [26, р. 269]. В целом идеологическая поляризация была одним из основных инструментов влияния Нетаньяху, например в 1999 году он заявил: «Левые забыли, что такое быть евреем» [32, р. 80]. Роль МИД также ограничилась: премьер проводил переговоры с некоторыми странами региона через свой аппарат, без соответствующих консультаций с внешнеполитическим ведомством [23, р. 313—317].

К 2009 году, когда Нетаньяху во второй раз стал премьер-министром, роль СНБ была уже более инструментальной. Вторая Ливанская война в 2006 году стала причиной второй волны реформирования процесса принятия решений. В результате работы Комиссии Винограда — Комиссия по расследованию Второй Ливанской войны [10, р. 52] — было решено выработать правовую базу деятельности СНБ; в 2008 году был принят соответствующий закон. Согласно документу Совет получил необходимые полномочия для структурирования системы взаимодействия с профильными ведомствами и доктринального обеспечения главы правительства и его команды [12, р. 237]. Примером изменений является регистрация ряда протоколов ежегодных заседаний и встреч Комиссии по обороне. Подготовка конференций, определение тематики, количество и личности участников — всё это определялось составом СНБ [12, р. 238].

Несмотря на значительные изменения, орган не смог централизовать процесс принятия решений. Основной причиной оставался коалиционный характер правительства, члены которого пытались предотвратить доминирование со стороны Нетаньяху. В рамках октета — неформальный совет, состоящий из восьми основных министров — обсуждались вопросы геополитической стратегии Тель-Авива. В 2015 году в связи с развитием иранской ядерной программы премьер-министр планировал нанести авиаудары по ядерным объектам Исламской Республики Иран, но не смог заручиться поддержкой членов октета. Глава правительства был уверен, что дипломатический подход здесь бесполезен и что только реальная военная угроза может вынудить Тегеран отказаться от планов по разработке ядерного оружия [30, р. 31]. В марте того же года Нетаньяху выступил с речью в Конгрессе США и раскритиковал Президента Обаму за поддержку СВПД (иранской ядерной сделки). Премьер-министр спровоцировал кризис двусторонних отношений, что негативно воспринималось израильской военной элитой [7, р. 379—381]. Ему удалось также мобилизовать ряд групп интересов внутри США, которые поддержали его позицию [34, р. 296]. Стоит уточнить, что у Нетаньяху отношения с демократическими администрациями всегда были хуже, чем с республиканцами [9, р. 269]. В мае Нетаньяху выиграл выборы и упрочил свои позиции в Кнессете, он объявил о создании совместного правительства и ввел в состав октета Шауля Мофаза (партия «Кадима»). Однако последний не поддержал премьера, коалиция была распущена [29, р. 417].

После досрочных выборов 2015 года Нетаньяху максимизировал свои официальные полномочия, возглавив несколько ведомств: МИД, Департамент регионального сотрудничества, а также Министерство здравоохранения и связи. Удержание этих позиций позволяло ему более оперативно принимать решения во внешнеполитической деятельности. Во время переговоров вместо кадровых дипломатов он часто использовал своих ближайших соратников. Здесь немаловажную роль играет стиль работы Нетаньяху, который ценил лояльность выше профессиональных качеств [29, р. 297, 448—449].

На протяжении нескольких лет он поэтапно уменьшал бюджет МИД, что не позволяло ведомству функционировать в пол-

ной мере. Вследствие этого всё больше полномочий в ведении дипломатического процесса сосредоточивалось в руках премьер-министра. Так, в июне 2019 года было объявлено о налаживании диалога с Оманом, однако представители внешнеполитического ведомства утверждали, что они не участвуют в переговорном процессе. Некоторые послы (представитель Израиля в США, например) докладывали информацию напрямую главе правительства, минуя Министерство. Из-за недостаточного финансирования пришлось закрыть несколько посольств и приостановить гуманитарные проекты, проводимые Израилем. Премьер-министр спровоцировал частичную депрофессионализацию внешнеполитического ведомства; многие сотрудники увольнялись в знак протеста. Кроме того, уменьшение роли МИД происходило за счет преобразования Министерства стратегии и информации, в задачу которого входила работа с международными организациями по преодолению антиизраильских бойкотов по всему миру [15, р. 6—7]. В этом и заключалось одно из основных изменений, инициированных Нетаньяху, — он отказался от роли МИД как посредника между внешним миром и администрацией премьер-министра. Необходимо также обратить внимание на то, что недоверие Нетаньяху к внешнеполитическому ведомству имеет и личный характер. Например, в 1982 году он был назначен заместителем посла Израиля в США. Однако к тому моменту кадровые структуры МИД выступали против найма непрофессиональных дипломатов на высокие должности [29, р. 179].

На втором этапе Нетаньяху попытался ограничить роль военных в руководстве международной политикой. Представители силовых структур, прежде всего Армия обороны Израиля, с момента основания современного государства в 1948 году оставались ключевыми участниками системы принятия внешнеполитических решений. Конфронтация между силовиками и Нетаньяху началась еще в 1996 году (первое правительство). Основной причиной конфликта было фундаментальное расхождение в понимании безопасности государства. Премьер-министру было удобнее выстраивать государственную политику, прежде всего, исходя из вопросов внешней безопасности [21, р. 476]. Долгое время ему удавалось сохранять статус «защитника» государства [28,

р. 60]. Нетаньяху был уверен, что основной опорой безопасности государства должны быть вооруженные силы, в то время как представители военного истеблишмента настаивали на необходимости диверсификации инструментария внешней политики за счет более искусной дипломатии и налаживания конструктивного диалога с соседями.

Кроме того, выборы 1996 года состоялись в новом формате: параллельно с партиями граждане отдельно голосовали за кандидатов в премьер-министры. Так, правый блок набрал меньше голосов, чем лейбористы. Однако Нетаньяху на 1% опередил своего противника Шимона Переса и занял пост премьер-министра [18, р. 15]. Дебаты по поводу «целостности» электорального процесса также способствовали конфликту нового главы правительства с военными. Даже после поражения в 1999 году, Нетаньяху продолжил лоббировать одобрение закона, ограничивающего возможности бывших военных баллотироваться на какой-либо государственный пост в течение трех лет после их отставки. Из 17 высокопоставленных военнослужащих, которые в 2015 году работали с премьер-министром, 13 выступили против его стратегии максимального давления.

В 2009 году Нетаньяху снова выиграл выборы и встал во главе одного из самых правых блоков за всю историю современного Израиля [41, р. 116]. Он назначил министром обороны Авиغدора Либермана, который не имел опыта работы в военной сфере, а также придерживался взглядов, не совпадающих с убеждениями большинства силовиков. Например, он поддерживал идею нанесения ударов по Ирану в 2009—2012 годах и призывал не ограничивать возможности военнослужащих использовать все доступные методы достижения цели. Это способствовало популяризации праворадикальных воззрений не только в обществе, но и внутри Армии обороны Израиля. Это один из примеров того, как Нетаньяху создавал свою команду: личные взаимоотношения и верность имели большее значение, чем актуальный опыт. Еще до создания партии «Наш дом Израиль» Либерман был главой администрации Нетаньяху [22, р. 209]. Однако в 2018 году разногласия с премьером вынудили Либермана уйти в отставку, после чего Нетаньяху возглавил военное ведомство. Таким образом, он напрямую контролировал два наиболее значимых прави-

тельствственных ведомства: Министерство иностранных дел и Министерство обороны.

В этот период положение Израиля на международной арене значительно изменилось. Премьер-министр добился своей основной цели: США вышли из ядерной сделки с Ираном и авторизовали экономические санкции [4, р. 397]. На этом фоне произошло сближение Тель-Авива с арабскими странами, несмотря на признание Иерусалима столицей Израиля и рост числа еврейских поселений (+13% с 2017 г.). Соглашения Авраама, подписанные в августе 2020 года, стали условным символом дипломатического успеха Нетаньяху как делателя внешней политики. Однако еще в 2019 году ему пришлось распределить портфели министров обороны и иностранных дел. Это было связано с начавшимся расследованием, фигурантом которого стал премьер-министр. В период с февраля 2019 (предъявление обвинений со стороны генерального прокурора) до мая 2021 года (Президент Р. Ривлин наделил Яира Лапид мандатом на формирование правительства) Нетаньяху пытался сохранить свой пост, было проведено четыре избирательных кампании, «Ликуд» смог набрать большинство голосов в каждой, но он не сумел сформировать коалицию.

Новое правительство во главе с Нафтали Беннетом и министром иностранных дел Яиром Лапидом отменило ряд решений их предшественника. В силу особенностей коалиционного договора первый не обладал тем же уровнем полномочий, что и Нетаньяху. Стоит уточнить, что внешнеполитические воззрения Беннета практически идентичны взглядам Нетаньяху. Оба политика имеют длинную историю взаимодействия: Беннет работал главой аппарата Нетаньяху и участвовал в выстраивании современной повестки партии «Ликуд» [31, р. 360]. Яир Лапид, имевший поддержку второй по численности партии в Кнессете, оказывал значительное влияние на администрацию премьер-министра. Благодаря этому он восстановил влияние Министерства иностранных дел на формирование внешней политики Израиля. Так, он объявил, что ведомство будет координировать все внешние связи государства, а также инициировал слияние Министерства стратегии и информации с МИД.

После победы на парламентских выборах в ноябре 2022 года Нетаньяху сразу стал планировать свертывание нововведений

своих преемников. Так, например, МИД как ведомство, отвечающее за координацию внешней политики, снова может лишиться автономии, полученной в период администрации Беннета–Лапида. Нетаньяху утвердил ротацию министров иностранных дел. С конца декабря 2022 года этот пост занимал близкий союзник премьера Эли Коэн, однако позже его место занял нынешний министр энергетики (также соратник Нетаньяху) Исраэль Кац. Однако часть израильских СМИ и некоторые эксперты уверены в том, что де-факто функции министра главного дипломата будет осуществлять министр по стратегическим вопросам, многолетний союзник Нетаньяху, бывший посол Израиля в США, Рон Дермер. Изначально глава правительства планировал назначить его главой дипведомства, но партийный истеблишмент выступил против этого.

Ротационная модель позволила Нетаньяху «обезвредить» однопартийцев. Он сделал фигуру Дермера привлекательной (с точки зрения ведения переговоров) для международных партнеров, так как последний кажется гораздо более стабильным партнером, чем чиновники, ожидающие ротации.

Заключение

На основании всего перечисленного, можно сделать два вывода.

Во-первых, основным драйвером изменений в процессе принятия внешнеполитических решений в Израиле является не целенаправленный законотворческий процесс, а кризисные явления. Так, до Войны Судного дня 1973 года отсутствовала упорядоченная структура сотрудничества официальных властей и экспертно-аналитического сообщества, что сокращало возможности Тель-Авива диверсифицировать доктринальное обеспечение внешней политики. Крайним примером реструктуризации являются изменения, инициированные правительством Беннета–Лапида в 2021 году после двухлетнего внутривластного кризиса.

Во-вторых, Биньямину Нетаньяху не удалось изменить процесс принятия внешнеполитических решений в Израиле в долгосрочной перспективе. Основная причина заключалась в использовании ресурсов исполнительной власти без задействования законодательного механизма. Создание так называемого им-

перского премьерства (условный аналог теории «имперского президентства» в США, разработанной А. М. Шлезингером) происходило не за счет институционализации нового механизма принятия решений, а с помощью саботажа политической системы и единоличной централизации власти.

В-третьих, кадровые решения Нетаньяху после победы на парламентских выборах в 2022 году позволяют предположить, что он постарается восстановить монополию администрации премьер-министра на внешнеполитическую сферу. Этому способствуют как внутренние факторы — более обширная праворадикальная коалиция, так и внешние — нарастание соперничества с Ираном.

Литература

1. *Беденькая М.* Лидер израильской оппозиции получил шанс сформировать правительство // Коммерсантъ. — 05.05.2021. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4801492> (дата обращения: 21.01.2023).
2. Abraham Accords Declaration (PDF) // The U. S. State Department [official website]. — September 15, 2020. — URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/10/Abraham-Accords-signed-FINAL-15-Sept-2020-508-1.pdf> (accessed: 21.01.2023).
3. *Ahren R.* Defunded and sidelined, Israel's diplomats threaten to harm the state they serve // The Times of Israel. — July 16, 2019. — URL: <https://www.timesofisrael.com/chronically-broke-israeli-diplomats-threaten-to-harm-the-state-they-serve/> (accessed: 19.01.2023).
4. *Aran A.* Israel Foreign Policy Since the End of The Cold War. — Cambridge University Press. — N.Y., 2021. — P. 397.
5. Basic Law — The President of the State // Israel Ministry of Foreign Affairs [official website]. — June 25, 1964. — URL: <https://www.mfa.gov.il/MFA/MFA-Archive/1960-1969/Pages/Basic%20Law-%20The%20President%20of%20the%20State.aspx> (accessed: 09.01.2023).
6. *Brownstein L.* Decision Making in Israeli Foreign Policy: An Unplanned Process // Political Science Quarterly. — Vol. 92. — 1977. — No. 2. — P. 267, 270—271, 273—278.
7. *Caspit B.* The Netanyahu Years. — Thomas Dunne Books. — N.Y., 2017. — P. 379—381.
8. *Eglash R.* Israel's Netanyahu stops short of creating a Ministry of Magic // The Washington Post. — May 18, 2015. — URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/05/18/israels-netanyahu-stops-short-of-creating-a-ministry-of-magic/> (accessed: 11.01.2023).
9. *Freedman O.* Israel and the United States. — Washington: Westview Press, 2012. — P. 269.
10. *Freedman R. O.* Contemporary Israel. Domestic Politics, Foreign Policy and Security Challenges. — Washington: Westview Press, 2009. — P. 52.
11. *Freilich C. D.* National Security Decision-Making in Israel: Processes, Pathologies, and Strengths. Middle East Institute//Middle East Journal. — Vol. 60. — Autumn 2006. — No. 4. — P. 639—641.
12. *Freilich C. D.* Zion's Dilemmas. How Israel Makes National Security Policy. — N.Y.: Cornell University Press, 2012. — P. 3, 22, 44, 237—238.
13. *Garfinkle A.* Politics and Society in Modern Israel. Myths and Realities. — N.Y.: Routledge Taylor & Francis Group, 2000. — P. 142.
14. *Harkov L.* Lapid to take lead over Bennett on foreign ties, peace with Arab states // The Jerusalem Post. — June 14, 2021. — URL: <https://www.jpost.com/israel-news/politics-and-diplomacy/lapid-to-take-lead-over-bennett-on-foreign-ties-peace-with-arab-countries-670995> (accessed: 18.01.2023).

15. *Hoffman R.* Israel's Foreign Policy under Benjamin Netanyahu / Foreign policy Research Institute. — Philadelphia, 2019. — P. 5—6.
16. Israel National Security Council // Prime Minister's Office [official website]. — URL: <https://www.nsc.gov.il/English/About-the-Staff/Pages/default.aspx> (accessed: 18.01.2023).
17. *Kaarbo J.* Power and Influence in Foreign Policy Decision Making: The Role of Junior Coalition Partners in German and Israeli Foreign Policy. — Kansas: University of Kansas, 1996. — P. 506.
18. *Karsh E.* From Rabin to Netanyahu. Israel's Troubled Agenda. — N.Y.: Routledge Curzon, 2004. — P. 15.
19. *Krauss J.* Israeli settler population surged during Trump era // AP News. — January 27, 2021. — URL: <https://apnews.com/article/race-and-ethnicity-israel-coronavirus-pandemic-west-bank-jerusalem-c43de2ad0da01ef3d9b174691290338d> (accessed: 18.01.2023).
20. *Lis J.* With 36 Ministers, New Israeli Government Will Be the Largest in Country's History // Haaretz. — April 21, 2021. — URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/elections/.premium-with-36-ministers-new-israeli-government-will-be-the-largest-in-country-s-history-1.8787383> (accessed: 19.02.2023).
21. *Lochery N.* The Resistible Rise of Benjamin Netanyahu. — N.Y.: Bloomsbury, 2016. — P. 476.
22. *Mahler G. S.* Politics and Government in Israel. The Maturation of a Modern State. — N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, INC., 2011. — P. 209.
23. *Maoz Z.* Defending the Holy Land. A Critical Analysis of Israel's Security & Foreign Policy. — Michigan: The University of Michigan Press, 2009. — P. 313—317, 798—800.
24. *Menahem B.* Biography // LIKUD party. Former Leaders. — URL: <https://www.likud.org.il/en/about-the-likud/former-leaders/menachem-begin> (accessed: 21.01.2023).
25. *Moskovich Y.* Authoritarian Management Style in the Likud Party Under the Leadership of Benjamin Netanyahu // International Journal of Leadership Studies. — Vol. 4. — 2009. — No. 2. — P. 141—160.
26. *Netanyahu B.* A Durable Peace. Israel and Its Place Among Nations. — N.Y.: Warner Book Edition, 2000. — P. 269.
27. *Peretz D.* The Government and Politics of Israel. — Boulder, Colorado: Westview Press, 1983. — P. 156—157.
28. *Peters J.* Understanding Israel. Political, Societal and Security Challenges. — N.Y.: Routledge, 2019. — P. 60.
29. *Pfeffer A.* Bibi. The Turbulent Life and Times of Benjamin Netanyahu. — N.Y.: Basic Books, 2018. — P. 22, 179, 297, 333, 417, 448—449.
30. *Roshandel J.* Iran, Israel and the United States. Regime Security vs. Political Legitimacy. — California: Praeger, 2011. — P. 31.
31. *Samsonov G.* Netanyahu and Likud's Leaders. The Israeli Princes. — N.Y.: Routledge Taylor & Francis Group, 2020. — P. 360.
32. *Shilon A.* The Decline of the Left Wing in Israel. Yossi Beilin and the Politics of the Peace Process. — N.Y.: I. B. Tauris, 2020. — P. 80.
33. *Shlaim A.* The Iron Wall. Israel and the Arab World. — N.Y.: W.W. Norton & Company, 2007. — P. 923—924.
34. *Solomon J.* The Iran Wars. Spy Games, Bank Battles, and the Secret Deals that Reshaped the Middle East. — N.Y.: Random House, 2016. — P. 296.
35. *Stanglin D.* Israel attorney general to indict Prime Minister Benjamin Netanyahu on corruption charges // USA Today. — February 28, 2019. — URL: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2019/02/28/benjamin-netanyahu-indictment-israel-ag-reveal-decision/3015131002/>(accessed: 21.01.2023).
36. The Institute for National Security Studies // INSS [official website]. — URL: <https://www.inss.org.il/history/>(accessed: 21.01.2023).
37. The National Security Council Law // Prime Minister's Office [official website]. — URL: <https://www.nsc.gov.il/English/About-the-Staff/Pages/nsclaw.aspx> (accessed: 22.01.2023).
38. THE STATE: Israel Defense Forces (IDF) // Israel Ministry of Foreign Affairs [official website]. — URL: <https://www.mfa.gov.il/mfa/aboutisrael/state/pages/the%20state-%20israel%20defense%20forces%20-idf-.aspx> (accessed: 22.01.2023).

39. The Structure of Government. Knesset Powers // Constitution for Israel. — URL: <https://knesset.gov.il/constitution/ConstMGovt.htm> (accessed: 19.01.2023).
40. Thirty-Sixth Government of Israel // The Knesset [official website]. — June 13, 2021. — URL: <https://m.knesset.gov.il/en/mk/government/pages/governments.aspx?govld=36> (accessed: 19.01.2023).
41. *Thorleifsson C.* Nationalism and the Politics of fear in Israel. Race and Identity on the Border with Labanon. — N.Y.: I. B. Tauris, 2015. — P. 116.
42. *Tibon A.* Netanyahu vs. the Generals // Politico. — July 3, 2016. — URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/06/netanyahu-prime-minister-obama-president-foreign-policy-us-israel-israeli-relations-middle-east-iran-defense-forces-idf-214004/> (accessed: 20.01.2023).
43. *Wootliff R.* Naming himself defense chief, Netanyahu says 'no room for politics' in security // The Times of Israel. — November 18, 2018. — URL: <https://www.timesofisrael.com/naming-himself-defense-chief-netanyahu-says-no-room-for-politics-in-security/> (accessed: 20.09.2022).

Рябинина Ольга Константиновна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Olga K. Ryabinina,

Ph. D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: ryabininaok@gmail.com

**ВСТУПЛЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ В НАТО:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ****FINLAND'S ACCESSION TO NATO:
NEW CHALLENGES FOR RUSSIA**

Аннотация: в статье исследуется эволюция внешней политики Финляндии. Большое внимание уделяется изменению подходов Финляндии по вопросу членства в НАТО. Трансформация внешнеполитических предпочтений привела к началу процесса вступления Финляндии в НАТО. В итоге в 2023 году Финляндия стала членом НАТО, что привело к кардинальным изменениям в геополитической ситуации в Балтийском регионе. Расширение присутствия НАТО в Балтийском регионе создало угрозу российским интересам на Балтике. В статье делается вывод, что вступление Финляндии в НАТО вынуждает Россию обратить внимание на вопросы безопасности.

Ключевые слова: НАТО, Финляндия, Балтийский регион, Россия, безопасность.

Abstract: this article deals with the evolution of Finland's foreign policy. Much attention is paid to Finland's changing approaches to NATO membership. The transformation of foreign policy priorities has led to the beginning of the process of Finland's accession to NATO. As a result, it became a member of the organization in 2023, which initiated dramatic changes in the geopolitical situation in the Baltic region. The expansion of NATO presence in the Baltic region posed a threat to Russian interests in the Baltic. The article concludes that Finland's accession to NATO forces Russia to pay attention to security issues.

Key words: NATO, Finland, Baltic region, Russia, security.

Введение

В 2023 году в составе НАТО произошли значительные изменения. 4 апреля Финляндия официально стала членом Альянса. Присоединение к НАТО произошло на встрече министров иностранных дел НАТО, на которой глава МИД Финляндии Пекка Хаависто подписал акт о присоединении страны к Альянсу. После подписания документ был передан государственному секретарю США Энтони Блинкену.

Климат и окружающая среда — приоритеты Финляндии

Вступление Финляндии в НАТО подвело черту под продолжительным этапом финской внешней политики, которая на протя-

жении длительного времени делала акцент на международном сотрудничестве. Именно по предложению Финляндии в 1991 году началось сотрудничество в Арктике. Была проведена первая встреча министров арктических стран, на которой приняли Стратегию охраны окружающей среды в Арктике. Это стало первым шагом на пути к расширению взаимодействия стран в регионе, «заявка на создание комплексного международно-правового режима защиты окружающей среды Арктики» [4]. Впоследствии, в 1996 году, это стало одним из факторов, который позволил создать Арктический совет, который сконцентрировал внимание на вопросах, связанных с устойчивым развитием и охраной окружающей среды Арктики.

Следующим шагом стало выдвижение инициативы «Северное измерение». Она была представлена в 1997 году и предполагала развитие сотрудничества Европейского союза, России, Норвегии и Исландии. Ее продвижение происходило сложно, несмотря на усилия Финляндии. Представители этой страны вели речь о формировании общей политики ЕС в Арктике, что не всегда находило поддержку со стороны других европейских государств.

В последующие годы Финляндия продвигала идею создания механизмов взаимодействия в Арктике, делая упор на вопросы безопасности, экологии и изменения климата. Длительное время эта тема не поддерживалась остальными европейскими странами. И лишь в марте 2008 года на саммите Европейского союза одной из тем стало изменение климата и принятие мер, направленных на устранение последствий во многих сферах. Позже, уже во втором десятилетии XXI века, Финляндия стремилась стать лидером в определении арктической стратегии ЕС. Так, «правительство страны намерено было стать ведущим игроком в международной арктической политике как в Европейском союзе, так и во всем мире. Например, наряду со Швецией и Данией как одной из трех стран ЕС, которые имеют территории за Полярным кругом, она возглавляла формирование арктической стратегии ЕС» [1].

Корректировка внешнеполитического курса

В 2010 и 2013 годах в Финляндии были представлены стратегии страны в Арктике. В документах основное внимание было обращено на вопросы безопасности и окружающей среды. В фо-

кусе внимания финской стороны были также экономика и инфраструктура, а также защита прав коренных народов и развитие международных институтов. Финляндия рассчитывала стать проводником арктической политики Европейского союза. Таким образом, на протяжении десятилетий Финляндия проводила нейтральный внешнеполитический курс.

В то же время Хельсинки вносил коррективы в свою политику, не избегая взаимодействия с НАТО. Это происходило при одновременном развитии торгово-экономических отношений с Россией. Такое положение устраивало финскую сторону, которая, расширяя контакты с НАТО, одновременно получала экономические выгоды от сотрудничества с российской стороной. В целом политика Финляндии по-прежнему концентрировала свое внимание на вопросах климата и экологии, достижении целей устойчивого развития, науке и образовании.

В принятой в 2021 году новой арктической стратегии среди целей было заявлено следующее [10]: «адаптация к изменению климата и смягчение его последствий; защита коренных малочисленных народов; экспертиза, наука и образование». В целом «защита окружающей среды является основным приоритетом финской арктической стратегии, поскольку с каждым годом климатические изменения всё больше сказываются на состоянии арктических экосистем и требуют корректировки процессов хозяйственной деятельности в регионе» [5]. В новой арктической стратегии Финляндии была закреплена ее ключевая цель в регионе — «поддержание мира и безопасности посредством международного сотрудничества. Основными институтами многосторонней кооперации, в которых Финляндия принимает участие, являются: Арктический совет и Арктический экономический совет; Совет Баренцева/Евроарктического региона; международные соглашения в сфере окружающей среды» [5]. При этом «арктическая политика Финляндии в области устойчивого развития реализовывалась посредством многосторонней кооперации через арктические институты, двусторонние отношения с арктическими государствами» [5].

Уделяя большое внимание вопросам климата и экологии, социально-экономическим аспектам жизни коренных народов и будучи сторонницей расширения многостороннего взаимодействия в Арктике, в то же время Финляндия расширяла контакты

с Альянсом. Это происходило в силу изменения внешнеполитического курса страны. Всё более активно шли консультации с НАТО, которое настойчиво пыталось втянуть Хельсинки в орбиту своих интересов. Вместе с Норвегией и Швецией Финляндия стала принимать участие в разных учениях Альянса. Так, например, в 2013 году начались ежегодные учения Arctic Challenge, в которых участвовали США, Великобритания и три страны Северной Европы: Финляндия, Норвегия и Швеция. С тех пор мероприятия превратились в крупнейшие воздушные учения в Арктическом регионе [11].

Курс на вступление в НАТО

Изменения во внешней политике Финляндии стали более активными после февраля 2022 года, когда Россия начала проведение специальной военной операции. Финляндия продолжила разворот в своей внешней политике и стала ориентироваться на расширение сотрудничества с Альянсом. Более того, в 2022 году Финляндия и Швеция начали предпринимать реальные шаги, которые должны были привести к тому, чтобы две страны стали членами Альянса.

Финляндия стала действовать достаточно активно, ориентируясь на политику США и ЕС. Усилилась антироссийская риторика. Финляндия поддерживала санкционный курс ЕС и США, приняла участие в поддержке украинской стороны. Подготовка к членству в Альянсе и последующее вступление в НАТО изменили риторику политиков и экспертов Финляндии. В экспертной среде активно продвигался тезис об угрозе со стороны России. С этой целью публиковались разные материалы, в которых доказывалась необходимость вступления в НАТО.

В последнее время в документах, которые определяют северную политику Финляндии, произошли значительные изменения. Даже в названиях документов прослеживается позиция Финляндии, которая фактически стала придерживаться риторики, которую продвигают США и ЕС. Так, в 2022 году в Финляндии был опубликован доклад «Новый этап арктического сотрудничества: анализ последствий российского вторжения» [12], в котором Финляндия фактически расставила акценты своей арктической политики, определив свое отношение к России.

В документе доминирует однозначно негативное отношение к политике России в отношении Украины. Авторы доклада пытаются увязать политику России на украинском направлении и одновременно ситуацию в Арктике. При этом в Финляндии упускают из виду, что после начала Россией специальной военной операции именно другие арктические страны выступили с заявлениями о необходимости сворачивания сотрудничества в Арктическом совете. Очевидно, что подобные оценки изначально имеют предвзятый характер, не отражают реалий политики Запада в отношении России и в целом на постсоветском пространстве.

Основная задача, как отмечают авторы доклада, заключается в том, чтобы понять возможные последствия от конфликта на Украине и «реализации стратегии Финляндии в Арктике, особенно с точки зрения целей устойчивого развития» [12], тем более что «при любых обстоятельствах Арктика остается важной темой для Финляндии, и издержки трансграничного развития, такие как изменение климата и геополитика, всегда присутствуют в регионе» [12].

В докладе отмечалось, что отношения России и Запада сильно изменились еще до 2022 года. В документе в качестве аргументов, из-за которых произошло ухудшение, называются «Крым и восток Украины 2014 года, события в Сирии и внутренние события в Белоруссии». Тем самым финские эксперты повторили известные обвинения, которые постоянно выдвигал и выдвигает Запад в адрес России. В документе сделан вывод, что как член НАТО «Финляндия имела бы больше возможностей для участия и влияния на евроатлантическое сотрудничество в целях укрепления безопасности Северной Европы. Членство в НАТО позволит оказать влияние на политические ориентиры альянса в отношении России, в том числе в Арктике» [12].

В докладе большое место отведено оценкам геополитических изменений, которые происходят в мире. В частности, во второй главе доклада «рассматривается геополитический и международный политический фон и сценарии последствий российской агрессивной войны в Арктическом регионе, в т. ч. влияние на механизмы арктического сотрудничества, а также на “зеленый переход” и климатическую работу» [12].

На страницах доклада подчеркивается, что современная геополитическая ситуация привела к обострению ситуации в Арктике. В документе отмечается, что арктическое сотрудничество столкнулось с совершенно новой ситуацией [12]. В то же время в Финляндии отмечают, что геополитические изменения не являются единственным вызовом для политики страны. Делается вывод, что необходимо «более четко сформулировать требования к климатическим мерам, особенно мерам по укреплению устойчивости региона». И далее делается неожиданный вывод, что «в этой ситуации необходимость замены российской энергетики может ускорить “зеленый” переход западных стран, но также и давление на арктические природные ресурсы к использованию вырастет еще больше» [12].

Финляндия традиционно уделяет большое внимание вопросам экологии и климату, тем более что изменение климата в Арктике быстро прогрессирует. Несмотря на декларирование необходимости уделять повышенное внимание вопросам, которые связаны с изменением климата и борьбой с его последствиями, Хельсинки поддержал курс на прекращение сотрудничества с Россией в Арктическом совете. Хотя финские эксперты подчеркивали, что «на решение вопросов климата негативное влияние оказывает паралич международного сотрудничества и исследований в арктическом регионе. Устойчивое развитие региона требует широкого международного сотрудничества и региональное сотрудничество, потому что природа и окружающая среда не меняются в соответствии с государственными границами» [12]. Отмечается также, что до 2022 года «были предприняты усилия по климатическим и экологическим работам во всем арктическом регионе оказывать широкое влияние в различных структурах, особенно в Арктическом совете, а также в других местах. Прекращение исследовательского сотрудничества в отношении России создает пробелы в базе знаний об изменении климата в Арктике» [12]. При этом финские эксперты «забывают», что именно остальные члены Арктического совета приостановили свою деятельность в Арктическом совете под председательством России.

В целом в Финляндии попытались увязать в едином документе разные несвязанные между собой вопросы о глобальных изме-

нениях в мировой политике, «зеленом» переходе, климате и экологии и одновременно политику России в отношении Украины.

Финляндия, по сути, не отказалась от планов выступать в качестве проводника интересов ЕС в Арктике. Этот подход прослеживается и на страницах доклада, в котором подчеркивается, что «ЕС является важным каналом для достижения целей Финляндии в Арктике. У ЕС есть программы, сети и финансирование для трансграничного сотрудничества и деятельности во многих разных областях. Большинство этих мероприятий и областей политики поддерживают или затрагивают цели Финляндии в Арктике. Украинская война, экономические и политические последствия влияют на цели арктической политики Союза, особенно для перехода к возобновляемым источникам энергии и обеспечения безопасных поставок критически важных полезных ископаемых» [12].

Финляндия стала членом НАТО

В результате длительных переговоров и позиции Альянса, который был заинтересован в расширении своего состава, в апреле 2023 года Финляндия стала членом НАТО. Швеция, которая должна была вступить к Альянсу вместе с Финляндией, не получила поддержки, и вопрос на время был отложен.

После вступления в НАТО Финляндия активизировала свою деятельность в рамках Альянса. В частности, Финляндия приняла активное участие в «главных скандинавских учениях в регионе, которые проходили в течение двух недель. Около 150 самолетов из 14 стран принимали участие в учениях Arctic Challenge 2023, которые стартовали 29 мая и продлились до 9 июня на базах в Швеции, Финляндии и Норвегии» [11]. При этом «Финляндия проявила инициативу в организации и проведении учений» [11]. В целом, «как отмечали организаторы учений, обучая и проводя реалистичные учения на Крайнем Севере, такие как учения Arctic Challenge 2023, силы США и союзников и стран-партнеров оттачивают навыки, настраивают взаимодействие, укрепляют ключевые отношения и адаптируются к неотъемлемым вызовам, связанным с боевыми действиями в экстремальных условиях Арктики» [11].

В итоге североевропейские страны всё активнее втягиваются в русло политики евроатлантических структур. При этом отмечается их стремление отвечать на «вызовы» времени, кото-

рые связаны с глобальным противостоянием России и Запада. В частности, в Дании предложили «потратить 143 миллиарда крон (28 миллиардов канадских долларов) на оборону в течение следующих 10 лет, чтобы быстро реагировать на меняющуюся картину безопасности в мире» [7]. Хотя, исходя из опыта сотрудничества последних десятилетий, ни Дании, ни Финляндии и другим странам Северной Европы никто не угрожал. Тем не менее в Дании отмечали, что «целью остается то, что Арктика и Северная Атлантика являются зоной низкого напряжения. Необходимо защитить Данию и выполнить наше обязательство снять совместную ответственность за безопасность на Балтике и в Балтийском регионе» [7]. Кроме того, Дания заявила, что планирует достичь цели НАТО по расходованию 2% своего ВВП не позднее 2030 года [7].

Большую роль в развороте Финляндии в сторону Альянса сыграли США. После вступления страны в члены НАТО США оказывали политическую поддержку странам Северной Европы. В частности, принимая участие в неформальной встрече министров иностранных дел стран НАТО в Норвегии, госсекретарь США Э. Блинкен отдельно посетил Швецию и Финляндию. Выступая в Хельсинки, новом члене НАТО, госсекретарь привычно делал акцент на Украине, политике России и необходимости развивать сотрудничество в рамках НАТО [9].

Во внешней политике Финляндии всё большую роль начинает играть Арктика, которая рассматривается в качестве нового театра столкновения интересов. Так, по словам аналитика Финского института международных отношений Матти Песу, «возникает новая атмосфера холодной войны, смешанная с тающим льдом, что влияет на военное планирование и открывает новые экономические возможности и доступ к природным ресурсам» [9]. Кроме этого представитель Финляндии подчеркнул, что «российская агрессия плюс изменение климата — это “идеальный шторм”» [9].

Таким образом, страны Северной Европы, включая Финляндию, всё активнее поддерживают риторику, которую определяют в НАТО. Акцент делается на якобы угрозу, исходящую от России, в том числе и в Арктике. При этом подчеркивается, что военные возможности России, которыми она располагает в регионе, создают угрозы. И далее в странах рассуждают об угрозах, якобы

исходящих с суши и моря от России, всерьез начиная рассуждать о российском «вторжении» в страны Прибалтики или в страны Северной Европы.

Финляндия придает большое значение сотрудничеству с государствами Северной Европы. Наиболее активно развивается межгосударственное взаимодействие между Финляндией, Швецией и Норвегией. Эти страны содействуют развитию и укреплению региональных механизмов сотрудничества. Соответственно, Финляндия принимает активное участие в инфраструктурных проектах, которые разрабатываются между странами Северной Европы и внерегиональными акторами. Так, разработан проект железной дороги, которая должна пройти через северную Финляндию в Норвегию. В 2023 году проект по экологическим соображениям был отклонен. Совместная финско-норвежская рабочая группа, созданная Министерством транспорта и коммуникаций Финляндии для изучения плана, пришла к выводу, что «прогнозируемые грузопотоки не могут оправдать стоимость проекта в 3 миллиарда евро (4,4 миллиарда канадских долларов) и непомерные косвенные затраты на обновление инфраструктуры на юге Финляндии для обеспечения нового маршрута» [13].

Проект обсуждается длительное время. Активные дискуссии происходили в период председательства Финляндии в Арктическом совете (2017—2019 гг.). Однако в последующие годы инфраструктурный проект не был поддержан правительством. Хотя, как отмечал менеджер по развитию региона Северной Лапландии, территории, охватывающей самые северные муниципалитеты Финляндии, «финская нация считается островом, и мы очень зависим от дешевого транспорта» [13]. При этом он подчеркнул, что «эта арктическая железная дорога очень важна для повышения конкурентоспособности финской промышленности, а также для удержания наших компаний на севере и удержания жителей, чтобы им не приходилось ехать на юг в поисках возможностей» [13].

Существует еще более амбициозный проект, реализация которого может в перспективе коренным образом изменить грузопотоки в странах Северной Европы. «В марте 2023 года компания “Vesterbacka’s company Finest Bay Area Development” подписала с китайской компанией “Touchstone Capital Partners” меморандум о взаимопонимании о финансировании в размере 15 млрд евро

на строительство подводного туннеля, соединяющего Хельсинки и столицу Эстонии Таллин через Финский залив протяженностью около 100 км» [13].

Вступление Финляндии в НАТО — последствия для России

Вступление Финляндии в НАТО привело к изменениям в расстановке сил на Балтике, усилив геополитические риски для России. Расширение НАТО в непосредственной близости от границ России поставило перед Москвой задачу укрепления своих рубежей. Этот вопрос приобрел особую актуальность в контексте неослабевающей конфронтации России с Западом, в том числе в Арктике. Западные страны разрабатывают планы усиления своей военной составляющей в Арктике, проведения модернизации инфраструктуры и строительства новых военных кораблей.

После вступления Финляндии в НАТО (а в перспективе и Швеции) общая протяженность «российско-натовских границ увеличится почти в 2 раза» [6]. Кроме того, Финляндия «станет седьмой страной НАТО на Балтийском море, что еще больше усложнит доступ России к побережью Санкт-Петербурга и ее небольшого эксклава Калининграда» [2]. Очевидно, что Россия будет вынуждена принимать ответные меры по защите своих интересов. Прежде всего, речь идет о создании военной инфраструктуры в непосредственной близости от границ Финляндии, а также о размещении вооружений.

Заключение

Вступление Финляндии в НАТО кардинально изменило расстановку сил в Балтийском регионе. Хельсинки, который на протяжении длительного времени в целом придерживался политики нейтралитета, кардинально изменил внешнеполитический курс. Это привело к дальнейшей эскалации напряженности в отношениях между Россией и западными странами.

Расширение границ НАТО создает опасность для усиления соперничества в Арктике. США, Канада, Норвегия проводят активную арктическую политику, которая предполагает усиление военной составляющей, создание условий для освоения ресурсов на шельфе арктических морей, усиление контроля над судоходством, которое может возрасти в силу климатических

изменений. В свою очередь, Россия также предпримет шаги, которые должны усилить ее влияние в регионе. Российский ответ «на усиление северного фланга НАТО должен касаться всех аспектов военной безопасности, включая как количественное усиление — наращивание группировки ПВО, фронтовой авиации, сил общего назначения флота, сухопутных войск, так и качественное — развитие инфраструктуры, создание тыловых баз и пунктов обеспечения, которые позволили бы в период нарастания напряженности рассредоточить силы, выведя их из-под возможного первого удара. В целом в сложившейся обстановке вряд ли стоит удивляться тому, что повторяется та логика развития, в которой действовали в регионе Вооруженные силы СССР до окончания первой холодной войны» [3].

Арктический совет, который ранее служил площадкой для переговоров и обсуждения региональных проблем, пока поставлен на паузу. Неслучайно глава внешнеполитического ведомства России С. В. Лавров подчеркивал, что «дальнейшая эффективная работа и будущее Арктического совета в целом будет зависеть от того, сможем ли мы совместно найти возможности для продолжения цивилизованного диалога по сохранению Арктики как территории мира, стабильности и конструктивного сотрудничества» [8].

В ближайшее время членом Альянса, по всей видимости, станет Швеция. Это приведет к дальнейшему нагнетанию напряженности на Балтике. В условиях геополитического соперничества России с Западом Финляндия и Швеция будут придерживаться антироссийского курса, который последовательно проводит Запад в отношении России.

Литература

1. Арктические стратегии: энергетика, безопасность, экология и климат. — М.: Сколково, 2020. — Т. 1. — 282 с.
2. *Забродин А.* Финляндия это НАТО. — 2023. — 2 апр. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5912919?ysclid=lki5hzvy6y577951655> (дата обращения: 17.06.2023).
3. *Крамник И. А.* Новое расширение НАТО делает Арктику более опасным регионом. — 2023. — 24 июля. — URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-07-24/3_8781_kb.htm?ysclid=lkiknn3bv7108655257 (дата обращения: 24.07.2023).
4. *Овлащенко А.* Формирование Арктической политики ЕС. Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 7. — С. 28—36.
5. Российско-финское сотрудничество в сфере устойчивого развития Арктического региона. 2021—2022. — URL: https://roscongress.content.rcmedia.ru/upload/medialibrary/f81/Think-Arktic_rus_finland.pdf (дата обращения: 17.06.2023).

6. Шведский шаг в пропасть. — 2023. — 28 марта / Посольство Российской Федерации в Королевстве Швеция. — URL: https://sweden.mid.ru/ru/embassy/embassy-news/shvedskiy_shag_v_propast/ (дата обращения: 14.07.2023).
7. Denmark proposes defence spend boost, reaffirms importance of low-conflict Arctic. — May 30, 2023. — URL: <https://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2023/05/30/denmark-proposes-defence-spend-boost-reaffirms-importance-of-low-conflict-arctic/> (accessed: 11.07.2023).
8. *Edvardsen A. Lavrov*: «The Arctic Council's Future Depends on Whether a Civilized Dialogue Can Continue». — May 15, 2023. — URL: <https://www.highnorthnews.com/en/lavrov-arctic-councils-future-depends-whether-civilized-dialogue-can-continue> (accessed: 16.07.2023).
9. *Erlanger S.* Arctic Risks Loom Large As Blinken Tours NATO's North. — May 31, 2023. — URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/31/world/europe/blinken-arctic-nato-russia.html> (accessed: 12.06.2023).
10. Finland's Strategy for Arctic Policy / Finnish Government. — URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/163247> (accessed: 12.06.2023).
11. *Hadley G.* In a First, USAF F-35s Join Multinational Arctic Challenge Exercise. — May 30, 2023. — URL: <https://www.airandspaceforces.com/us-f-35s-premier-nordic-air-exercise/> (accessed: 17.06.2023).
12. *Koivurova T.* et al. Arktinen yhteistyö uuden edessä: Analyysi Venäjän hyökkäyssodan vaikutuksista. Valtioneuvoston selvitys. Lapin yliopiston Arktinen keskus/ T. Koivurova, M. Heikkilä, J. Ikävalko, S. Kirchner, S. Kopra, H. Mikkola, R. Pursiainen, S. Sepponen, M. Moisio, A. Stepien. — Rovaniemi. 2022:2. — P. 86.
13. *Quinn E.* The Arctic railway. — URL: <https://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2019/09/18/arctic-railway-building-future-destroying-culture-sami-finland/> (accessed: 15.06.2023).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Шишков Василий Валерьевич,

кандидат политических наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
Институт права и национальной безопасности, Москва.

Vasily V. Shishkov,

Candidate of Political Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Institute of Law and National Security, Moscow.

E-mail: fh55@mail.ru

Хорошев Сергей Валерьевич,

старший преподаватель,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
факультет экономических и социальных наук, Москва.

Sergej V. Horoshev,

Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Faculty of Economic and Social Sciences, Moscow.

E-mail: 20dekabr@mail.ru

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США

THE UKRAINIAN ISSUE IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF THE US FOREIGN POLICY STRATEGY

Аннотация: конфликт на Украине выступает следствием ряда причин и противоречий в международных отношениях. Среди них следует выделить гегемонистскую политику США, направленную на упрочение своего влияния в Европе и новое сдерживание России. Искаженное представление о постимперских и постсоветских социально-политических реалиях привело к тому, что политический истеблишмент США сделал ставку на вовлечение России — страны, обладающей ядерным оружием, — в масштабный вооруженный конфликт непосредственно у ее границ.

В статье анализируется формирование гегемонистской политики Вашингтона в период после распада СССР. Рассматриваются взгляды американского истеблишмента (политического, академического и экспертного сообществ) по выработке новых подходов по сдерживанию России, ограничению ее влияния на постсоветском пространстве.

В центре исследовательского внимания — особое место и роль, которые приобрела в данной политике Украина. Рассматриваются вопросы, связанные с влиянием, которое оказывают на выработку американской политической стратегии геополитические реалии, теоретические подходы, идейные установки и стереотипы элит США в отношении России и Украины.

Исследуются изменения в американской теории международных отношений и политике в период после завершения холодной войны. Рассматривается дискуссия вокруг вопроса о политике по отношению к России и постсоветскому пространству. Значимое место уделяется особенностям отражения украинской проблематики в научной и экспертной среде США.

Ключевые слова: Украина, гегемония, постсоветское пространство, Стратегия национальной безопасности США, украинская национальная идентичность, украинское лобби, имперское наследие, корпорация RAND.

Abstract: the conflict in Ukraine can be seen as a consequence of a complex of reasons. Among them, the hegemonic policy of the United States aimed at consolidating its influence in Europe and the new containment of Russia should be highlighted. A distorted picture of post-imperial and post-Soviet sociopolitical realities has led the U. S. political establishment to bet on an armed conflict involving Russia, a country that possesses nuclear weapons.

The article analyzes the evolution of the views of the American establishment (political, academic and expert communities) in relation to Russia, the post-Soviet space, the place and role of Ukraine in Washington's politics. The issues related to the influence that geopolitical realities, theoretical approaches, ideological attitudes and stereotypes of the US elites in relation to Russia and Ukraine have on the development of American political strategy are considered.

The article examines changes in the American theory of international relations and politics in the period after the end of the Cold War. The discussion around the question of policy toward Russia and the post-Soviet space is explored. Significant attention is paid to the problem of the presentation of Ukraine and Ukrainian nationalism in the U. S. academic and expert environment by natives of Ukraine.

Key words: Ukraine, hegemony, post-Soviet space, USA national security strategy, Ukrainian national identity, Ukrainian lobby, imperial legacy, RAND Corporation.

Введение

Конфликт на Украине стал крупнейшим вооруженным противостоянием в Европе со времен Второй мировой войны, выйдя за рамки регионального конфликта. Теперь его последствия испытывают всё большее число стран. В значительной степени данные события стали следствием развития подходов США к политике в отношении России и постсоветского пространства.

После распада СССР политический истеблишмент США стремился выработать новые подходы к утверждению американского господства. Значимое место в развернувшихся дискуссиях занимали Россия и ее геополитическое положение. Возможность восстановления влияния России на постсоветском пространстве, особенно в государствах, тесно связанных общей историей и культурой, приобрела особое значение и сохраняет свою актуальность [21; 45; 46]. Представляется, что данный вопрос в значительной

степени отражает основные опасения Вашингтона, связанные с политикой Москвы в отношении бывших советских республик. В соответствии с такими взглядами Украина стала краеугольным камнем гегемонистской политики Америки, направленной на упрочение своего влияния в Европе и ограничение России.

Следует сказать, что Украина относительно недавно входила в состав единого с Россией государства — Советского Союза. Еще ранее в Российской империи великороссы, малороссы и белорусы на государственном уровне рассматривались как единый народ. Но на пространстве восточноевропейских республик бывшего СССР, когда-то являвшихся частью империи Романовых, Россия всё в большей степени сталкивается с возрастающим влиянием США. В последние годы данное влияние приняло выраженные формы.

Гегемонистские устремления США состоят в том, что американские интересы должны учитываться в любом регионе мира. Восточная Европа не стала исключением. Небезосновательным будет утверждение, что принципы доктрины Монро Вашингтон распространяет на те страны и регионы, которые сочтет геополитически значимыми. Вопрос о том, что такая политика вызовет противодействие со стороны других государств, претендующих на суверенитет и защиту собственных интересов, является скорее риторическим.

В настоящей работе исследовательское внимание сосредоточено на эволюции взглядов американского истеблишмента (политического, академического и экспертного сообществ) в отношении России, постсоветского пространства, места и роли Украины в политике Вашингтона. В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием, которое оказывают на выработку американской политической стратегии геополитические реалии, теоретические подходы, идейные установки и стереотипы элит США в отношении России и Украины.

Для настоящей работы существенное значение имеет также то, что противостояние на Украине обостряет антироссийскую риторику в США. Россия представляется государством, якобы стремящимся восстановить имперское господство. В то же время Вашингтон вынужден всё большее внимание уделять собственному геополитическому положению. Иными словами, проблема со-

стоит в том, в какой степени противостояние на Украине в представлениях американского истеблишмента выступает в качестве столкновения центров силы, проблемы безопасности, а в какой — конфликтом идентичностей и имперским ревизионизмом.

***Концептуальные рамки исследования:
проблема гегемонии***

В постбиполярный период США занимают исключительное положение в системе международных отношений. Америка обладает превосходящей другие государства мощью и во многих вопросах играет определяющую роль. Политика США в значительной степени может рассматриваться в качестве гегемонистской. Исследователи, говоря о стремлении Вашингтона к гегемонии, стремятся указать на качественные стороны проводимой им политики.

В политических исследованиях понятие «гегемония» получило распространение благодаря работам известного теоретика-неомарксиста А. Грамши, который доказывал, что преобладание какой-либо группы основано не столько на силовых факторах, сколько на согласии других подчиняться.

В современной политической литературе выделяются четыре основных подхода, рассматривающих содержание гегемонистской политики: неограмшианский, мир-системный, неолиберальный и неореалистский. Данные подходы по-разному интерпретируют значение материальных и нематериальных факторов гегемонии, силовой и идейной ее составляющих. Так, согласно неограмшианскому подходу гегемонистская система международных отношений основана на консенсусе в признании идеологии гегемона и компромиссе между ним и подчиненными странами. В мир-системном анализе гегемония является результатом действия материальных факторов, которые позволяют одной державе навязывать свою политику и свои правила другим.

По мнению теоретиков неолиберализма (Дж. Айкенберри, Р. Кеохан, Дж. Най и др.), американский либеральный порядок должен восприниматься другими государствами в качестве нормативного и соответствующего их же интересам. Неолиберальная гегемония основывается на тесной кооперации, в центре которой находится гегемон, который и определяет ее правила. Для

представителей неореалистского подхода (К. Уолтц, Дж. Миршаймер, Р. Гилпин и др.) статус гегемона достигается в конфликте, предметом которого выступает вопрос о власти, и является результатом силового преобладания. Неореалисты пессимистически смотрят на возможность сохранения гегемонии США, поскольку политика Вашингтона всё менее признает фундаментальный характер баланса сил и национальных интересов.

Представляется, что гегемонистская политика США оказывается недостаточно успешной не вследствие складывающегося баланса сил или ограничений материального характера. При этом, несмотря на преобладание в политическом дискурсе представителей неолиберализма, Америка на практике чаще следовала силовому представлению о гегемонии, на что указывает ряд конфликтов последних 30 лет, которые США разрешили силовым способом ради утверждения своего влияния.

На этапе наибольшего подъема такой политики, в 2000-е годы, в американском научно-политическом сообществе проходила дискуссия между сторонниками (А. Басевич, Дж. Фридман и др.) и противниками (Дж. Айкенберри, Дж. Най-мл. и др.) имперской роли США [14]. В данной дискуссии речь шла о такой форме гегемонистского господства, которую позволяла ничем не сдерживаемая мощь Америки. Наиболее решающие аргументы против такого господства оказались связаны с неоправданными затратами силы, ответственностью и негативной семантикой слова «империя». Позиция скептиков возобладала, и с тех пор в политическом дискурсе США не принято говорить об Америке как об империи. Несмотря на то что понятие «американская империя» оказалось вытеснено из мейнстрима политического дискурса, тем не менее Вашингтон в условиях всё более выраженных противоречий в международных отношениях обращается к практикам имперской политики.

Новые основы супердержавности

После завершения холодной войны перед Вашингтоном встала задача определить политику по отношению к России и новым восточноевропейским государствам — бывшим республикам СССР. Данная проблема рассматривалась в США в контексте установления гегемонистской политики и вопроса о будущем НАТО.

В период 1993—1996 годов в политическом истеблишменте США шли дискуссии о политике Америки после завершения холодной войны и распада СССР. Значительная часть обсуждений была связана с подготавливаемой администрацией Клинтона новой стратегией национальной безопасности. Рассматривались в том числе вопросы отношений с Россией и обеспечения безопасности в Европе. Так, госсекретарь У. Кристофер отмечал необходимость партнерства с Москвой. Сотрудники администрации С. Тэлботт и Дж. Стейнберг выступили с неолиберальных позиций. В их понимании было возможно достичь отказа России от авторитаризма и имперских амбиций, способствуя ее демократизации. Заместитель госсекретаря Р. Холбрук придерживался более реалистических взглядов, отмечая, что восточноевропейское пространство между Германией и Россией станет источником конфликтов и Россия может вернуться к имперской политике [3].

Тогда же получила выражение особая заинтересованность американских политиков в отношении Украины и ограничения политики России в Европе. Так, сенатор Р. Лугар прямо заявлял о необходимости расширения НАТО ради поддержки Украины. Немного позже сенатором Дж. Либерманом были высказаны опасения о возврате России к имперской экспансии и ее союзе с Германией [3, с. 37, 43]. Участники обсуждений сходились в том, что у России не может быть особой сферы национальных интересов. При этом сотрудниками администрации Клинтона отмечалась неопределенность в прогнозировании дальнейшего развития России. Позиции участников дискуссий сближались в том, что следует воспользоваться слабостью России для укрепления позиций США в Европе.

Своего рода итогом обсуждений между сторонниками различных подходов в Вашингтоне и экспертном сообществе стала выработка курса, получившего известность в качестве «либеральной гегемонии» [13]. Данный подход избегал жесткого курса на доминирование США, но давал возможность использовать «момент однополярности» (по Ч. Краутхаммеру) для упрочения позиций США. В то же время новый курс был призван учитывать экономические интересы США и идейные изменения в мире, как их представляли в Вашингтоне (идеи «конца истории»). Согласно взглядам одного из ведущих разработчиков новой стратегии,

помощника Президента по национальной безопасности Э. Лейка, политика США должна быть направлена на расширение сообщества демократических государств с рыночной экономикой [6]. Распространение идей демократии и рынка должно было гарантировать влияние Америки в мире как ведущей демократической державы.

Исходя из данной точки зрения, НАТО представлялось ядром союза демократий, которые должны сплотиться вокруг Америки и гарантировать безопасность в Восточной Европе независимо от отказа России от имперских притязаний и национальных интересов, что стало бы главным следствием ее демократизации.

Политике администрации Клинтона оппонировали американские международники, придерживающиеся реалистических воззрений: Дж. Кеннан, М. Мандельбаум, Ч. Купчан, Дж. Гэддис и др. [23; 26; 27]. В целом аргументы против выраженной неолиберальной стратегии, а также расширения НАТО были связаны с проблемой баланса сил в мире и сохранения стабильности. Тем не менее доводы сторонников сдержанной политики не были приняты во внимание. Во многом для исследователей реалистического направления политика расширения НАТО — пример ошибочного решения, следующего ложным неолиберальным принципам.

Итоги данных дискуссий были отражены в американских политических документах. В 1994 году была принята новая редакция Стратегии национальной безопасности [16] (далее — Стратегия, СНБ), в которой предусматривался переход от сдерживания к политике, направленной на поддержку демократии и рыночной экономики во всем мире.

Тем не менее документ 1994 года оказался недостаточно амбициозным, и к середине 1997 года был подготовлен новый проект — «Стратегия национальной безопасности для нового столетия» [17]. В нем было представлено понимание американского лидерства. Выстраивалась следующая логика: мировое лидерство — основа безопасности Америки; лидерство базируется на демократических ценностях; распространение демократии является гарантией мировой безопасности и безопасности самих США. Было продекларировано право Вашингтона на политику по демократизации других государств. Также американским интересам соответствовала открытость мировой торговли. Данные

положения стали постулатами американской стратегии на долгие годы. Идея о взаимосвязи лидерства и безопасности впоследствии будет воспроизводиться в последующих доктринальных документах. При этом поддержке демократизации придавался характер морального императива политики гегемонии США.

Здесь можно резюмировать, что в вопросе проведения США политики по установлению глобального господства возобладали сторонники неолиберального подхода. Кроме того, Белым домом не были приняты во внимание аргументы, высказанные в реалистическом ключе в отношении России и Восточной Европы. Расширение НАТО призвано было обеспечить либеральную гегемонию и сохранение позиций США в европейском регионе. Следствием такого подхода стала политика, направленная на распространение американского влияния и контроля у границ России, в которую неизбежно вовлекалась Украина.

Россия и постсоветское пространство в доктринальных документах США 2002–2010 годов

Итак, после распада СССР политика американского истеблишмента была направлена на закрепление достигнутого доминирования. При определении новой Стратегии выбор был сделан в пользу усиления экономического господства и распространения демократии. Отметим, с опорой на военное превосходство. Стратегия по установлению «либеральной гегемонии» была руководством для администрации США в течение большей части 1990-х — начала 2000-х годов.

С приходом администрации Президента Дж. Буша-младшего многие положения Стратегии Вашингтона подверглись пересмотру с неоконсервативных позиций. Подход, получивший название «доктрина Буша», предполагал более активную политику по установлению господства Америки в глобальном масштабе.

У истоков доктрины Буша стояли ведущие представители новой администрации Белого дома (Р. Чейни, Д. Рамсфельд, П. Вульфовиц, К. Райс). Ее основы были представлены в 2002 году в качестве новой СНБ [48]. Документ предполагал возможность односторонних действий Америки по обеспечению национальной безопасности, в том числе превентивных, направленных против возможных угроз. По мнению разработчиков Стратегии

2002, США обладали достаточной мощью, чтобы навязать всему миру свое безусловное господство.

Существенной особенностью подхода администрации Белого дома стала политика демократизации, направленная на смену политических режимов в тех странах, которые окажутся в сфере интересов Вашингтона. Основным регионом неоконсервативной политики демократизации американским политикам виделся Большой Ближний Восток. Россия и постсоветские страны, в том числе Украина, также испытали на себе влияние нового подхода Белого дома к внешней политике.

В СНБ 2002 Россия указывалась в качестве потенциальной великой державы и партнера Америки в борьбе с террором. Отмечалось сближение стратегических позиций Вашингтона и Москвы. При этом указывалось на перспективность демократического развития Российской Федерации. Тем не менее данные установки не стали ограничивающим фактором для политики демократизации США на постсоветском пространстве. Одним из первых ее результатов стала «оранжевая революция» на Украине.

В начале нового президентского срока Буша-младшего была представлена новая редакция СНБ (2006) [49]. В данном документе указывалось, что развитие отношений с Россией будет зависеть от внешней и внутренней политики Москвы, в том числе от того, будут ли установлены демократические режимы в прилегающих к России государствах. Отметим, что в риторике Вашингтона демократичность государства во многом определяется исходя из соответствия его политики интересам США.

Через два месяца после опубликования Стратегии 2006 г. в Вильнюсе Р. Чейни произнес речь, в которой обозначил ограничения политики Москвы [2]. По словам вице-президента, перед Россией стоит выбор: или вернуться на путь демократизации, или стать врагом для США. Помимо этого Р. Чейни указал на недопустимость претензий Москвы на статус энергетической сверхдержавы и использования экономического давления в отношениях с постсоветскими странами, прежде всего с Украиной. Кроме того, недопустима политика Кремля, препятствующая демократизации в постсоветских странах и наносящая ущерб их территориальной целостности. Тогда Белый дом попытался смягчить негативный эффект данного выступления для россий-

ско-американских отношений, но поддержал его основные тезисы [10]. Вскоре после этого, в 2007 году, Конгресс выразил поддержку стремлению Украины и Грузии вступить в НАТО, приняв «Закон об укреплении свободы в рамках НАТО» (NATO Freedom Consolidation Act of 2007).

Следует сказать, что вслед за «оранжевой революцией» перед Украиной вполне определенно были обозначены перспективы вступления в НАТО и ЕС. Новые отношения между Киевом и Вашингтоном были продекларированы в «Повестке нового века для украинско-американского партнерства» (2005). В 2006 году на саммите ЕС в Хельсинки речь шла об усилении интеграции с Украиной.

Своего рода ответом на усиливающееся влияние США на постсоветском пространстве и ультимативные высказывания Белого дома стала Мюнхенская речь В. В. Путина (2007), в которой было представлено принципиальное несогласие России с США по вопросам безопасности в связи с расширением НАТО и военной инфраструктуры США на восток. Сегодня можно говорить о том, что выстроить диалог с Вашингтоном по принципиальным вопросам не удалось. Администрация Дж. Буша следовала выбранному курсу на односторонние действия. Теперь в поле такой политики включались Россия, постсоветское пространство, в том числе Украина.

Так, уже в 2008 году на саммите НАТО в Бухаресте было гарантировано вступление Украины в Альянс. При этом стороны подписали дорожную карту по сотрудничеству. Тогда же, в 2008 году, США и Украина подписали Хартию о стратегическом партнерстве. В данных документах говорилось о готовности Вашингтона способствовать вступлению Украины в НАТО.

Приход в Белый дом администрации Б. Обамы сопровождался корректировкой политического курса. Дж. Байден, тогда вице-президент, заговорил о необходимости «перезагрузки» отношений с Россией. В 2010 году новая администрация представила свое видение стратегии национальной безопасности США.

СНБ 2010 [41] содержала неизменную установку на сохранение глобального лидерства США, обеспечиваемого в том числе военным превосходством, но значительно смягчала политическую риторику. Отечественные эксперты В. Н. Конышев,

А. А. Сергунин приходят к выводу, что, несмотря на стремление придать американскому лидерству более привлекательный вид, Стратегия 2010 не содержит фундаментальных изменений по сравнению с предыдущим документом [5]. Всё же отметим, что доктрина Обамы была построена на отличных от предыдущей Стратегии идейных основаниях.

Разработчики документа 2010 года (Дж. Бреннан, Т. Дони-лон, Дж. Стейнберг) исходили из необходимости отхода от односторонней политики Дж. Буша к большей многосторонности и вовлечению других стран в реализацию политических целей США. Значительное внимание уделялось организации совместных действий с другими государствами, взаимодействию по вопросам безопасности.

Данный подход распространялся, прежде всего, на союзников Америки. Лиссабонский саммит НАТО 2009 года демонстрировал готовность США к решению проблемных вопросов с другими членами Альянса на основании консенсуса.

Россия в СНБ 2010 представлена в качестве одного из ключевых центров влияния (после Китая и Индии). Отмечалась необходимость сотрудничества по вопросам стратегической безопасности, противодействия экстремизму, развития торговли и инвестиций. Тем не менее перспективы развития отношений ставились в зависимость от соблюдения Москвой международных норм и ее приверженности «универсальным ценностям». Кроме того, уже тогда США заявили о поддержке суверенитета и территориальной целостности соседей России.

Таким образом, администрация Обамы сохраняла неизменным подход, согласно которому Москва должна быть ограничена в своей политике на постсоветском пространстве. Утверждение влияния США в регионе должно было гарантировать невозможность восстановления России как центра силы. При этом Украина оставалась одним из наиболее острых вопросов отношений между Москвой и Вашингтоном. Последующие события показали, что противоречия в данном вопросе, нарастающие в 2004—2008 годах, имеют для США принципиальный характер. В связи с этим необходимо более подробно рассмотреть изменения в политическом дискурсе Америки по украинскому вопросу.

Особенности политического дискурса в США по «украинскому вопросу»

Уже в период кризиса СССР Украина оказалась в центре внимания американских политиков. Об этом свидетельствует визит Президента Дж. Буша в Киев летом 1991 года. Позднее рост интереса Вашингтона к постсоветским странам, в том числе к Украине, был связан с ослаблением позиции России. Российские политики пытались обозначить красные линии. В частности, известно выступление А. Козырева в 1992 году о том, что Россия готова отстаивать свои интересы на постсоветском пространстве [8], дезавуированное им же через час. Возможности российской политики на постсоветском пространстве долгое время оставались ограниченными.

В концептуальном плане на позицию американского истеблишмента по украинскому вопросу определяющее влияние оказывала теория демократизации. Кроме того, американская политика в отношении Украины определялась доводами геополитики тех лет. З. Бжезинский доказывал, что без Украины Россия никогда более не обретет той силы, которой обладала ранее. Украина нуждается в поддержке и гарантиях США, в том числе связанных с вступлением в НАТО [18]. По мнению аналитиков, Россия находится в стратегической западне, зажатая между постсоветскими республиками, основное место среди которых принадлежит Украине [19]. Наряду с недопущением формирования силового вакуума в Восточной Европе данные аргументы стали определяющими для принятия в НАТО государств региона и политики вовлечения бывших советских республик.

Важное значение для понимания политики США на Украине имеет конструктивистский подход в изучении нации и национализма. В 1980-х годах вышел ряд работ Б. Андерсена, М. Хроха и др., приведших новую аргументацию для рассмотрения нации как следствия модернизационных процессов. Следует отметить, что возможности конструирования наций не являются безграничными. Так, Р. Брубейкер [1, с. 111] обращает внимание на то, что различия между русскими и украинцами являются едва уловимыми. Тем не менее в Вашингтоне стало востребовано другое представление об украинской идентичности.

В формирование американского видения политических процессов на Украине вовлечены выходцы из данной страны. Например, в 1992 году вышла статья Р. Сольчаника [47], тезисы которой предвосхищают утверждение о том, что Россия без Украины не сможет возродиться в качестве «империи». В США существует ряд изданий, обеспечивающих продвижение [об украинском лобби см.: 7] представлений об особой украинской идентичности. Многие их авторы имеют украинское происхождение¹, например А. Мотыль, А. Каратыньский, Т. Кузио, О. Процик и К. Коростелина (разработчик украинской «политики примирения» в Крыму). Данные эксперты сотрудничают с ведущими европейскими, американскими университетами и аналитическими центрами. Кроме того, их исследовательская деятельность поддерживается грантами ведущих фондов². Можно ставить вопрос о сети украинских специалистов, связанных с ведущими исследовательскими и аналитическими центрами в западных странах. Американский дискурс по украинскому вопросу формируется данными авторами, их публикациями в ведущих журналах и СМИ.

В концептуальном плане работы данных авторов следуют идеям Р. Шпорлюка — исследователя, осуществившего ревизию украинского национализма и одним из первых применившим конструктивистские концепции к Украине [4; 15]. Согласно Р. Шпорлюку, украинцы — периферийный этнос Российской империи (и других империй), зависимый от политики центра. Национальное развитие на Украине началось в конце XIX века и было замедлено новым этапом имперского развития России — Советским государством. В современных условиях на Украине началось национальное возрождение, которое должно навсегда покончить с имперским прошлым.

Примечательно, что уже в 1993 году в ходе дискуссии об украинском ядерном оружии ее участники говорили о «столетиях по-

¹ Например: Communist and Post-Communist Studies, Harvard Ukrainian Studies. За пределами США площадкой для изучения украинской политики стал британский журнал «International Affairs» (Royal Institute of International Affairs).

² Так, например, исследования К. Коростелины финансируются фондами Макаурта, Спенсера, Рокфеллера, Эберта, Сороса, Национальной академией образования США, Бюро по делам образования и культуры USDS, INTAS, IREX, Институтом Эккерта и многими другими (Available at: <https://carterschool.gmu.edu/profiles/ckoroste> (accessed: 08.06.2023)). Научная карьера Т. Кузио развивалась в университетах Альберты, Джорджа Вашингтона, Торонто, Международном институте стратегических исследований, Школе перспективных международных исследований Университета Джона Хопкинса и многих других (Available at: <https://henryjacksonsociety.org/staff/dr-taras-kuzio/> (accessed: 08.06.2023)).

рабощения» Украины Москвой и об «истории взаимной вражды русских и украинцев» [33; 37]. При этом перспектива войны между Россией и Украиной рассматривалась как крайне высокая, предопределенная историческими и геополитическими причинами.

Украина с 1990-х годов включалась в геополитические схемы экспертов Вашингтона. Бывшая советская республика рассматривалась как потенциальный союзник, освобожденный от советского «имперского» гнета. В данной модели стали востребованы наработки теоретиков украинского национализма, которые могли предложить готовый, проработанный подход, соответствующий современной теории нации и запросам Вашингтона. Украинцы были представлены ими в качестве еще одного периферийного народа, нуждающегося в защите от имперских посягательств и демократизации под покровительством Америки. Тем не менее на практике такая схема стала давать один за другим сбои.

Майдан 2014 года и изменение политики США в отношении России

Политика США по отношению к Украине следовала рассмотренным взглядам и способствовала дестабилизации социально-политической ситуации в данной бывшей советской республике.

В постсоветский период закладывались основы влияния США на внутреннюю политику Украины. Путем укрепления связей негосударственных организаций, украинских диаспор в западных странах и украинских чиновников формировались предпосылки «оранжевой революции», о чем подробно писал М. Макфол [30]. Вашингтон активно задействовал инструменты влияния в социально-гуманитарной сфере («мягкую силу»). Кроме того, значимые последствия имела деятельность украинских религиозных организаций. При этом возможности сближения Украины и России рассматривались как маловероятный, но недопустимый сценарий [22]. Такой поворот политики Украины, с точки зрения американских экспертов, означал бы ревизию геополитического положения, сложившегося после распада СССР.

Изменения в социально-гуманитарной сфере, направленные на конструирование украинской нации после 2004 года, позво-

лили украинским политикам ставить вопрос о новой геополитической роли Украины — страны, изолирующей Россию с запада. В этом плане показательна статья Ю. Тимошенко «Containing Russia» [50]. В данной публикации антироссийская риторика с указанием на «имперские амбиции» сочеталась с идеями о демократизации, высказанными в ходе дискуссий о гегемонистской политике США. Теперь они озвучивались украинскими политиками, призывающими к сдерживанию России.

Между тем в украинском обществе нарастало недовольство новой политикой «революционной» власти в Киеве. Так, на съезде в Северодонецке в 2004 году были озвучены требования автономии для восточных регионов.

После победы В. Януковича на президентских выборах 2010 года американские политологи указывали на то, что у нового Президента нет шансов продержаться на посту до истечения срока полномочий [36]. По мнению авторов, легитимность В. Януковича была подорвана антиукраинской культурной политикой, авторитарным правлением и пророссийским курсом. При этом вопросы, связанные с украинским национализмом, всё более выходят на первый план в таких публикациях. Новая украинизация представляется в качестве надежного средства обеспечить долгосрочное влияние США на Украину [39]. В значительной степени такой подход получил развитие в 2014 году в Киеве и в последующих событиях.

Майдан 2013—2014 годов можно рассматривать в качестве следствия политики «мягкой силы» США, политических технологий «цветных революций» и ошибок киевских властей. Тем не менее реакция на смену правления в Киеве со стороны населения юга и востока Украины привела к гражданскому вооруженному конфликту. Конфликт на Украине 2014 года нашел отражение в изменении стратегических установок США. Так, в СНБ 2015 [42] «агрессия России» была названа в числе главных угроз национальной безопасности США.

В данном документе сдерживание России включено в более широкий контекст изменения подхода Вашингтона к политике гегемонии. Концепция «вовлечения», характерная для администрации Обамы, получила более выраженную содержательную направленность. В условиях новых вызовов Америка позициони-

руется в качестве лидера демократических стран, готового к активным действиям и поддержке союзников. Так, согласно документу 2015 года Америка заявляет о том, что готова обеспечить энергетическую безопасность Европы в долгосрочной перспективе, усилит военное присутствие в Центральной и Восточной Европе и поддержит Грузию, Молдову и Украину в вопросах сотрудничества с США и НАТО. При этом перед Россией обозначена возможность наладить сотрудничество с Вашингтоном при условии уважения суверенитета и демократического развития соседних государств.

Кризис 2014 года получил различные интерпретации политологов США. Так, Р. Левголд отмечал, что не следует говорить о новой холодной войне. По его мнению, такая интерпретация событий может способствовать тому, что политики будут следовать неверной и опасной стратегии [25]. Дж. Мэнкоф писал о том, что стратегия Москвы в целом соответствует ее политической линии в разрешении предшествующих конфликтов на постсоветском пространстве [28]. У. Р. Мид ставил вопрос о новой политике в отношении ревизионистских держав — России, Китая и Ирана [32]. Тогда же продолжилась дискуссия между представителями неореалистского и неолиберального подходов. Дж. Миершраймер отстаивал точку зрения, что необдуманная политика США по расширению НАТО на восток обусловила действия России по обеспечению собственной безопасности [34]. Данной позиции оппонировали М. Макфол и С. Сестанович [31]. Бывший посол в России считал кризис результатом авантюристичной политики высшего российского руководства. По мнению же С. Сестановича, если бы не расширение НАТО и политика США, то конфликт России с Украиной был бы гораздо более опасным. Представляется возможным говорить о том, что в целом кризис 2014 года получил сдержанные оценки в мейнстриме американской политической мысли. Россия не была стигматизирована в качестве главной угрозы американской гегемонии. Тем не менее авторы сходились во мнении о необходимости изменения подходов к проводимой политике. При этом если неореалисты говорили о необходимости учесть потребности Москвы в безопасности, то неолибералы считали, что Кремль должен быть радикально ограничен в проведении политики на Украине.

В то же время в американском научном и экспертном сообществе обозначилась позиция, согласно которой причиной конфликта были стремление России установить контроль над Украиной как территорией, исторически входившей в состав имперских владений, и российская идентичность, опирающаяся на империю и национализм [24; 35; 40]. Такой подход якобы определяет политику Москвы, направленную на создание союза трех восточнославянских народов. Следует не согласиться с такой трактовкой как слабо аргументированной. Вопросы «империи» и идентичности славян не отрефлексированы Кремлем. Представляется, что здесь авторы выдают главные опасения заказчикам такого рода экспертных мнений.

Украинский кризис в оценках американских экспертов

Новая администрация Президента Д. Трампа представила свое видение Стратегии США в декабре 2017 года. В данном политическом документе нашли отражение основные приоритеты американской политики, свойственные крылу Республиканской партии, возглавляемому Д. Трампом [43]. Характерен отход от неолиберального подхода к утверждению гегемонии. Согласно СНБ 2017 США должны защищать свои национальные интересы и быть готовыми к защите мира через силу.

Отметим, подход администрации Трампа, сконцентрированной на американских интересах, был пересмотрен при новом Президенте Дж. Байдене. В СНБ 2022 [44] США представлены в качестве лидера свободного мира, вынужденного проводить политику в условиях новых вызовов со стороны антидемократических режимов.

В Стратегии 2017 Россия представлена в качестве ревизионистской державы (термин актуализированный У.Р. Мидом), политика которой противоречит ценностям и интересам США. Россия стремится восстановить свой статус великой державы и создать сферу влияния. Вторжения России в Грузию и на Украину не только угрожают данным государствам, но и подрывают трансатлантическое единство США и их союзников в Европе. Со своей стороны Америка готова к взаимодействию с Россией, но только с позиции силы. Для этого США готовы направить помощь своим союзникам. В СНБ 2022 данный

подход был усилен. Так, указывается, что Россия следует империалистической политике.

Следует сказать, что США оказали поддержку Киеву сразу после начала гражданского конфликта. Так, 4 декабря 2014 года Конгресс принял резолюцию об осуждении действий и агрессивной политики России против соседних стран в целях достижения политического и экономического господства (№ 758). 18 декабря 2014 года Б. Обама подписал Акт о поддержке свободы Украины (№ 5859). С этого времени США перешли к открытой военно-политической помощи Киеву. Данную политику продолжила администрация Д. Трампа. Также были интенсифицированы контакты Украины с НАТО. В частности, достигнуты соглашения о снабжении, связи и информации. Поставки вооружений на Украину из США начались в 2015 году. С 2017 года передается летальное оружие. НАТО взяло на себя консультационное обеспечение в сфере обороны и безопасности. В последующие годы поддержка со стороны США и их союзников Украине всё более нарастала. Военная поддержка указывала на заинтересованность Вашингтона в продолжении военного конфликта на Украине.

В этот же период постсоветское пространство оказывается в центре внимания аналитических центров США. С 2014 года РЭНД Корпорэйшн, фонд «Наследие», Институт Брукингса, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтонский институт ближневосточной политики, Институт Катона интенсифицируют свои работы по анализу ситуации вокруг Украины [12]. Аналитические разработки указывают на необходимость активного вмешательства США для подтверждения своей ключевой роли в обеспечении безопасности в Европе.

Особое внимание постсоветскому пространству уделяет РЭНД Корпорэйшн. Так, в последние несколько лет аналитический центр выпустил ряд отчетов, посвященных России и постсоветскому пространству: «A Consensus Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia» (2019), «Extending Russia, Competing from Advantageous Ground» (2019) и «Russian Grand Strategy. Rhetoric and Reality» (2021). Несмотря на определенные ограничения таких отчетов, они направлены на анализ, систематизацию и выработку рекомендаций для политического истеблишмента и зачастую проводятся по заказу

государственных институтов. Отличительной чертой данных отчетов РЭНД Корпорэйшн является то, что в их подготовке принимала участие интернациональная команда исследователей, в том числе из России.

С точки зрения аналитиков, промежуточные государства (in-between states) — Украина, Белоруссия, Молдова, Грузия, Армения и Азербайджан — формируют зону нестабильности, конкуренции между Россией и Западом. Пересмотр сложившегося порядка на постсоветском пространстве необходимо осуществлять за счет новой архитектуры безопасности, экономической интеграции и разрешения региональных конфликтов. Создаваемая архитектура безопасности подразумевает доступ США и ЕС к решению вопросов такого рода на постсоветском пространстве. Во многом аналогичные механизмы предусматриваются в части экономического сотрудничества и разрешения конфликтов.

Однако пути мирного разрешения конфликта на Украине команде экспертов найти так и не удалось. Слишком сложным оказалось сочетание исторических, этнических, политических и экономических факторов. При этом уже в 2019 году эксперты отмечали, что альтернативой компромиссу может стать только обострение конфликта [11]. В отношении России аналитики РЭНД указывают на необходимость подрыва имеющихся преимуществ в сфере обороны с обязательным вовлечением ЕС в санкционную политику. Возможности российских Вооруженных сил для участия в крупном региональном конфликте, с точки зрения авторов отчета о стратегии России, ограничены. В докладах рассматривается возможность соглашения с Россией, заключающегося в последовательном снижении влияния Москвы на все промежуточные страны, в том числе с учетом вооруженного противодействия ей со стороны данных государств.

Необходимо отметить, что после 2020 года украинский кризис рассматривается Вашингтоном во всё более широкой стратегической перспективе. Примером может служить статья У. Митчела, бывшего помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии [38]. Основной тезис работы состоит в следующем: чтобы принудить Россию к сотрудничеству, выгодно-му США, ей необходимо нанести военное поражение. Наиболее подходящим местом для такого конфликта является Украина,

тем самым для США не будет необходимости одновременно сдерживать Россию и Китай.

В целом американские эксперты рассматривают украинский кризис в контексте подъема новых центров силы, способных противостоять гегемонистской политике США. Данный подход соответствует стратегическим установкам, декларируемым СНБ 2017 и затем СНБ 2022. Россия представляется в качестве одного из таких центров силы. Разрешение противостояния на Украине должно привести к изоляции России, окруженной «промежуточными государствами». Влияние Кремля в данных странах, значительное в силу геополитических и исторических причин, сокращается в пользу США и ЕС. Россия будет вынуждена подчиниться силовому давлению США и их союзников в Европе и на постсоветском пространстве. Таковы были взгляды американских экспертов накануне специальной военной операции на Украине.

Заключение

В 2022 году старший научный сотрудник РЭНД М. Мазарр небезосновательно рассматривал картину расстановки сил в мире как благоприятную для США. Начавшийся конфликт только сильнее привязал союзников Америки к политике Вашингтона [29]. Обращаясь к проблемам гегемонистской политики США, автор отмечает, что в международных отношениях США необходимо переориентироваться на более конкурентные отношения с Россией и Китаем. Во многом такой подход соответствует представлениям политического истеблишмента США и отражает логику их развития за последние десятилетия.

В основе данных представлений находится неоднократно продекларированное стремление США к лидерству, действительным содержанием которого выступает гегемонистская политика, опирающаяся на экономическое и военное превосходство Америки. Рассмотрение эволюции подходов Вашингтона в отношении России позволяет говорить о существенной преемственности политического курса США, несмотря на смены президентских администраций, но не ограничивается данной констатацией.

В рамках «либеральной гегемонии» Россия должна была следовать по пути демократических и рыночных реформ. При этом

возражения Москвы против расширения НАТО не были услышаны. Политика Дж. Буша, направленная на «демократизацию» на постсоветском пространстве, уже столкнулась с реакцией со стороны Кремля. В период 2004—2008 годов обозначились принципиальные разногласия между Москвой и Вашингтоном в отношении постсоветского пространства в целом и Украины в частности. С точки зрения Белого дома Россия не имела права на собственную политику в отношении стран, когда-то входивших в СССР. С одной стороны, события 2014 года завершали процесс «демократизации» на Украине, с другой — администрация Б. Обамы в рамках курса на «вовлечение» заявила о дополнительных гарантиях европейским союзникам и поддержке Украины. Данное обстоятельство способствовало продолжению конфликта. Тем не менее подход реализовывали и последующие администрации.

Политика в отношении России является одним из центральных вопросов дискуссии между неореалистами и неолибералами в академическом и экспертном сообществе США. Неореалисты выступают последовательными противниками расширения НАТО и силового противодействия России, обоснованно указывая на неэффективность такой политики. Украинский кризис, по мнению некоторых представителей данного подхода, иллюстрирует ошибочность политики Вашингтона последних десятилетий.

Неолибералы связывают кризис с якобы авторитарной политикой Москвы. США, в их риторике, просто не остается выбора, кроме как противодействовать политике Кремля. В таком подходе оправданы любые силовые действия Вашингтона, включая санкции и поставки вооружений киевскому режиму. США представлены в качестве центра, обладающего исключительным статусом, не только вследствие его мощи, но в силу представляемых им ценностей «либеральной демократии».

Важной составляющей «украинского дискурса» являются публикации политологов украинского происхождения. В данных публикациях транслируются представления, соответствующие американским стереотипам.

В политике Вашингтона Украине отводится роль еще одной постколониальной страны, бывшей имперской периферии, нации, обретшей желанную независимость и ставшей на путь построения демократии. Данная схема уже была подготовлена

украинскими националистами и реализовывалась в период распада Советского Союза. При этом многочисленные публицисты и политологи украинского происхождения доказывали обоснованность такого подхода американским политикам. В геополитическом плане такой Украине отводится ведущее место среди «промежуточных государств», изолирующих Россию. Фундаментальным противоречием является то, что Украина никогда не была имперской периферией, а украинцы — колониальным этносом.

В целом международные отношения для американского истеблишмента неразрывно связаны с интересами США. Внешняя политика направлена на реализацию целей установления гегемонии в мире, что рассматривается в качестве наиболее надежной гарантии безопасности. Вопросы политики идентичности тесно взаимосвязаны с геополитическими приоритетами и стратегией безопасности. Политика США требовала нейтрализовать возможные стремления Москвы стать центром притяжения наиболее близких исторически и культурно народов, входивших когда-то в единое государство. Данный подход нашел выражение в изменении доктринальных установок и политическом курсе, направленном на поддержку Киева и продолжение кризиса. Данные выводы позволяют также говорить о том, что конфликт на Украине с высокой вероятностью приобретает долгосрочный характер.

Литература

1. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. — М.: Высш. школа экономики, 2012. — 408 с.
2. Враг у ворот. Дик Чейни произнес в Вильнюсе почти фултонскую речь // Коммерсант. — 05.05.2006. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/671371> (дата обращения: 09.06.2023).
3. *Иванов О. П.* Американская официальная концепция расширения НАТО на восток: к истокам вопроса // Современная Европа. — 2017. — № 6 (78). — С. 34—46.
4. *Касьянов Г. В.* «Пикник на обочине»: Осмысление имперского прошлого в современной украинской историографии // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. В. Герасимова и др. — Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. — С. 81—108.
5. *Конышев В. Н., Сергунин А. А.* Стратегия национальной безопасности Б. Обамы: состоялось ли радикальное обновление? // Обозреватель—Observer. — 2010. — № 12. — С. 87—95.
6. *Лейк Э.* Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению» // США: экономика, политика, идеология. — 1994. — № 3. — С. 29—38.
7. *Лощкарев И. Д., Пареньков Д. А., Сушенцов А. А.* Влияние этнонациональных лобби на внешнюю политику США: исторический опыт украинской диаспоры // Вестник МГИМО. — 2018. — № 2 (59). — С. 165—184.
8. Российский министр провел сеанс «шоковой дипломатии» // Коммерсантъ. — 16.12.1992. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/33555> (дата обращения: 06.06.2023).

9. Украина задумалась о целесообразности нахождения в СНГ // Российская газета. — 06.05.2006. — URL: <https://rg.ru/2006/05/06/otkat.html> (дата обращения: 08.06.2023).
10. Чарап С., Кортунов А. Взаимодействие России и США по разрешению кризиса на Украине. Возможности и значение / Центр стратегических и международных исследований. — 2019. — Март. — URL: <https://russiancouncil.ru/papers/CSIS-RIAC-US-RussiaUkraineCrisis-Ru.pdf?ysclid=16thkirqhm13696897> (дата обращения: 09.06.2023).
11. Чмырева В. А. Украинский кризис в исследованиях «Фабрик мысли» США // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2014. — № 4. — С. 59—69.
12. Шаклеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991—2002). — М.: Ин-т США и Канады РАН, 2002. — 443 с.
13. Шишков В. В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 4. — С. 22—36.
14. Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству // Украина и Россия: общества и государства / под ред. Д. Е. Фурмана. — М.: Права человека, 1997. — С. 41—70.
15. A National Security Strategy for A New Century. — May, 1997. — URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1997.pdf> (accessed: 07.06.2023).
16. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. — July 1994. — URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1994.pdf> (accessed: 07.06.2023).
17. Brzezinski Z. A Plan for Europe // Foreign Affairs. — Vol. 74. — 1995. — No. 1. — P. 26—42.
18. Garnett S. Russia's Illusory Ambitions // Foreign Affairs. — Vol. 76. — 1997. — No. 2. — P. 61—76.
19. Hill F., Stent A. The World Putin Wants: How Distortions About the Past Feed Delusions About the Future // Foreign Affairs. — Vol. 101. — 2022. — No. 5. — P. 108—122.
20. Karatnycky A., Motyl A. J. The Key to Kiev: Ukraine's Security Means Europe's Stability // Foreign Affairs. — Vol. 88. — 2009. — No. 3. — P. 106—120.
21. Kennan G. F. A Fateful Error // New York Times. — February 5, 1997. — URL: <https://www.nytimes.com/1997/02/05/opinion/a-fateful-error.html> (accessed: 08.06.2023).
22. Kuzio T. Russian National Identity and the Russia-Ukraine Crisis // Federal Academy for Security Policy. Security Policy Working Paper. — 2016. — No. 20. — URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep22141> (accessed: 09.06.2023).
23. Legvold R. Managing the New Cold War. What Moscow and Washington Can Learn From the Last One // Foreign Affairs. — Vol. 93. — 2014. — No. 4. — P. 74—84.
24. Mandelbaum M. Mission Failure: America and the World in the Post-Cold War Era. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — 485 p.
25. Mandelbaum M. Preserving the New Peace: The Case against NATO Expansion // Foreign Affairs. — Vol. 74. — 1995. — No. 3. — P. 9—13.
26. Mankoff J. Russia's Latest Land Grab: How Putin Won Crimea and Lost Ukraine // Foreign Affairs. — Vol. 93. — 2014. — No. 3. — P. 60—68.
27. Mazarr M. J. Understanding Competition. Great Power Rivalry in a Changing International Order — Concepts and Theories/RAND Corporation. — 2022. — URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep40392> (accessed: 09.06.2023).
28. McFaul M. Ukraine Imports Democracy: External Influences on the Orange Revolution // International Security. — Vol. 32. — 2007. — No. 2. — P. 45—83.
29. McFaul M., Sestanovich S., Mearsheimer J. J. Faulty Powers. Who Started the Ukraine Crisis? // Foreign Affairs. — Vol. 93. — 2014. — No. 6. — P. 167—178.
30. Mead W. R. The Return of Geopolitics. The Revenge of the Revisionist Powers // Foreign Affairs. — Vol. 93. — 2014. — No. 3. — P. 69—74, 75—79.
31. Mearsheimer J. J. The Case for a Ukrainian Nuclear Deterrent // Foreign Affairs. — Vol. 72. — 1993. — No. 3. — P. 50—66.
32. Mearsheimer J. J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin // Foreign Affairs. — Vol. 93. — 2014. — No. 5. — P. 77—89.

33. *Menkiszak M.* Why War Came to Ukraine. Russia's Long War on Ukraine. German Marshall Fund of the United States. — 2016. — URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep19013.4> (accessed: 06.06.2023).
34. *Menon R., Motyl A. J.* Counterrevolution in Kiev: Hope Fades for Ukraine // *Foreign Affairs*. — Vol. 90. — 2011. — No. 6. — P. 137—148.
35. *Miller S. E.* The Case against a Ukrainian Nuclear Deterrent // *Foreign Affairs*. — Vol. 72. — 1993. — No. 3. — P. 67—80.
36. *Mitchell A. W.* Strategy for Avoiding Two-Front War // *The National Interest*. — 22.08.2021. — URL: <https://nationalinterest.org/feature/strategy-avoiding-two-front-war-192137> (accessed: 09.06.2023).
37. *Motyl A. J.* Ukrainian Blues: Yanukovich's Rise, Democracy's Fall // *Foreign Affairs*. — Vol. 89. — 2010. — No. 4. — P. 125—136.
38. *Motyl A. J.* Putin's Zugzwang: The Russia-Ukraine Standoff // *World Affairs*. — Vol. 177. — 2014. — No. 2. — P. 58—65.
39. *National Security Strategy*. — May, 2010. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 09.06.2023).
40. *National Security Strategy*. — February, 2015. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 09.06.2023).
41. *National Security Strategy of the United States*. — December, 2017. — URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 09.06.2023).
42. *National Security Strategy*. — October, 2022. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 09.06.2023).
43. Road to war: U.S. struggled to convince allies, and Zelensky, of risk of invasion // *Washington Post*. — 16.08.2022. — URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/interactive/2022/ukraine-road-to-war/?itid=hp-top-table-main-t-4> (accessed: 09.06.2023).
44. *Seddon M., Miller C., Schwartz F.* How Putin blundered into Ukraine — then doubled down How Putin blundered into Ukraine — then doubled down // *The Financial Times*. — 22.02.2023. — URL: <https://www.ft.com/content/80002564-33e8-48fb-b734-44810afb7a49> (accessed: 09.06.2023).
45. *Solchanyk R.* Ukraine, The (Former) Center, Russia, and "Russia" // *Comparative Communism*. — 1992. — No. 25 (1). — P. 31—45.
46. *The National Security Strategy*. — September, 2002. — URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/>(accessed: 09.06.2023).
47. *The National Security Strategy*. — March, 2006. — URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>(accessed: 09.06.2023).
48. *Tymoshenko Y.* Containing Russia // *Foreign Affairs*. — Vol. 86. — 2007. — No. 3. — P. 69—82.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гаврилова Светлана Михайловна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Svetlana M. Gavrilova,

Ph. D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: smgavrilova@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ИХ ПОСТАНОВКА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

SECURITY PROBLEMS IN THE CONTEMPORARY WORLD AND THEIR FORMULATION IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Аннотация: в статье, посвященной анализу монографии А.А. Синдеева «“Классические проблемы” общеевропейской безопасности в работах российских политологов», рассматриваются ключевые проблемы современной системы общеевропейской и мировой безопасности. В данном издании, посвященном анализу изучения указанных проблем в российской политической науке, систематизируются и рассматриваются ключевые работы отечественных политологов по вопросам безопасности в современном мире. Утверждается, что от успешности функционирования системы европейской безопасности зависит мировая безопасность. Ключевое внимание в книге уделяется обострению вопросов в сфере обеспечения безопасности в результате украинского кризиса. На основе изучения целого ряда работ и оценки результативности научных исследований в сфере их применения на практике автор монографии предлагает свою концепцию формирования нового направления в политической науке — политолографии (изучение работ политологов). Монографию А.А. Синдеева отличает высокая практическая значимость благодаря формулированию конкретных рекомендаций в целях формирования научно-аналитических основ для выработки взвешенных политических решений.

Ключевые слова: международная безопасность, «архитектура безопасности», Европа, научный дискурс, политическая наука.

Abstract: the article devoted to the analysis of A. Sindeev's monograph "“Classical problems” of pan-European security in the works of Russian political scientists" examines the key problems of the modern system of pan-European and world security. This publication, devoted to the analysis of the study of these problems in Russian political science, systematizes and

analyzes the key works of domestic political scientists devoted to security issues in the modern world. It is argued that world security depends on the success of the functioning of the European security system. The book focuses on the aggravation of security issues as a result of the Ukrainian crisis. Based on the study of a whole body of works and evaluation of the effectiveness of scientific research in the field of their application in practice, the author of the monograph offers his concept of the formation of a new direction in political science — political science (the study of the works of political scientists). The monograph of A. Sindeev is distinguished by its high practical significance due to the nomination of specific recommendations in order to form a scientific and analytical basis for the development of balanced political decisions.

Key words: international security, “security architecture”, Europe, scientific discourse, political science.

Современная система общеевропейской безопасности находится в глубоком кризисе: события 2022—2023 годов сделали это очевидным. Европейские страны оказались неспособны адекватно реагировать на актуальные вызовы в данной сфере. Стало очевидно, что процессы снижения конфронтационности и военных рисков невозможны, поскольку европейское сообщество предпочитает эскалацию конфликта, причем не только путем отказа от переговоров, но и фактически прямым воздействием на конфликт. Очевидно, что от состояния системы общеевропейской безопасности напрямую зависит и характер мировой безопасности: «в условиях глобальности конфликты в Европе стимулируют конфликты в других частях мира» [6, с. 42]. При этом, как справедливо отмечает в рассматриваемой монографии А. А. Синдеев, «“Классические” проблемные комплексы в сфере общеевропейской безопасности — это ограниченные системы: они состоят из элементов, задействуют институты, сменяющих друг друга игроков и не обязательно напрямую связаны с архитектурой безопасности в Европе» [6, с. 88].

Системное рассмотрение проблем, существующих в данной сфере, их научный анализ способствуют пониманию сущности этих проблем и позволяют выработать рекомендации для конкретных действий в сфере снижения напряженности и формирования устойчивой архитектуры безопасности. В данном контексте рассматриваемая работа А. А. Синдеева представляется уникальным теоретическим исследованием, дополненным практическими рекомендациями, основанными на анализе существующих в научном сообществе разработок в сфере изучения безопасности.

А. А. Синдеев в своей работе акцентирует внимание на том, что в современной ситуации обострения международных отношений

российские политологи могут и обязаны интенсивнее работать над прогнозированием и выработкой рекомендаций в контексте актуальной повестки дня [6, с. 7]. При этом, как отмечает автор, в современном мире, в условиях роста консолидации научной деятельности представителей разных стран и сообществ через сотрудничество в формате удаленной связи, формирование и разработка новых политических теорий, образование новых политических школ имеет большие перспективы: «Современность предоставляет уникальный шанс устранить трудности внутренней консолидации и повысить продуктивность взаимодействия отечественных политологов. ...Одним из перспективных научных направлений на современном этапе могло бы стать развитие политологии, анализа работ политологов. ...политология может писаться как в рамках проблемного, так и концептуального подхода» [6, с. 7—8]. В монографии отмечается, что политология, являясь новым научным направлением, способна «улучшить результативность сотрудничества и при необходимости позволит институционализировать диалог» [6, с. 9]. Очевидно, что процесс формирования нового научного направления не просто является закономерным в условиях роста востребованности анализа актуальных вызовов и угроз, но и представляется необходимостью: в контексте того, что вопросы безопасности в настоящее время выходят на первый план, в том числе в сфере внешней политики Российской Федерации, представляется актуальным процесс систематизации и, возможно, институционализации разработок отечественных ученых-политологов в целях выработки конкретных рекомендаций для государственных органов, вовлеченных в процесс принятия внешнеполитических решений, на основе выводов, к которым пришли представители академической науки.

В рамках формирования основ политологии А. А. Синдеев приходит к выводу, что «конкурентоспособность современной российской политологии в сфере безопасности будет зависеть, на наш взгляд, от способности быстро и качественно решать конкретные задачи и давать практико-ориентированные конкретные рекомендации» [6, с. 79]. Автор отмечает необходимость формирования ряда инструментов для осуществления указанной задачи: создание дискуссионных площадок, привлечение более

широкого круга исследователей, использование междисциплинарного подхода, переориентация на необходимость выработки четких (письменных) рекомендаций, предварительный системный анализ работ коллег-исследователей.

В своей монографии А. А. Синдеев предлагает рассматривать проблемы европейской безопасности в контексте их глобального измерения, не как «сугубо европейские». В данном решении просматривается рациональный подход: проблемы европейской безопасности и методы их решения тесно связаны с вопросами безопасности в высоко конфликтном регионе Ближнего Востока и Северной Африки, с вопросами безопасности и геополитических интересов России, затрагивают в том числе и интересы КНР, что обусловлено объективными географическими факторами.

В Хартии европейской безопасности 1999 года, как подчеркивает автор, в контексте роста угроз безопасности и их увеличивающегося разнообразия (терроризм, проблемы окружающей среды, экономические сложности) особо выделялась важность сопредельных с Европой регионов, «что автоматически переносило европейскую безопасность и происходившие в ней процессы в контекст более масштабной субрегиональной безопасности» [6, с. 10]. Именно в Хартии европейской безопасности впервые зафиксированы постулат о невозможности укрепления собственной безопасности за счет других государств, а также тезис о невозможности доминирования какого-либо государства в сфере поддержания мира и стабильности в регионе ОБСЕ и рассмотрения какой-либо части региона в качестве сферы своего влияния. Таким образом, Хартия закрепляла стремление принявших ее государств формировать отношения в системе построения всеобщей региональной безопасности с точки зрения солидарности, равноправного партнерства и принципа всеобъемлющей безопасности, поскольку «безопасность каждого государства-участника неразрывно связана с безопасностью всех других» [6, с. 11].

А. А. Синдеев, основываясь на наблюдениях ученых-политологов, изучивших данный вопрос отмечает, однако, аморфность постулированных в документе принципов и отсутствие юридической обязательности и подчеркивает, что «ОБСЕ де-факто была признана потенциальным гарантом безопасности», поскольку

не получила никаких полномочий для того, чтобы выступать реальным гарантом декларируемых в Хартии принципов [6, с. 11]. В условиях отсутствия согласованности в видении будущего региона и нежелания пойти на ограничение повестки организации в целях оптимизации ее деятельности ОБСЕ не получила возможности реализовать свой потенциал в сфере урегулирования вопросов европейской безопасности. Как отмечается в монографии, к 2014 году «архитектура европейской безопасности» оставалась размытой», отсутствовала программа действий и даже представление о ней [6, с. 12]. Автор подчеркивает также, что негативную роль в процессе формирования условий для создания устойчивой системы безопасности сыграло наличие конкуренции структур и организаций в этой сфере.

А.А. Синдеев выделяет ряд проблем, свойственных системе общеевропейской безопасности: во-первых, приуменьшение значения сложностей в данной сфере; во-вторых, «замороженность» большого числа проблем; в-третьих, стремление сохранить статус-кво [6, с. 13—14]. Автор утверждает, что политические элиты стран Европы фактически внедрились в массовое сознание постулат о том, что наличие проблем в каких-либо сферах общеевропейской безопасности не противоречит существованию полноценной архитектуры безопасности в регионе, а также уверенность в том, что наличие этой системы невозможно без существования определенных сложностей и данная модель оказывается удобной с точки зрения того, что находящиеся у власти лидеры могут оправдывать собственное бездействие или неспособность решать существующие проблемы [6, с. 13]. В монографии подчеркивается, что в контексте данных характеристик перед научным сообществом стоит задача комплексного рассмотрения всех указанных проблем в целях выработки рекомендаций для их успешного решения.

В качестве одной из характеристик современной политики, в том числе политики безопасности, А.А. Синдеев выделяет так называемый феномен отложенного осмысления, суть которого состоит в том, что новые вызовы и угрозы в сущности не являются новыми, поскольку известны «задолго до того, как политики заговорили об их вызовах» [6, с. 17]. Это, по мнению автора, провоцирует «эффект усложнения пространств», сущность которого

заключается в том, что «неразрешенность нового лишь добавляется к неразрешенности прежнего. Одни проблемные комплексы заменяются в текущей политике другими» [6, с. 17], и это приводит к необходимости поиска новых площадок и расширения круга вовлеченных акторов для решения возникающих проблем.

В качестве важнейших «новых» сфер безопасности, на которых на современном этапе фокусируется внимание политических элит и общественности, в монографии выделяются следующие: космос, информационная безопасность и Арктика. В отношении космической сферы автор указывает на то что в 2019 году начался новый этап освоения космоса западными странами, соглашаясь с мнением Ю. Я. Белоброва [2, с. 10]. Именно в 2019 году «министры иностранных дел стран — участниц НАТО решили признать космос “новой сферой операций блока в интересах противодействия вызовам его безопасности, а также для осуществления политики сдерживания”» [6, с. 18]. За этим событием последовал целый ряд решений, принятых на высшем уровне в США, Великобритании, Франции, касающихся формирования или развития программ и структур в сфере освоения космического пространства, в том числе его использования в военной сфере. В частности, «В экспертном докладе “Повестка дня НАТО до 2030 г. ”, подготовленном к саммиту 2021 г., рекомендуется “объявить космос приоритетной операционной средой”, привлечь частный бизнес к космической программе» [6, с. 20]. Автор монографии соглашается также с Ю. Я. Белобровым в том, что в настоящее время назрела необходимость «активизировать глобальную кампанию по борьбе за мирный и безопасный космос» [2, с. 14].

Относительно цифровых технологий в рассматриваемом труде дается четкая характеристика: этот фактор стал «безальтернативным» в современном мире, особенно в контексте изменений, вызванных пандемией COVID-19. С цифровыми технологиями связано еще одно важнейшее измерение современного понятия безопасности — информационная безопасность. Важной составляющей в данной сфере стали соцсети как площадки для применения манипулятивных технологий [6, с. 22]. При этом важно отметить, что Европа отказалась от консолидированного подхода к обеспечению информационной безопасности, тогда как НАТО еще в 2016 году признало «киберпространство сферой операций»

[7, с. 72]. Фактор использования киберпространства в качестве поля борьбы влечет за собой изменения в глобальном противостоянии, меняя саму природу современных конфликтов. Решением комплекса проблем в данной сфере может стать углубление работы по интернационализации Интернета, начало которой уже положено в рамках деятельности ООН. В контексте роста важности данного направления в международных отношениях А. А. Синдеев в своей работе предполагает, что Российской Федерации было бы выгодно дальнейшее усиление «прозрачности» деятельности в этом вопросе под эгидой ООН, поскольку «открытое обсуждение и обнародование инициатив в Интернете» [6, с. 26] позволило бы оказывать воздействие на страны Запада в этой области. Особое значение в сфере управления Интернетом, по мнению автора, имеет деятельность рабочей группы ООН открытого состава, созданной на основании резолюции № 73/27 Генассамблеи ООН, в рамках которой выдвигаются идеи о преодолении «цифрового разрыва» и «равенстве мира» [6, с. 27].

Особое внимание в монографии уделяется проблемам Арктики. Автор отмечает: «...считается, что данное направление институционально освоено. Арктический совет интерпретируется в качестве перспективной площадки» [6, с. 29—30]. Кроме того, практически все ведущие мировые акторы разработали и утвердили «арктические стратегии» или дополнили основополагающие внешнеполитические документы соответствующими разделами, а все потенциальные конфликты в регионе уже известны. Данные факторы, однако, не снижают напряженности в сфере обеспечения безопасности в Арктике: как отмечается в работе, некоторые исследователи говорят даже об угрозе военного столкновения [6, с. 31—32]. Очевидно, можно согласиться с автором в том, что «последствия сублимации конфликтного потенциала имеют для государств Арктического региона большее значение, чем любые региональные конфликты в Европе» [6, с. 35].

В качестве рекомендации для решения вопросов безопасности в рассматриваемых сферах А. А. Синдеев предлагает следующее: «Наряду с попытками добиться международно-правового регулирования было бы, на наш взгляд, правильным задуматься над альтернативными возможностями, к примеру, над созданием межгосударственных общественных и частных фондов развития

Интернета, космоса и Арктики» [6, с. 35]. Подобные инициативы, однако, затруднены в настоящее время ввиду вовлеченности ключевых мировых акторов в усиливающееся противостояние.

Важной темой в контексте международной и, в частности, европейской, безопасности выступают российско-американские отношения. Будущее международного урегулирования фактически зависит именно от способности двух сторон договориться по важнейшим вопросам современной повестки дня. В работе А. А. Синдеева подчеркивается, что «единая согласованная цель крупных государств или совместный глобализационный проект будущего также не сформулированы, что в контексте разрушения старых и конструирования новых идей способствует критике привычных институтов. В этой связи постоянно слышны предостережения касательно анархичности системы международных отношений. Ничего значимого во взаимодействии крупных держав добиться нельзя, поскольку их отношения зашли в тупик» [6, с. 37]. Выход из этой ситуации автор видит в разъяснении последствий отказа от взаимодействия, отводя особую роль в данном процессе представителям политической науки. Очевидно, что роль теоретиков международных отношений и политологов в сложившейся в современных условиях ситуации на мировой арене может и должна возрастать: экспертные оценки, аналитика и прогнозирование способны оказать реальное воздействие на политические процессы. При этом очевидно, что американские политические элиты пока не готовы к конструктивному диалогу: «Американское доминирование не предполагает сильной России. С ней готовы работать исключительно в логике постепенного ослабления...» [6, с. 40].

А. А. Синдеев справедливо замечает, что цель американской политики доминирования в Европе «заключена в стимулировании искусственного раскола континента, в максимально ускоренном переформатировании в натоцентричном направлении “архитектуры безопасности”, в создании фактов “новой реальности” и в вытеснении и изоляции России, для которой, по всей видимости, пока предусмотрена только роль “изгоя”» [6, с. 40—41]. Это явно противоречит интересам европейских государств, напрямую воздействуя на будущее безопасности всего европейского сообщества. Как отмечается в монографии, у ведущих го-

сударств континента — Франции и Германии — всё еще остается возможность сделать выбор в пользу построения новой архитектуры безопасности в Европе на основе сотрудничества с Россией [6, с. 41—42]. Очевидно, что США будут стремиться не допустить подобного развития событий.

Сквозь призму работ российских ученых-политологов в монографии подробно освещаются ключевые этапы российско-американских (в более широком контексте — российско-западных) отношений. При этом автор подчеркивает, что для конструктивного двустороннего и многостороннего диалога существовали все условия, однако США остались на позициях сомнительной логики «победы в холодной войне» и соответствующего недостаточно уважительного отношения к России и ее позициям по ряду ключевых международных вопросов. В монографии приводится оценка сложившейся ситуации А. С. Давыдовым: политолог отмечает, что уже в 2008—2009 годах произошел «закат однополярности», который американские политические элиты проигнорировали и «сбросили Россию со счетов» [5, с. 81—91]. С данной оценкой можно согласиться: именно подобная позиция американских политиков привела в итоге к обострению конфронтации на международном уровне (в частности, непосредственно на европейском театре) ввиду нарушения всех возможных «красных линий» в отношениях с Россией. Поворотным моментом во взаимоотношениях двух стран стали события 2014 года на Украине, после чего Россия и США фактически вступили в фазу «новой холодной войны». В условиях дальнейшего ухудшения отношений России с США сохраняется, однако, возможность снижения напряженности с европейскими странами — при условии их готовности к уважительному, конструктивному диалогу и дальновидности в отношении выдвигаемых российской стороной предложений о проведении «красных линий» на континенте.

Еще одним важным измерением международной безопасности является вопрос о стратегических вооружениях. В своей книге А. А. Синдеев соглашается с мнением А. Г. Арбатова о том, что «контроль над ядерным оружием перестал быть главной темой» [1, с. 25], а на смену ему пришли проблемы в экономической, ресурсной и климатической сферах, вопросы миграции и последствия глобализации, угроза терроризма. В монографии ак-

кумулируются мнения российских ученых относительно данного вопроса, и на их основе автор приходит к целому ряду важных выводов, среди которых следует особенно выделить утверждения об отсутствии альтернативы переговорам по вопросу о стратегических вооружениях между крупными державами и о необходимости сохранения возможностей для переговорного процесса, а также о возрастании роли малых и средних европейских стран в качестве посредников [6, с. 57—58].

На основе комплексного рассмотрения работ российских ученых-политологов А. А. Синдеев представляет в монографии конкретные рекомендации в целях разрешения сложившегося кризисного положения в российско-американских отношениях. Автор подчеркивает, что в настоящее время перспективу имеет именно экспертный диалог по данному вопросу — желательно, в интернациональном формате [6, с. 58], способный определить ключевые точки соприкосновения и выработать план действий в сфере сотрудничества для снятия возникшей напряженности в двусторонних отношениях. В качестве инструмента подобного диалога предлагается создание электронного ресурса, на котором публиковались бы материалы о работе экспертов. Подобный формат может иметь успех, однако для реализации такого проекта требуется согласованность позиций сторон по ряду острых вопросов, которой, очевидно, будет сложно достичь. При этом, как отмечает автор монографии, решение проблемных вопросов в российско-американских отношениях «будет автоматически означать обсуждение проблем общеевропейской безопасности» [6, с. 60].

Ключевое значение для проблем международной безопасности в настоящее время имеет ситуация на Украине. Именно вопрос о статусе Украины и потенциальном вступлении страны в Североатлантический альянс спровоцировали падение уровня диалога Россия — Запад до низшей точки, что дестабилизировало всю систему международной безопасности. То, каким образом события развиваются в настоящее время, ставит вопрос о реальности угрозы широкомасштабного конфликта — уже не в формате «гибридных войн», а в масштабе полноценного военного столкновения. Причиной сложившейся ситуации стало отсутствие понимания со стороны представителей западного

сообщества важности роли Российской Федерации в системе международных отношений и мировой архитектуры безопасности либо нежелание признавать эту роль. В данном контексте европейские страны, следуя в фарватере американской политики, пошли по пути ослабления собственной независимости и, как следствие, сокращения возможностей для выстраивания прочной системы безопасности на континенте. В условиях исключения России из процесса развития данной системы само ее существование оказывается под вопросом. Ситуация на Украине фактически стала определяющим рубежом для будущего не только европейской безопасности, но, отчасти, и для пути, по которому Европа как цивилизационное явление будет развиваться в дальнейшем.

А. А. Синдеев в своей работе отмечает, что «украинский кризис является комплексным, так как Россия не только помогает населению Донбасса, но и отстаивает собственные национальные интересы» [6, с. 64—65]. Фактически Российская Федерация, отстаивая собственные позиции и интересы на международной арене, вносит вклад в будущее европейской системы безопасности, поскольку в случае дальнейшего роста угроз для страны и нарушения баланса геополитических интересов конфликтная ситуация гипотетически могла бы перейти из фазы «новой холодной войны» к «горячему конфликту». В данном контексте примечательна точка зрения, высказанная А. Д. Богатуровым, О. В. Лебедевой и А. К. Бобровым о том, что «дипломатическое признание ДНР и ЛНР и последовавшее за этим начало спецоперации по защите Донбасса от 24 февраля 2022 г. не просто стали вынужденной реакцией на постепенную деградацию архитектуры европейской безопасности, а фактически выступили в качестве подлинного водораздела в новейшей истории России, приведя к тектоническим изменениям как во внутренней политике страны, так и во всей системе современных международных отношений» [3, с. 18].

Конфликт на Украине — это лишь часть более глобального конфликта, спровоцированного действиями «западных партнеров», который угрожает всей системе международной безопасности и ставит вопрос о социетальной безопасности отдельных акторов международных отношений. Можно предположить, что западных политических стратегов интересует в большей степени

не то, каким образом завершится конфликт на Украине, и не судьба новоприсоединенных к Российской Федерации территорий, а то, какой статус по итогам неизбежных для завершения кризиса переговоров получит Украина — где именно на карте Европы в итоге пройдет «красная линия», на рубежах которой НАТО будет концентрировать свои силы в дальнейшем.

На основе анализа ряда исследований российских политологов, посвященных украинской тематике, А. А. Синдеев приходит к выводу, что «конфликтность будет возрастать, и ее сможет устранить только изменение внутривнутриполитического расклада сил в Америке или более важные мировые проблемы и кризисы. ...В ситуации затягивания позиционной борьбы и непрекращающегося обострения конфликта важно... конкретизировать угрозы длительной дестабилизации» [6, с. 77].

Еще одним измерением международной безопасности, которое выделяется в монографии, является «кавказский узел». В данном контексте особенно важным измерением выступает система региональных акторов, прежде всего региональных центров силы. В отношении «кавказского сюжета», как отмечает автор, аналитическая деятельность научного сообщества может оказаться особенно полезной в плане выработки шагов, направленных на дальнейшую стабилизацию конфликтного потенциала [6, с. 87].

В качестве одного из важнейших выводов в контексте обеспечения будущего европейской архитектуры безопасности в работе А. А. Синдеева обозначено, что «сознательное сокращение собственных национальных опций не будет способствовать решению ни национальных, ни региональных, ни международных задач в сфере безопасности» [6, с. 42]. С данным утверждением можно согласиться ввиду того, что без сотрудничества всех вовлеченных в современные мирополитические процессы глобальных акторов на основе принципа равенства и взаимного уважения, последовательного отстаивания собственных позиций невозможно построение прочной системы безопасности. В монографии сделан важный вывод о том, что для решения ряда проблем в сфере безопасности необходимо внедрение в общественный дискурс тезиса о том, что «понимание безопасности предшествует политике безопасности» [6, с. 90], и этому непо-

средственно способствует научный дискурс. При этом автор полагает, что в ближайшие десятилетия полноценная архитектура европейской безопасности вряд ли будет сформирована.

А.А. Синдеев в своей монографии не только проводит глубокий анализ целого ряда знаковых работ российских ученых, посвященных вопросам безопасности в современном мире и, в частности, в Европе, автор излагает собственное видение этих проблем, анализируя отдельные кейсы в сфере изучения проблем безопасности, а также дает конкретные рекомендации, основанные на глубоком анализе и осмыслении работ видных ученых и собственных разработках, которые могут оказаться полезными при выработке определенных политических решений. Особенно важным представляется предположение автора о том, что формированию системы безопасности будет способствовать совместная работа теоретиков политической науки и практиков реальной политики, в частности в вопросах классификации существующих проблемных комплексов и выявления наиболее приоритетных для решения задач.

Литература

1. *Арбатов А. Г.* Грядет ли гонка без правил? (Ядерное сдерживание в отсутствие контроля над вооружениями) // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2019. — № 5. — С. 24—35.
2. *Белобров Ю. Я.* НАТО нацелилась превратить космос в собственную вотчину // *Международная жизнь.* — 2022. — № 4. — С. 4—15.
3. *Богатуров А. Д., Лебедева О. В., Бобров А. К.* Новые поколения внешнеполитических доктрин России // *Международная жизнь.* — 2022. — № 6. — С. 8—19.
4. *Гаврилова С. М.* Военные и гражданские операции Евросоюза // *Дипломатическая служба.* — 2017. — № 4. — С. 46—53.
5. *Давыдов А. С.* КНР — США — Россия: факторы геополитического соперничества // *США & Канада: экономика, политика, культура.* — 2021. — № 8. — С. 81—91.
6. *Синдеев А. А.* «Классические проблемы» общеевропейской безопасности в работах российских политологов: [монография]. — М.: Ин-т Европы РАН, 2022. — 108 с.
7. *Штоль В. В., Задохин А. Г.* Информационно-коммуникационные технологии и информационная безопасность России // *Обозреватель — Observer.* — 2022. — № 5—6. — С. 66—77.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2023. № 3 (37)

Редактор *Н.В. Багорова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 10.08.2023. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 11.625
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5